

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 6 / 2009

Становление Китая как
ответственной глобальной державы

●
Китай и нераспространение
ядерного оружия

●
Шесть десятилетий
экономического развития КНР

●
Гендерный вопрос на Тайване

●
Русские консульства в Монголии
в начале XX века

●
Загадка династии «Си»

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

6/2009

Ноябрь - Декабрь

Научный и общественно-политический журнал, выходит шесть раз в год на русском и четыре раза в год на английском языках

Выпускается под руководством Отделения общественных наук РАН

Издается с марта 1972 года

ПОЛИТИКА

- В. Портяков.* Становление Китая как ответственной глобальной державы.....3
- С. Понамарев.* Политика КНР в области нераспространения ядерного оружия: доктрина, теория и практика14
- Л. Забровская.* Китай и КНДР: курс на сохранение регионального статус-кво26
- В. Ганшин.* Прочность китайской “мягкой силы”34

ЭКОНОМИКА

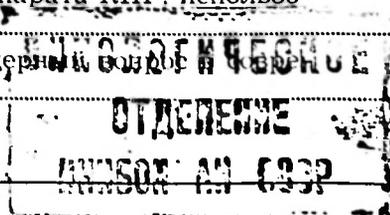
- А. Островский.* Некоторые особенности экономического развития КНР за 60 лет (1949—2009 гг.).....45
- М. Александрова.* Четверть века торгово-экономического сотрудничества РФ и КНР (на примере провинции Хэйлуунцзян).....56

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

- А. Ершов.* Процесс реформирования госаппарата КНР: использование новых технологий.....73
- Е. Степанова.* Положение женщин и гендерный вопрос в современном Тайване.....86

© Российская академия наук, 2009 г.

© Редколлегия журнала “Проблемы Дальнего Востока” (составитель), 2009 г.

2-6 203.

ИСТОРИЯ

А. Сизова. Русские консульства в Монголии в российско-китайско-монгольском политическом взаимодействии начала XX в.	100
--	-----

КУЛЬТУРА

Н. Лебедева. Особенности “движения 4 мая 1919 года” на Северо-Востоке Китая и развитие новой литературы региона	114
Н. Мартыненко. Загадка “династии Ся” и символика сельскохозяйственного цикла	124
А. Хохлов. Активизация изучения русского языка в Китае после образования КНР	136

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Д. Шамбо. Заметки о современном американском китаеведении	145
Л. Козлов. Политические исследования Восточной Азии в современной Германии.....	154
Г. Яскина. Станет ли Улан-Батор азиатским Хельсинки?.....	163
Д. Смирнов. Актуальные вопросы современной истории Китая в оценках китайских и зарубежных исследователей.....	166

РЕЦЕНЗИИ

В. Ли. Федоровский А.Н. Феномен чэболь. Государство и крупный бизнес в Республике Корея.....	176
--	-----

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Юбилей Людмилы Александровны Волковой.....	179
--	-----

Contents.....	180
---------------	-----

Summary	181
---------------	-----

Содержание журнала “Проблемы Дальнего Востока” за 2009 год	184
--	-----

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков

Редакционная коллегия: Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, К.В. Внук, Л.М. Гудошников, А.С. Давыдов (зам. главного редактора), А.З. Жебин, Е.И. Зеленев, В.О. Кистанов, А.В. Ломанов, С.Г. Лузянин, А.Е. Лукьянов, А.В. Макаров, П.А. Минакир, А.В. Островский, Л.С. Переломов, С.С. Разов, И.А. Рогачев, Д.А. Смирнов, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь), В.Н. Усов.

Политика

Становление Китая как ответственной глобальной державы

© 2009

В. Портяков

Прослежены генезис и объективные основания для самоидентификации Китая как ответственной глобальной державы. Дана оценка влиянию Запада на этот процесс. Рассмотрены особенности концептуального подхода Китая к своей глобальной ответственности и основные сферы ее практической реализации на современном этапе.

Ключевые слова: Китай, ответственная глобальная держава, процесс становления, влияние Запада, объективные основания, концепция, сферы реализации, перспективы.

Заметно возросшая в первом десятилетии XXI века внешнеполитическая активность Китая сопровождалась выдвиганием в Пекине целого ряда концепций, призванных наглядно показать мировому сообществу главные ориентиры, формы и методы деятельности страны на международной арене на современном этапе и в обозримой перспективе. Так, широкий международный резонанс вызвали концепция "мирного возвышения" Китая и пришедшая ей на смену формула "мирного развития" страны, а также озвученный председателем КНР Ху Цзиньтао в 2005 г. призыв к созданию "гармоничного мира". Широкое обсуждение этих весьма масштабных идей, явно претендовавших на длительное нахождение в геополитическом мейнстриме, на какое-то время оставило в тени тот факт, что параллельно и в самом Китае, и за рубежом стали все настойчивее раздаваться голоса о необходимости для КНР, вышедшей на позиции одного из лидеров глобальной экономики, взять на себя больший, чем ранее, груз ответственности за состояние дел в мире. И хотя в политическом лексиконе китайской дипломатии характеристика КНР как "ответственной державы" впервые появилась еще в 1999 г.¹, однако, похоже, лишь в самое недавнее время, взвесив все "за" и "против", официальный Пекин согласился с определением Китая как ответст-

Портяков Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора ИДВ РАН, главный редактор журнала "Проблемы Дальнего Востока". Тел.: 8 (499) 129-08-66; E-mail: portyakov@ifes-ras.ru.

Подготовлено при содействии РГНФ, проект № 09-03-00048а/р.

венной глобальной державы, предпочитая, впрочем, использовать уточняющую дефиницию КНР как “ответственной крупной развивающейся страны”. Например, именно такую формулировку употребил министр иностранных дел КНР Ян Цзечи при ознакомлении представителей СМИ с результатами участия председателя КНР Ху Цзиньтао в ряде саммитов ООН и 3-ем финансовом саммите “Группы 20” в США в сентябре 2009 г.² Кроме того, в статье о 60-летию дипломатии Нового Китая в ведущей газете страны “Жэньминь жибао” Ян Цзечи включил “неукоснительное исполнение международного долга и несение международной ответственности” в число основополагающих принципов внешнеполитической деятельности КНР³.

Процесс осознания Китаем своего статуса как глобальной державы был длительным и непростым.

В первые два десятилетия существования Китайской Народной Республики ее международно-политическая деятельность носила весьма ограниченный характер. Восстановление в 1971 г. законного места КНР в Организации Объединенных Наций создало предпосылки для более активного участия страны в международной жизни, однако они не были в полной мере реализованы из-за внутрисполитической нестабильности и собственного изоляционистского экономического курса.

Ситуация начала меняться с поворотом Китая в конце 1978 г. к проведению политики модернизации, реформ и открытости. В 1980 г. КНР стала членом ведущих международных финансовых институтов — Всемирного Банка и Международного валютного фонда. Нарастание масштабов внешней торговли, первый опыт привлечения иностранных инвестиций и создания предприятий с участием иностранного капитала выявили необходимость адаптации внутреннего экономического законодательства и правил регулирования внешнеэкономической деятельности в Китае к общепринятым международным нормам. Это побудило КНР подать в 1986 г. официальную заявку на присоединение к ГАТТ — Генеральному соглашению о тарифах и торговле.

С начала 1980-х гг. КНР стала выражать принципиальную поддержку миротворческим операциям, осуществляемым под эгидой ООН. Ее официальная заявка на членство в Специальном комитете ООН по миротворческим операциям была одобрена 43-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН в декабре 1988 г. С ноября 1989 г. КНР начала практически участвовать в операциях миротворческих сил ООН⁴.

Как полагает ряд китайских экспертов, настоящей “точкой отсчета” нарастания глубины и разнообразия форм участия Китая в жизни международного сообщества явилось завершение “холодной войны”⁵. Более того, Китай из страны, доселе бросавшей вызов существующей международной системе или занимавшей позицию стороннего наблюдателя, начал превращаться в “активного участника и строителя” этой системы, демонстрирующего на международной арене образ ответственной державы⁶.

К интенсификации самых разнообразных международных контактов Пекин подталкивало как принципиальное расширение масштабов внешнеэкономической открытости страны, старт которому дала знаменитая поездка Дэн Сяопина в Шанхай и Шэньчжэнь в начале 1992 г., так и всемерное стремление уйти с гипотетической позиции главного соперника США и Запада в целом, на которую Китай объективно выдвигался после распада Советского Союза. Симптоматично, что именно в 1992 г. КНР присоединилась к Договору о нераспространении ядер-

ного оружия, который в маоцзэдуновские времена жестко критиковался. Начиная со встречи глав государств и правительств — членов организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества в Сизтле в 1993 г., КНР стала регулярно участвовать в ежегодных саммитах АТЭС. В целом в середине 1990-х гг. Китай принимал участие в деятельности уже 80% международных организаций⁷.

По-видимому, в этот период переломную роль в деле осознания Пекином всей важности ответственного поведения сыграли два события. Первое — это крупномасштабные военные учения в Тайваньском проливе, которые КНР провела на рубеже 1995—1996 гг., демонстрируя недовольство политическим курсом главы администрации Тайваня Ли Дэньхуэя. Практически единодушная негативная реакция мирового сообщества на эти действия явно отрезвила Пекин и заставила его задуматься о пределах использования военной силы или угрозы ее применения для достижения своих целей. Вряд ли случайно летом 1996 г. КНР присоединилась к Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний и ввела мораторий на собственные ядерные испытания. Напротив, мировое сообщество высоко оценило конструктивную позицию Китая в период азиатского финансового кризиса 1997—1998 гг., когда сохранение стабильного курса юаня и финансовая помощь КНР ряду государств Юго-Восточной Азии предотвратили развитие событий по наихудшему сценарию и позволили региону преодолеть спад производства в сжатые сроки. Ряд китайских экспертов полагает, что вопрос об идентификации Китая как “ответственной крупной страны международного сообщества” встал именно на фоне азиатского финансового кризиса. С этого времени КНР начала постепенно интегрироваться в международную систему в качестве ответственной державы, руководствуясь данной идентичностью в своей практической внешней политике⁸. Заметными вехами на этом пути стали: присоединение Китая ко Всемирной торговой организации (декабрь 2001 г.), подписание Киотского протокола (сентябрь 2002 г.), подключение, начиная со встречи в Эвиане в 2003 г., к диалогу государств “восьмерки” с крупнейшими развивающимися странами. В условиях мирового экономического кризиса 2008—2009 гг. КНР выступила как один из наиболее инициативных и влиятельных членов мировой финансовой “двадцатки”, то есть группы ведущих экономик мира (G-20). Как констатировала газета “Жэньминь жибао”, “как высоко ответственная крупная страна, КНР принимает активное участие в международном сотрудничестве, прилагая максимум возможных усилий с ее стороны для противодействия текущему финансовому кризису”⁹.

Определенная часть китайского экспертного сообщества до самого недавнего времени занимала скептическую, а то и отрицательную позицию по вопросу о самоидентификации КНР как ответственной державы, полагая, что данная идея имеет западное происхождение и что солидаризация с ней не отвечает интересам страны. При этом скептики чаще всего указывали на обнародованное в 2005 г. и получившее широкий международный резонанс желание заместителя госсекретаря США Р. Зеллика видеть Китай “ответственным пайщиком” (responsible stakeholder) международной системы¹⁰. Однако это было далеко не первое высказывание такого рода на Западе. Так, еще в 1995 г. министр обороны США У. Перри заявил о желании способствовать тому, чтобы политика КНР “еще больше была бы похожей на политику ответственной мировой державы”, а в 1997 г. на приеме в честь председателя КНР Цзян Цзэминя президент США Б. Клинтон одобрительно отозвался о

“важном вкладе Китая в развитие международного сообщества в качестве державы, несущей глобальную ответственность”¹¹.

Как бы то ни было, влияние Запада на выработку Китаем концепции своей международной ответственности вполне очевидно. Однако в этом нет какого-либо “первородного греха”. Во-первых, как отмечают ученые в самом Китае, многое из того, что идет с Запада, “играет активную роль в общей истории человечества”¹² — а к идее особой ответственности крупных государств за свои действия на международной арене это, на наш взгляд, относится в полной мере. Во-вторых, Китай, независимо от первоначального генезиса идеи его растущей международной ответственности, сумел обратить ее себе на пользу, сделав эффективным инструментом противодействия теориям “китайской угрозы”, неизменно сопровождающим с начала 1990-х гг. динамичный экономический рост страны и усиление ее веса в мировой политике¹³.

Немаловажно и то обстоятельство, что попытки США и Европейского союза навязать Китаю свое видение приоритетов и “требуемой” степени ответственности его внешней, а подчас и внутренней политики¹⁴ де-факто помогают Пекину формировать собственную позицию, точнее соизмерять имеющиеся возможности и принимаемые на себя обязательства, вырабатывать отвечающую национальной специфике “дорожную карту” постепенного расширения сфер и диверсификации форм реализации своей глобальной ответственности.

На наш взгляд, вопрос о первоисточнике термина “международная ответственность” применительно к Китаю имеет второстепенное значение. Ведь выход КНР на позиции ответственной глобальной державы стал закономерным следствием развития страны и ее полноформатного включения в мирохозяйственные связи. Китай, с одной стороны, получил весомый выигрыш от процессов глобализации и регионализации мировой экономики, развернувшихся в последнее двадцатилетие, а с другой, можно сказать, оказался вынужден оплатить свой “входной билет” в мировой рынок возникновением отсутствовавшей ранее глубокой взаимозависимости между ним и множеством субъектов международного сообщества. Первоочередной “производной” этой взаимозависимости и явилось осознание Китаем необходимости взять на себя определенную глобальную ответственность, то есть адаптироваться к сложившимся в мире правилам игры, действовать на мировой арене, исходя не только из собственных национальных интересов, но и учитывая интересы, озабоченности и даже прямые требования других субъектов международной жизни, причем неизбежно нарастающие вслед за ростом комплексной мощи самого Китая.

Сегодня КНР занимает первое место в мире по производству широчайшей гаммы промышленной и сельскохозяйственной продукции — от телевизоров и мобильных телефонов до стали, цемента, зерна и мяса. По абсолютному размеру ВВП страна вышла на третье место в мире, причем ее доля в мировом валовом продукте выросла с 3,9% в 2003 г. до примерно 7% в 2008 г.¹⁵ КНР занимает третье место в мире по объему внешней торговли, а по объему экспорта товаров — второе. Доля страны в мировом экспорте товаров с 5,9% в 2003 г. выросла до 8,9% в 2008 г., а в импорте — с 5,3% до 6,9%¹⁶. Бывший с конца 1970-х гг. крупным реципиентом иностранных инвестиций, Китай на глазах превращается во влиятельного экспортера капитала. В одном лишь 2008 г. его прямые зарубежные инвестиции достигли 55,9 млрд долл., в 174 странах и регионах мира уже создано свыше 12 тысяч предприятий с участием китайского капитала¹⁷, причем инвестиционная активность Пекина все заметнее ощущается даже в геогра-

фически отдаленных от него Африке и Латинской Америке. Китай во всеулышание объявил о планах создания крупного океанского глубоководного военного флота для обеспечения безопасности маршрутов транспортировки своих внешнеторговых грузов, особенно нефти.

В целом, можно сказать, роль и влияние Китая в мире уже ощутимо вышли за те ограничительные рамки его участия в международной жизни, которые были на рубеже 1980-х — 1990-х годов очерчены известным заветом Дэн Сяопина: “Хладнокровно наблюдать, исподволь укреплять свои позиции, действовать, соблюдая выдержку, держаться в тени, предпринимать некоторые действия”. Как следует из комментариев китайских экспертов, одна из основных целей Дэн Сяопина состояла в том, чтобы оберечь страну от взваливания на себя непосильной ответственности¹⁸. С той поры, однако, ситуация радикально изменилась, и в последние годы уже не только потребности обеспечения суверенитета и интересов развития страны, но и императив ее международной ответственности начинает играть заметную роль по всей внешней стратегии КНР, включая стратегии внешней политики, экономического развития и обеспечения безопасности¹⁹.

Китайские политологи-международники с конца 1990-х гг. уделяют заметное внимание разработке концепции ответственности Китая как глобальной державы²⁰. К этому их подталкивает как недостаточная разработанность категории ответственности крупных стран в общей теории международных отношений, так и стремление обозначить здесь свою позицию. Судя по всему, первоначальный комплекс подходов к проблеме растущей ответственности Китая уже определился. Наибольшего внимания заслуживают следующие моменты.

Исходным пунктом поворота Китая к идее ответственности явилось четкое осознание того обстоятельства, что в реальной жизни повышение места и значения страны в международных отношениях далеко не полностью зависит от ее собственного желания и растущей мощи, но и во многом выступает результатом взаимодействия государственных интересов КНР и ожиданий от нее мирового сообщества.

Соответственно, именно вокруг связки “национальные интересы — интересы мирового сообщества” выстроено общее определение понятия “ответственности”. По мнению ведущего китайского политолога-международника Ван Ичжоу принятие Китаем соответствующей его возможностям международной ответственности означает поступательное увеличение вклада и степени участия страны в региональной и глобальной деятельности, с тем чтобы укрепление Китая и рост самосознания китайского народа постепенно превратились в источник нового прогресса и развития всего мирового сообщества²¹. Как подчеркивает профессор Янь Шэнъи из Фуданьского университета (Шанхай), Китай “не может просто пользоваться плодами международной безопасности и процветания, но он должен... нести соответствующую его силам ответственность за обеспечение международной безопасности и порядка, не только защищать интересы своей страны, но и учитывать и защищать интересы других стран”, “сочетать коренные интересы страны и общие интересы человечества”²². Безусловно, констатации такого рода чрезвычайно важны. Однако и в данном случае безоговорочный приоритет все же отдается “защите государственного суверенитета, безопасности и интересов развития” самого Китая²³.

Весьма распространенной среди китайских экспертов является достаточно скромная оценка роли Китая в мировых делах на текущий момент. Так, по образному выражению Янь Шэнъи, Китай “зачастую пока все еще зритель, а не

актер и тем более не режиссер”, его предложения по совершенствованию мирового порядка сводятся, как правило, к формулированию тех или иных принципов, тогда как предложений конкретного характера мало²⁴. Сходного мнения придерживается и Ван Ичжоу, полагающий, что Китай пока дал миру немного “международных продуктов”, т.е. проектов договоров, конвенций и т.п., которые были бы приняты на вооружение международным сообществом²⁵.

Отсюда вполне логично следует всемерное подчеркивание ограниченного масштаба ответственности, принимаемой сегодня на себя Китаем. Это аргументируется прежде всего необходимостью для страны действовать “соразмерно имеющимся силам”, ведь Китай по ВВП на душу населения находится за пределами первой мировой сотни. Не меньшую роль играет и озабоченность Пекина тем, что те или иные форматы ответственности, навязанные стране извне, могут помешать ее развитию. Поэтому китайские эксперты предлагают “создать механизм справедливого распределения международной ответственности между различными державами в увязке с факторами уровня их развития, комплексной мощи, исторической ответственности”²⁶.

С одной стороны, стремление играть большую роль в мире, а с другой — очевидная нерешительность при принятии на себя адекватных растущей мощи конкретных международных обязательств предопределяет известную двойственность, противоречивость позиционирования себя Китаем в нынешней системе международных отношений. Пекин громогласно заявляет, что он поддерживает сложившийся мировой порядок и не собирается угрожать ему и тем более выступать в качестве его сокрушителя, что он, вступая в многочисленные международные организации, принимает на себя существующие в международных механизмах ограничения и рестрикции²⁷, — и практически без всякой паузы тут же провозглашает намерение “продвигать международный порядок в более справедливом и рациональном направлении”²⁸, “способствовать его переформатированию в справедливый, многосторонний демократический порядок нового типа”²⁹. Вместе с тем, пути создания нового мирового порядка Пекин видит не в войнах и революциях, а в содействии безопасности и развитию всех государств мира, в преодолении бедности, в универсальном следовании принципам добрососедства и сотрудничества.

Некоторая противоречивость наблюдается и в вопросе о приоритетной зоне ответственности Китая, то есть о том, рассматривает ли себя КНР как пока только азиатскую державу или уже как глобальную. В 2003 г. Ван Ичжоу однозначно констатировал, что “глобальная ответственность... является для Китая сравнительно долгосрочной перспективой”, и что главной для него на текущем этапе выступает ответственность как “важной региональной державы Азиатско-Тихоокеанского региона”. Успешное содействие в этом качестве общей стабильности ситуации и укреплению доверия и сотрудничества в регионе, проявление творческого подхода для нейтрализации имеющихся в АТР очагов потенциальных конфликтов послужили бы, считал Ван Ичжоу, “пробным камнем” для вхождения Китая в мировую элиту с соответствующим изменением масштаба и расширением сфер его ответственности³⁰. Спустя пять-шесть лет, за которые объем ВВП Китая вырос более чем в полтора раза, а внешнеторговый товарооборот — втрое, страна по-прежнему ставит в качестве первоочередной задачу “быть одной из главных движущих сил региональной системы”³¹. Однако теперь она, похоже, готова замахнуться и на большее: стать “ответственной активной держа-

вой”, о чем, по мнению китайских экспертов, свидетельствует выдвижение руководством КНР стратегии “мирного возвышения” страны³².

В целом, на наш взгляд, Китай ориентируется на поступательное наращивание своей международной ответственности в целях укрепления региональных и глобальных позиций страны и улучшения ее образа в мире. Одновременно Пекин четко дает понять, что он намерен выстраивать этот процесс собственным темпом, строго соизмеряя бремя принимаемой на себя ответственности со своими возможностями и интересами, и что он не поддастся на попытки заставить его, образно говоря, таскать каштаны из огня для чужого дяди.

Пекин также утверждает, что признание им своей растущей ответственности за состояние миропорядка и решение ряда глобальных проблем не тождественно претензиям на ведущую роль и тем более гегемонию в мировых делах. Поскольку и за ответственность, и особенно за руководящие позиции в мире надо платить немалую цену, то Китаю, как констатировала сингапурская газета “Ляньхэ цзаобао”, “еще рано бороться за международное лидерство”³³.

Концептуальное видение Китаем его растущей глобальной ответственности в большей или меньшей степени реализуется в его практической деятельности на международной арене. Как полагает американский китаевед Сюзан Ширк, в китайский “рецепт обретения репутации ответственного игрока на международной арене” входят три компонента: выстраивание взаимно удовлетворяющих отношений с соседними государствами; выступление в роли командного игрока в международных организациях и использование экономических связей для установления дружественных отношений с различными странами³⁴.

К настоящему времени статус Китая как ответственной глобальной державы наиболее выпукло проявился в таких сферах, как работа в ведущих международных организациях и обеспечение международной безопасности, функционирование мирового хозяйства, противодействие глобальным изменениям климата. По каждому из этих направлений, заслуживающих отдельного анализа, наработано внушительное “досье” практических дел и конкретных обязательств Китая. Упомянем для наглядности лишь отдельные важные моменты:

— 6 августа 2002 г. КНР обнародовала новую концепцию безопасности, акцентирующую внимание на обеспечении комплексной безопасности всех стран мира. Ее сердцевиной стал призыв к отказу от так называемых “игр с нулевой суммой”, предполагающих обеспечение собственной безопасности за счет безопасности других стран, и предложение искать путь к безопасности через диалог и сотрудничество, через достижение обоюдного или многостороннего выигрыша;

— КНР последовательно выступает за всеобщее ядерное разоружение, неизменно декларирует принцип неприменения первой ядерного оружия и его абсолютного неприменения против неядерных государств и безъядерных зон. Пекин играет незаменимую роль в усилиях мирового сообщества по обеспечению денуклеаризации Корейского полуострова;

— широкое признание снискало участие китайского контингента в миротворческих операциях в Восточном Тиморе и в Судане (Дарфур), в других странах и регионах мира.

— КНР проделала огромную работу по адаптации национального законодательства к правилам ВТО и последовательно выполняет свои обязательства перед ВТО по снижению уровня таможенных тарифов и обеспечению свободного доступа иностранного бизнеса на свой рынок товаров и услуг;

— КНР вносит существенный вклад в развитие регионального экономического сотрудничества в таких форматах, как АСЕАН плюс один (Китай) и АСЕАН плюс три (Китай, Республика Корея, Япония), Шанхайская организация сотрудничества. Восточноазиатский центр мировой экономики (Китай, Япония, Республика Корея), а также в работу формирующихся структур Россия — Индия — Китай и Бразилия — Россия — Индия — Китай;

— Китай последовательно выполняет свои обязательства по помощи развивающимся странам, включая списание большей части задолженности беднейших развивающихся стран перед ним;

— как и в период азиатского финансового кризиса 1997—1998 гг., Китай играет конструктивную роль в противодействии мировому экономическому кризису, начавшемуся во второй половине 2008 г. КНР одной из первых обнародовала масштабную программу антикризисных мер, стимулировавшую рост внутреннего инвестиционного и потребительского спроса, и тем самым оказала поддержку производителям не только в самом Китае, но и во многих других государствах мира;

— Китай, являющийся наряду с США одним из двух крупнейших эмитентов парниковых газов в атмосферу, отстаивает в борьбе с глобальным потеплением принцип “общей, но дифференцированной ответственности”. Обнародовав в 2008 г. специальную Белую книгу правительства по противодействию изменению климата, КНР ныне детально изучает возможности развития в стране низкоуглеродной экономики и самого широкого использования нетрадиционных источников энергии, ведет интенсивный международный диалог по всему взаимосвязанному кругу проблем развития энергетики, защиты окружающей среды и минимизации антропогенного воздействия на климат.

В целом, на наш взгляд, КНР завершила первоначальную адаптацию к своему статусу ответственной глобальной державы.

Дальнейшее продвижение Китая по пути расширения сфер и наращивания своей глобальной ответственности будет определяться в первую очередь такими внутренними факторами, как социально-экономическое благополучие страны, вызревание институтов гражданского общества и стимулируемое им перемещение правочеловеческой проблематики из нынешнего периферийного положения в центр системы национальных ценностей, осознание элитой, бизнес-сообществом и населением жесткой необходимости выхода на предельно экологичное функционирование национальной экономики и общества не просто на длительную перспективу, а, можно сказать, навсегда.

Многое будет определять и та или иная реакция международного сообщества на внутри- и внешнеполитический курс КНР, его внешнеэкономическую политику и прежде всего на усиление позиций Китая в мире в целом. Эта реакция, надо сказать, весьма противоречива. Ведущий мировой еженедельник “Economist”, издающийся в Лондоне, неоднократно высказывал точку зрения, будто КНР пока берет на себя меньшую долю ответственности за глобальные дела, чем могла бы и должна взять в соответствии с ее весом в мировой экономике и торговле. В марте 2009 г. журнал заявил, что Китай все еще “продолжает действовать как малая страна с незначительным влиянием на глобальную систему и поэтому несущая незначительную ответственность за нее”³⁵. Практически тот же смысл был отражен и в заголовке одной из статей журнала, посвященных 60-летию КНР: “Мир согласился с тем, что Китай является растущей великой державой; к сожалению, он не всегда действует сообразно этому статусу”³⁶.

Существует, однако, и иная крайность. Настороженные возросшей военной и экономической мощью Пекина и его уверенностью в ведении международных дел, некоторые западные эксперты настаивают на неготовности Китая к глобальной роли, поскольку, дескать, “экономическая значимость не трансформируется автоматически в геополитический вес. А в случае с Китаем другие важные компоненты подлинно глобальной мощи — моральный авторитет, военная состоятельность, культурное влияние... — либо находятся в стадии формирования, либо вовсе отсутствуют”. Утверждается также, что глобальные амбиции Китая не могут быть реализованы “без решения таких сковывающих страну проблем, как широкое распространение бедности, авторитарное правление, придавленная десятилетиями изоляции культура и плохо понимаемые намерения”³⁷.

Давление на Пекин извне по вопросам глобальной ответственности отражает не только его собственные недоработки, но и скептическое отношение Запада к заверениям Китая о его сугубо мирном возвышении, опасения, что “каждый успех Китая наносит удар по главенству западной модели в мире”³⁸.

В этой ситуации Китай стремится уйти с потенциальной позиции крупного узла современных международных противоречий, пытается уменьшить сопротивление внешнего мира подъему страны. Особые надежды в данном плане возлагаются на концепцию “гармоничного мира”, которая, как декларируют в Пекине, едина по своему духу с Уставом ООН, развивает и обогащает его и вполне может претендовать на роль общего ориентира международных отношений в XXI веке³⁹. Одновременно Китай настраивается на прагматичную работу с такой новой для себя реальностью, каковой стал его статус ответственной глобальной державы. Как справедливо констатировал вице-президент Китайского института международных проблем при Министерстве иностранных дел КНР Сюй Цзянь, Китаю следует трезво и рационально относиться к теме своей ответственности, воздерживаясь от чрезмерного оптимизма по поводу ее позитивных аспектов и от чрезмерной обеспокоенности по поводу аспектов негативных. Исходя из своих реальных возможностей, из собственных фундаментальных интересов и общих интересов международного сообщества, Китай должен нести свою ответственность и отстаивать свои права в мире достаточно энергично и вместе с тем осторожно⁴⁰.

В настоящее время нет смысла пытаться предугадать те или иные нюансы и конкретные детали дальнейшего движения Китая по нелегкому пути укрепления своего статуса ответственной глобальной державы. Но оптимальный вектор этого движения проглядывает уже сегодня: он, на наш взгляд, состоит в том, чтобы от нынешней, пока еще ограниченной ответственности шаг за шагом идти к ответственному самоограничению во все новых и новых сферах. А это возможно только в том случае, если в схожем алгоритме будут действовать и все другие ведущие державы мира.

1. В изданном в 1999 г. сборнике “Дипломатия Китая” констатировалось, что “образ Китая как миролюбивой, нацеленной на сотрудничество, ответственной державы с каждым днем становится все более зримым”. Цит. по: Ху Шусян (гл. ред.) Чжунго вайцяо гоуци фацжань чжанаолюэ яньцзю [Дипломатия Китая и международная стратегия развития]. Пекин, 2009. С. 175–176.
2. Глава МИД КНР о результатах участия Ху Цзиньтао в саммитах ООН и 3-м финансовом саммите “Группы 20”. — http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2009-09/27/content_351342.htm.

3. Ян Цзечи. Хунъян синь Чжунго вайцзяо юсю чуаньтун цзохао синь синши ся дэ вай цзяо гунцзо [Следуя лучшим традициям дипломатии Нового Китая, надлежащим образом вести дипломатическую работу в новой ситуации] // Жэньминь жибао. 2009. 5 сент.
4. Tang Yongsheng. China's Participation in UN Peacekeeping Regime // Construction Within Contradiction — Multiple Perspective on the Relationship Between China and International Organizations. Beijing, 2003. P. 74.
5. Янь Шэньи. Дандай Чжунго вайцзяо (ди эр бань) [Современные международные отношения Китая]. 2-е изд. Шанхай. 2009. С. 340–341.
6. Там же. С. 339.
7. Чжунго вайцзяо юй гоцзи фачжань чжаньлюэ яньцзю [Дипломатия Китая и международная стратегия развития]. Пекин, 2009. С. 182.
8. Там же. С. 247.
9. China to bolster image as a responsible big nation // People's Daily online. 2009. 31 March.
10. Zoellick R. Whither China: From Membership to Responsibility? Remarks to National Committee on US — China Relations. 2005. 21 Sept. Цит. по: *Niu Haibin*. China's International Responsibility Examined // Contemporary International Relations. Beijing. 2007. July/August. P. 82.
11. Чжунго вайцзяо юй гоцзи фачжэнь чжаньлюэ яньцзю. С. 183, 181.
12. Ван Ичжоу. Чжунго вайцзяо синь гаоди [Новые высоты дипломатии Китая]. Пекин, 2008. С. 133.
13. Детальный перечень различных вариаций теории “китайской угрозы” за период 1990—2002 гг. приведен в написанной Юн Дэном (Yong Deng) главе “Репутация и дилемма безопасности — реакция Китая на теорию китайской угрозы” в монографии “Новые направления в изучении внешней политики Китая” (New Directions in the Study of China's Foreign Policy. Stanford, 2006. P. 191–195).
14. Как отмечает сотрудник Шанхайского Института международных исследований Ню Хайбинь, с точки зрения США ответственность Китая должна включать такие сферы, как ускорение политической реформы, более сильная защита прав интеллектуальной собственности, меньший контроль над обменным курсом юаня, более высокую прозрачность военного бюджета, более крупный взнос в ООН. Европейский Союз в обнародованном в 2006 г. документе “ЕС—Китай: более тесное партнерство, растущая ответственность” в качестве приоритетных выделены проблемы изменения климата, прав человека, торговой политики, помощи беднейшим странам (*Niu Haibin*. Op. cit. P. 82.)
15. Данные Международного валютного фонда и расчет по ним (World Economic Outlook Database. April 2009 Edition). Доля Китая в мировом валовом продукте при расчетах по паритету покупательной способности национальных валют составила в 2008 г. 11,38% — второе место в мире вслед за США (20,7%).
16. Данные Всемирной торговой организации. См.: О некоторых тенденциях в развитии международной торговли на современном этапе. Ч. 1. // Бюллетень иностранной коммерческой информации. М., 2009. 23 апр. С. 16.
17. Китай форсирует участие в международном инвестиционном сотрудничестве // Агентство Синьхуа. 2009. 8 окт.
18. Ху Шусян. Указ. соч. С. 62–63.
19. Ван Ичжоу. Цюаньцзю чжэнчжи хэ Чжунго вайцзяо [Глобальная политика и внешнеполитический курс Китая]. Пекин, 2003. С. 317.
20. По-видимому, впервые сам этот термин прозвучал в конце 1999 г. в статье заместителя директора Института мировой политики и экономики Академии общественных наук Китая Ван Ичжоу “Китайская дипломатия перед лицом XXI века: три императива и баланс между ними”, опубликованной в журнале “Стратегия и управление” (Ван Ичжоу Мянсян 21 шицзи дэ Чжунго вайцзяо: саньчжун сюйцзю дэ чжаоцю цзи ци пинхэн / [Чжаньлюэ юй гуаньли, Пекин, 1999. № 6. С. 18–27.
21. Ван Ичжоу. Чжунго вайцзяо синь гаоди. С. 28.

22. Янь Шэнъи. Даодай Чжунго вайцзяо (ди эр бань). С. 344, 386.
23. По словам министра иностранных дел КНР Ян Цзечи, “защита государственного суверенитета, безопасности и интересов развития представляет собой исходный и конечный пункт” внешнеполитической деятельности Китая. (Жэньминь жибао. 2009. 5 сент.) Практически слово в слово эта же идея прозвучала несколько ранее и в монографии Янь Шэнъи: “предпосылкой принятия на себя международной ответственности является нанесение ущерба собственному суверенитету, безопасности и развитию” (Янь Шэнъи. Указ. соч. С. 386.
24. Янь Шэнъи. Указ. соч. С. 344.
25. Ван Ичжоу. Чжунго вайцзяо синь гаоди. С. 61.
26. Янь Шэнъи. Указ. соч. С. 386.
27. Там же. С. 343.
28. Ху Шусян. Указ. соч. С. 247.
29. Янь Шэнъи. Указ. соч. С. 344.
30. Ван Ичжоу. Цюанью чжэнчжи хэ Чжунго вайцзяо. С. 320-321.
31. Янь Шэнъи. Указ. соч. С. 344.
32. Ху Шусян. Указ. соч. С. 299.
33. Ляньхэ цзаобао. Сингапур. 07.04.2009. Цит. по: <http://world.people.com.cn/GB/9088294.html>.
34. Shirk S. China: Fragile Superpower. Oxford, 2007. P. 109.
35. The Economist. London, 2009, 21-27 March. P. 30.
36. The World has accepted that China is emerging as a great power; it is such a pity that it still does not always act as one. — <http://www/economist.com/PrinterFriendly.cfm?storyid=14548871>.
37. Wines M., Wong. E. An Unsure China Steps On to the Global Stage //The New York Times, April 2, 2009.
38. Янь Шэнъи. Указ. соч. С. 385.
39. Ху Шусян. Указ. соч. С. 333-335.
40. Xu Jian. Theoretical Reflections on Building a Harmonious World //China International Studies. Beijing. Spring 2007. P. 46.

Политика КНР в области нераспространения ядерного оружия: доктрина, теория и практика

© 2009

С. Понамарев

Автор статьи рассматривает официальные доктринальные установки КНР в отношении проблемы распространения ядерного оружия. Предпринимается попытка проанализировать понимание современным Китаем сути этого вопроса в контексте обеспечения национальных геостратегических интересов. Описываются внешнеполитические установки КНР в отношении роли и места ядерного нераспространения и ядерного сдерживания в системе международной безопасности. Для рассмотрения вопроса практического применения доктринальных установок Пекина анализируются политические шаги Китая в отношении ядерной проблемы Корейского полуострова.

Ключевые слова: распространение ядерного оружия, внешнеполитическая доктрина, Центральный военный совет КНР, МАГАТЭ, Комитет Цангера, ядерный терроризм, баллистические ракеты

Официальная политика КНР по проблеме распространения ядерного оружия (ЯО) является неотъемлемой частью общей линии Китая в сфере военной безопасности. Последняя в свою очередь носит доктринальный характер и направлена на обеспечение условий реализации национальной стратегии развития, основная цель которой заключается в достижении к середине XXI в. статуса великой державы, занимающей доминирующее положение в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) и равной по политическому влиянию, экономической и военной мощи другим великим державам. Представляет интерес китайская трактовка понятия "великая держава". Наиболее четко она изложена в носящей полуофициальный характер монографии генерал-майора НОАК Ли Эрбина "Выбор Китаем внешнеполитической стратегии в начале XXI в.". Определяя основные признаки "великой державы", автор приходит к выводу о том, что "понятие мировая держава подразумевает наличие у государства стратегических, политических и экономических интересов в масштабах всего мира. Также необходимо признание другими странами права участия этого государства в решении региональных и мировых проблем. Кроме того, у государства должны быть общие интересы с другими крупными мировыми державами и единая система взаимодействия на международном уровне"¹.

В соответствии с этой основной идеологической установкой формируются и конкретные стратегические цели и задачи, стоящие перед КНР в настоящее время. Они были официально озвучены на XVI съезде КПК в 2002 г.: “продолжение дела строительства и модернизации, завершение дела объединения Родины, защита мира во всем мире и стимулирование всеобщего развития”².

На современном этапе внешнеполитическая доктрина КНР находится в стадии постепенного обновления и приведения в соответствие с изложенными выше основными стратегическими задачами развития. В современной доктрине КНР сочетаются старое и новое видение китайским руководством мира и места в этом мире Китая.

Согласно новым представлениям, мир воспринимается как потенциально враждебный, хотя — в отличие от маоистского периода — и не несущий непосредственной угрозы безопасности Китая. При этом необходимо оговориться, что такой подход находит свое отражение в китайской официальной политологии, но не транслируется через доктринальные издания “Белых книг” Госсовета КНР. Впервые об отходе от концепции неизбежности новой мировой войны заявил Дэн Сяопин в 1986 г.: “Раньше мы считали, что мировая война неизбежна. сейчас наша точка зрения изменилась; судя по тенденции в развитии международных отношений, мир можно отстоять, но, разумеется, для этого надо проделать определенную работу”³. В итоге прежний стратегический принцип “постоянной готовности к широкомасштабной войне по отражению нападения” был изменен на принцип “военного строительства в мирное время”. Согласно оценке Дэн Сяопина на рубеже XX и XXI вв., в связи с отсутствием неизбежности возникновения новой мировой войны Китай впервые в новейшей истории получил возможность сосредоточить усилия на модернизации экономики и одновременно по мере ее развития укреплять национальную оборону.

Новые представления китайского руководства о мире стали активно формироваться после того, как в 1999 г. КПК приступила к разработке концепции участия страны в экономической и политической глобализации. Экономической стратегии, направленной на превращение Китая в страну “глобальной экономики”, соответствует и его новый внешнеполитический курс.

Главным идеологическим императивом внешнеполитической доктрины КНР стало “зигзагообразное развитие мира в сторону многополярности”⁴. Согласно китайским оценкам, современная международная обстановка в сфере военной безопасности характеризуется развитием сложных и противоречивых тенденций, среди которых можно выделить движение к многополярному миру и экономическую глобализацию при сохранении “несправедливого и неразумного старого международного политического и экономического порядка”⁵.

Подобная точка зрения получила развитие в китайской концепции “трех неизменных и трех новых изменений” (*саньгэ бу бянъ, саньгэ синьдэ бяньхуа*)⁶. В качестве “трех неизменных тенденций” китайские аналитики выделяют: сохранение идеи “мира и развития” как важнейшей направляющей в международных отношениях; продолжение движения к многополярному миру и нарастание темпов экономической глобализации; сохранение тенденции к ослаблению международной напряженности. “Три новых изменения” отражают растущую озабоченность увеличением разрыва между развитыми и развивающимися странами; активным проникновением гегемонизма и методов силовой политики в международные отношения, возрастанием тенденции к военному вмешательству.

Необходимо отметить, что впервые на официальном уровне термин “гегемонизм” был озвучен в октябре 1995 г. Цяо Ши, занимавшим в тот момент пост председателя ВСНП Китая: “Гегемонизм и силовая политика сохраняются в современном мире. Народы Китая...и других азиатских стран, тесно объединенные между собой и прогрессирующие в своем развитии, могут и должны сами защитить себя против гегемонизма и силовой политики”⁷.

В связи с этим Китай в своих официальных программных документах декларирует задачу борьбы с гегемонизмом, в частности, в “Белой книге” по национальной обороне КНР, изданной в 2002 г., указывается, что “Китай будет неуклонно и настойчиво добиваться нового видения безопасности, выступая против гегемонизма, силовой политики и терроризма во всех их формах”⁸.

Очевидно, что понятие гегемония относится к действиям США на международной арене. Как отмечает в упоминавшейся выше монографии Ли Эрбин: “направление использования США своего лидирующего положения на мировой арене, завоеванного ими после “холодной войны”, а также реакция на это КНР являются основными факторами, определяющими развитие китайско-американских отношений в начале XXI в.”. При этом он же утверждает, что “американское стремление к однополярности в стратегии и политике во многих сферах встречает трудности. В обозримом будущем тенденция к многополярности станет более явной. Как представляется, к 2020 году новый мировой порядок на основе многополярности в основном сформируется”⁹.

Таким образом, в доктринальных подходах Китая США рассматриваются как враждебная сила, превосходящая его на сегодняшний день в военном отношении. По словам бывшего председателя Центрального военного совета (ЦВС) КНР Цзян Цзэминя “ныне и в ближайшей перспективе невозможны серьезные изменения в ситуации, когда “Запад остается сильнее, а мы слабее”; попытки и политические заговоры враждебных нам сил на мировой арене, направленные на то, чтобы “вестернизировать” нас и “разделить” нас, также не могут прекратиться, и на протяжении длительного времени будут предприниматься попытки проникновения, просачивания в наши ряды этой разлагающей идеологии”¹⁰.

Пекин отдает себе отчет в том, что США направляют свои усилия на сохранение своего статуса единственной сверхдержавы современного мира, который может быть ими утерян в процессе общего изменения международной обстановки в сфере безопасности, характерной чертой которой становится постепенная утрата их лидирующих позиций в мировой экономике и связанных с этим привилегий. Усиление КНР становится вызовом для США, а значит, Вашингтон будет последовательно сдерживать рост экономического, политического и военного влияния Китая всеми возможными средствами. Именно в этом контексте Пекин справедливо расценивает наличие американского военного присутствия в АТР как проявление долговременной стратегии, призванной обеспечить доминирующее геостратегическое положение США посредством сдерживания роста совокупной мощи Китая. Как часть этой стратегии Китай рассматривает укрепление американо-японского альянса, решение США о базировании тяжелых бомбардировщиков, крылатых ракет и атомных подводных лодок на острове Гуам, а также развертывание американской системы противоракетной обороны театра военных действий (ПРО ТВД) с возможным включением в зону ее действия Тайваня¹¹.

Китайские лидеры сознают, что в обозримом будущем Китай будет не в состоянии конкурировать с США в сфере военной мощи, и стремятся при осуще-

ствлении программы модернизации оборонного потенциала страны сосредоточить усилия на отдельных приоритетных направлениях, которые могут стать эффективными средствами сдерживания военного потенциала США в условиях так называемой асимметричной войны. Политико-дипломатическая парадигма действий КНР в области военной безопасности также направлена в первую очередь на сохранение возможности свободного маневра и противодействие попыткам США контролировать процесс усиления политического, экономического и военного влияния Китая на международной арене. Ядерная политика Китая как составная часть национальной оборонной политики формируется в соответствии с этой задачей.

Военная доктрина Китая выражена в стратегии “активной обороны”, она строится на принципе, выраженном в “Белой книге” по национальной обороне Китая: “оборона, самооборона и ответный удар по противнику”¹².

Официально Китай взял на себя обязательства “неприменения первым ядерного оружия”. В “Белой книге” по национальной обороне декларируется: “Китай не участвовал, не участвует и не будет участвовать в гонке ядерных вооружений и не дислоцирует за рубежом ядерные установки. Китай имеет скромную систему ядерного сдерживания, в задачу которой входит отпор возможному ядерному нападению со стороны другой страны”¹³. Теоретически такой подход не ведет к достижению ядерного паритета с США и Россией, предполагая строительство ограниченных по боевому составу ядерных сил сдерживания, способных созданием угрозы нанесения неприемлемого ущерба вероятному противнику заставить последнего отказаться от применения ядерного оружия.

В то же время реальная практическая применимость подобного китайского подхода к сдерживанию вызывает серьезные сомнения. Мы считаем справедливым следующий вывод, к которому приходят авторы коллективной монографии “Ядерное оружие после “холодной войны”. Существующие китайские стратегические ядерные силы (СЯС) не могут быть приведены в состояние готовности к применению без дополнительных и, видимо, заметных для Запада и России мероприятий. В силу этого возможность нанесения ими внезапного удара является проблематичной, и китайская концепция неприменения ЯО первыми может быть обусловлена техническими причинами. К тому же КНР не имеет потенциала даже частично разоружающего удара, обычно ассоциируемого с применением ЯО первыми, кроме, разве что, в отношении Индии и Пакистана. Вместе с тем, в случае кризиса, если китайские СЯС будут приведены в повышенную боеготовность, то в силу их уязвимости (как и уязвимости системы боевого управления, слабости системы предупреждения) у КНР не будет никакого другого пути их использования, кроме как в первом или упреждающем ударе. Именно поэтому их СЯС имеют крайне нестабильный характер, подталкивающий их самих к первому удару, несмотря на декларативный отказ Китая от применения ЯО первым¹⁴.

При этом необходимо отметить, что ни в “Белой книге” по национальной обороне КНР, ни в “Белой книге” по контролю над вооружениями и разоружению не упоминаются конкретные данные о состоянии СЯС.

По различным оценкам, по состоянию на 2004—2006 гг. ядерные силы Китая обладали в общей сложности около 220—270 носителями боезарядов. Они включали баллистические ракеты наземного базирования, самолеты, баллистические ракеты подводных лодок (БРПЛ) и тактическое ЯО (в част-

ности, артиллерийские снаряды). На наш взгляд, наиболее обоснованными являются оценки Стокгольмского международного института исследования проблем мира (СИПРИ), которые приведены ниже.

Таблица 1.

Ядерные силы Китая по данным СИПРИ на 2006 г.

Тип	Число развернутых единиц	Год начала развертывания	Дальность действия, км	Число БЗ и их мощность	Хранимый запас БЗ
<i>Самолеты</i>					
H-6	120	1965	3100	1-3 бомбы	120
Q-5	30	1970	400	1 бомба	30
<i>Ракеты наземного базирования</i>					
DF-3A	40	1971	2800	1 x 3,3 Мт	40
DF-4	12	1980	5500	1 x 3,3 Мт	12
DF-5A	20	1981	13000	1 x 4-5 Мт	20
DF-21A	48	1985	1800	1 x 300 кт	48
DF-31	Нет данных	2005-2009-?	8000	?	0
<i>Баллистические ракеты подводных лодок</i>					
Julang I	12	1986	1700	1 x 300 кт	12

Таблица 2.

Общее количество ядерных боезарядов КНР по данным СИПРИ на 2006 г.*

Стратегическое ЯО	282
Тактическое ЯО (артиллерия, ядерные фугасы, ракеты малой дальности)	Около 120
Всего	Около 400

Источник: Ежегодник СИПРИ 2005: вооружение, разоружение и международная безопасность. М., 2006. С. 654.

В настоящее время СЯС Китая несопоставимо уступают российским и американским как в количественном, так и в качественном отношении. Зона их досягаемости ограничена АТР за исключением 20 межконтинентальных баллистических ракет (МБР) DF-5A с дальностью около 13000 км и разработанных, но еще не развернутых твердотопливных подвижных групповых ракетных комплексов DF-31 с заявленной дальностью около 8000 км, способных достигать территории США, России, Индии и Пакистана. Кроме того, состоящие в настоящее время на вооружении стационарные ракеты наземного базирования оснащены моноблочной головной частью и размещаются в шахтах или тоннелях, заправляются жидким топливом и требуют длительного времени для подготовки к пуску.

* Ежегодник СИПРИ за 2007 г. оценивал общее количество ядерных боезарядов у КНР в 145 единиц, а Ежегодник за 2009 г. — в 186 единиц по состоянию на январь 2009 г. против 300 у Франции и 2702 у США.

В коллективной монографии “Ядерное оружие после холодной войны” авторы приводят неподтвержденные сведения, что для предотвращения несанкционированного пуска в отсутствие более совершенных систем ядерные боеголовки хранятся отдельно от ракет¹⁵. Тем не менее, с точки зрения обеспечения безопасности ядерного боезаряда, эти сведения представляются вполне правдоподобными.

С другой стороны, существует и иная оценка живучести СЯС Китая. Учитывая то, что основной ядерный потенциал КНР — ракеты шахтного базирования и то, что количество шахт в 5—6 раз превышает число ракет, регулярно перемещаемых (как и их муляжи) по территории страны, то вероятность сохранения достаточно большого числа боеголовок после ядерного удара существует. В таком случае Китай, действительно, способен на ответный удар.

Китай продолжает модернизировать свои СЯС, очевидно, что одним из основных направлений является разработка и постройка на вооружение боеголовок с разделяющейся головной частью индивидуального наведения (РГЧ ИН). В качестве средства доставки для них, с учетом габаритов и забрасываемого веса, будет выбрана существующая МБР DF-5А.

Китай продолжает дорабатывать комплекс DF-31. Хотя в прессе и появлялись сообщения о начале оперативного развертывания этих ракет, в том числе и о разработке системы железнодорожного базирования¹⁶, реальная ситуация о стадии работ остается неясной.*

В области модернизации ядерных сил морского базирования Китай по-прежнему заметно отстает от основных ядерных держав. К 2008 г. КНР имеет на вооружении единственную устаревшую атомную подводную лодку с баллистическими ракетами (ПЛАРБ) класса “Xia” (проект 092), вооруженную 12-ю баллистическими ракетами. В 2004—2005 гг. была спущена на воду первая ПЛАРБ проекта 094, тем не менее, она находится еще в стадии оснащения и испытаний.

Вооружение лодок проекта 094 составят 16 БРПЛ Julang-2, оснащенные РГЧ с дальностью до 8000 км. Это будет означать реальный переход СЯС КНР в разряд межконтинентальных, которые будут в состоянии наносить удары по всей территории США¹⁷.

Вполне возможно, что КНР, учитывая ошибки и огромные излишние расходы СССР и США в годы “холодной войны”, решила “перескочить” через несколько этапов массового развертывания промежуточных систем и ждет, пока будут разработаны действительно эффективные подвижные грунтовые и железнодорожные комплексы МБР с РГЧ ИН. В таком случае при имеющихся в стране производственных мощностях уже через 10—15 лет КНР сможет при тех же финансовых затратах иметь на вооружении 200—300 МБР мобильного и шахтного базирования, которые при своем оснащении РГЧ ИН будут способны доставить по всем азимутам 500—900 ядерных боезарядов¹⁸. Более того, судя по всему, такой подход к перевооружению СЯС будет вполне соответствовать политике ограниченных затрат на оборону, декларируемой в “Белых книгах” КНР по национальной обороне.

Таким образом, мы приходим к выводу, что политика Китая в области модернизации вооруженных сил, и в частности СЯС, а также в подходе к вертикальному распространению, будут определяться интересами КНР по реги-

* Ряд российских экспертов утверждает, что твердотопливные МБР “Дунфэн 31” уже поступили на вооружение (Камениов П.Б. КНР: военная политика на рубеже веков. М., 2008. С. 123. — Прим. ред.).

ональному сдерживанию. Наиболее наглядным, с нашей точки зрения, в данном контексте может быть пример с поставками США оружия Тайваню и возможного включения его в систему ПРО ТВД. Китай, несомненно, будет рассматривать такие шаги США в связке с вопросами нераспространения, поскольку основные озабоченности Пекина системами ПРО ТВД состоят в том, что они будут поощрять стремление других стран региона к наращиванию стратегического наступательного потенциала¹⁹, снижать возможность КНР к адекватному сдерживанию военного присутствия США в регионе, а также, естественно, уменьшают потенциальную способность Китая к проведению успешной военной операции против Тайваня²⁰.

В политико-дипломатической сфере Китай последовательно проводит линию по сохранению существующего режима нераспространения ЯО на основе ДНЯО*. Как констатирует "Белая книга" по национальной обороне КНР до 2002 г., "Китай неуклонно строго соблюдает вытекающие из Договора обязательств, не поддерживает, не поощряет и не занимается распространением ядерного оружия, а также не помогает другим странам развивать этот вид оружия"²¹. При этом Китай — ядерная держава, которая на официальном уровне продолжает выступать за полное запрещение ядерного оружия: "Китай последовательно выступает за всестороннее запрещение и полное уничтожение ядерного оружия"²².

В то же время КНР, стремясь позиционировать себя как "лидера развивающихся стран", в области нераспространения зачастую выступает в поддержку неядерных держав. В частности, именно такую политику КНР проводит по вопросу многосторонних подходов к ядерному топливному циклу (ЯТЦ). Как ядерная держава по ДНЯО Китай должен быть заинтересован в ограничении распространения технологий замкнутого топливного цикла, что, по идее, соответствует его официальной нераспространенческой политике. На деле Пекин "заигрывает" со странами Движения неприсоединения (ДН) и "Группы ядерных радикалов", заявляя о дискриминационности идеи многосторонних подходов к ЯТЦ, которые якобы противоречат духу ст. IV ДНЯО о неотъемлемом праве всех стран развивать мирную ядерную энергетику.

Можно сказать, что Китай, поддерживая ДНЯО как краеугольный камень режима нераспространения в целом, достаточно настороженно относится ко всем новым элементам и механизмам режима. Это связано с обоснованными опасениями Пекина, что участие в них может, так или иначе, привести к сдерживанию и контролю со стороны международного сообщества над развитием и модернизацией китайского ядерного потенциала, а также нанесет вред официально декларируемому имиджу Китая как "лидера развивающихся стран".

После прекращения собственных ядерных испытаний Китай в 1996 г. присоединился к Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) и объявил мораторий на проведение испытаний. Договор был внесен на рассмотрение Постоянного комитета ВСНП, однако, с оглядкой на США, а также на позиции стран ДН, ратификация ДВЗЯИ Китаем постоянно затягивается.

* В 1968 г., когда создавался ДНЯО, Пекин занял критическую позицию в отношении Договора, объявив его "заговором двух сверхдержав", направленным на сохранение ядерной монополии США и СССР. КНР указывала, что запрет на разработку ядерного оружия будет иметь настоящую силу лишь после ликвидации ядерного потенциала сверхдержав. Франция также обещала следовать положениям ДНЯО, но без подписания документа. В итоге Китай и Франция присоединились к Договору лишь в 1992 г.

Достаточно долгое время Китай настороженно относился и к международным режимам экспортного контроля в сфере нераспространения. Пекин рассматривал Группу ядерных поставщиков (ГЯП), Комитет Цангера и Режим контроля за ракетными технологиями (РКРТ) как “дискриминационные закрытые клубы”²³. Но за последние несколько лет Китай достиг значительного прогресса в усилении системы экспортного контроля. Эти подвижки объясняются давлением со стороны других ядерных стран, а также осознанием руководством КНР того, что, игнорируя такие международные механизмы, Китай теряет возможность влиять на принятие многосторонних решений по развитию режима в целом, что в свою очередь значительно ослабляет позиции Китая как ядерной державы по ДНЯО, выступающей за укрепление и универсализацию режима нераспространения ЯО.

В итоге в 1997 г. Китай вступил в Комитет Цангера и постепенно улучшил соответствующее внутреннее законодательство. В сентябре 1997 г. и июне 1998 г. китайское правительство опубликовало “Положения о контроле над ядерным экспортом” и “Положения о контроле над экспортом ядерных изделий двойного назначения и соответствующих технологий”, которые соответствуют перечню Комитета Цангера²⁴. В положениях правительства было предусмотрено, что в Китае ядерный экспорт ведут специализированные компании, назначенные правительством. Весь ядерный экспорт лицензируется, по законодательству Китай не оказывает помощь в сооружении каких-либо ядерных объектов, не поставленных под гарантии МАГАТЭ. При этом необходимо особо отметить тот факт, что 28 марта 2002 г. Китай официально уведомил МАГАТЭ о завершении внутреннего юридического процесса вступления в силу Дополнительного протокола (ДП) о гарантиях.

22 августа 2002 г. вступили в силу “Правила КНР по контролю над экспортом ракет, ракетных материалов и технологий”. Согласно этим Правилам, китайские экспортеры должны получать лицензию на экспорт баллистических и крылатых ракет, ракетных двигателей, беспилотных летательных аппаратов, а также связанных с ними технологий, включенных в контрольный список, который был также опубликован²⁵. При этом импортер обязан гарантировать получение сертификата конечного пользователя, реэкспорт только с разрешения КНР, а также целевое использование продукции экспортером.

В мае 2004 г. Китай официально заявил о присоединении к ГЯП. С этого времени Китай стал требовать применения полноохватных гарантий МАГАТЭ в качестве обязательного условия сотрудничества в ядерной области.

Система экспортного контроля КНР в области нераспространения постепенно приближается к стандартам, принятым в мировой практике, вместе с тем, по мнению ряда экспертов (особенно западных), китайское правительство сохранило за собой право выдавать лицензии, основываясь на собственной оценке рисков, связанных с определенными технологиями и конечными пользователями²⁶.

В последние годы Китай все более активно начинает принимать участие в международных инициативах в области нераспространения. При этом представляется, что реальная цель такой активности — снятие с повестки дня, блокирование и “размывание” тех международных инициатив, которые могут, так или иначе, ущемить национальные интересы Китая в политической, военной или экономической сферах.

В этой связи Китай вступил в созданное США Глобальное ядерно-энергетическое партнерство (ГЯЭП), более того, стал вице-председателем

Управляющего комитета инициативы. При том, что, как уже упоминалось нами выше, официальная риторика КНР в целом негативно оценивает многосторонние подходы к ЯТЦ.

Китай стал членом Глобальной инициативы по борьбе с актами ядерного терроризма (ГИБАЯТ), созданной в рамках совместного заявления Президентов Путина и Буша. Хотя позиция КНР в рамках данной инициативы достаточно пассивна, очевидно, что Пекин проводит мониторинг действий ведущих ядерных держав по противодействию возможным актам ядерного терроризма, при этом имея возможность заблокировать неприемлемые для КНР решения ГИБАЯТ (например, об усилении мер физической защиты ядерных объектов или проведении инспекций). Наряду с этим Пекин официально неоднократно заявлял о намерении содействовать деятельности МАГАТЭ, направленной на предотвращение потенциальных угроз ядерного терроризма, и в этой связи принимает участие в процессе подготовки Конвенции о физической защите ядерного материала.

Китай поддерживает заключение международного соглашения о запрещении развертывания оружия в космическом пространстве, а также предотвращении угрозы применения силы или непосредственного применения силы против космических объектов. В июле 2002 г. Китай совместно с Россией и другими странами представил на рассмотрение Конференции по разоружению в Женеве рабочие материалы, касающиеся концепции, общей структуры и содержания данного документа²⁷. Это не помешало Пекину провести в 2007 г. испытания ракеты по уничтожению космических объектов, что было расценено мировым сообществом как очередная демонстрация успехов модернизации стратегических сил сдерживания КНР.

Наиболее показательным примером практической политики Китая в области нераспространения ядерного оружия является политика, проводимая КНР в отношении ядерной проблемы Корейского полуострова. Китайский политический курс в этом вопросе определяется в первую очередь пониманием рисков и угроз, которые могут возникнуть в случае неконтролируемого развития ситуации. Как отмечается в коллективной монографии "Китай: угрозы, риски, вызовы развитию" под редакцией В.В. Михеева, "корейский вызов" для Китая состоит, во-первых, в том, насколько Китаю удастся предотвратить негативный, "угрозный" вариант развития ситуации на Корейском полуострове (то есть обострение кризиса вплоть до начала, хотя и маловероятного, военных действий), а во-вторых, в том, как он сумеет воспользоваться корейским кризисом для усиления своих региональных и глобальных позиций²⁸.

КНР является единственным членом "шестерки", который обладает реальными рычагами влияния на Пхеньян, что Пекин, безусловно, учитывает при формировании своей позиции и готов использовать эту ситуацию в своих интересах. Шестисторонние переговоры, по признанию представителей практически всех стран-участниц, уже продемонстрировали вес и влияние китайской дипломатии в СВА²⁹, что способствует укреплению престижа КНР в регионе. При этом Китай отказался от прямой поддержки КНДР и посредством механизмов давления и предоставления гуманитарной помощи вновь и вновь усаживает Пхеньян за стол переговоров. В то же время очевидно, что Пекин не готов брать на себя все бремя политической и экономической ответственности за поведение Ким Чен Ира.

Официальная позиция КНР по урегулированию кризиса состоит из шести пунктов:

1. Исключительно мирное урегулирование проблемы путем взаимных консультаций.
2. Денуклеаризация всего Корейского полуострова.
3. Официальные гарантии ненападения со стороны США и нормализация двусторонних отношений Вашингтона и Пхеньяна.
4. Возвращение КНДР в ДНЯО и под гарантии МАГАТЭ.
5. Право КНДР на "мирный атом" по ст. IV ДНЯО.
6. "Декларация в ответ на декларацию, действие в ответ на действие"³⁰.

В реально проводимой Пекином политике можно увидеть ряд противоречий.

С одной стороны, Китай в среднесрочной перспективе стратегически заинтересован в снижении уровня военного присутствия и геополитического влияния США в СВА. Мирное урегулирование и полное снятие с повестки дня ядерной проблемы Корейского полуострова является обязательным условием вытеснения США с региональной политической арены³¹.

Кроме того, главной опасностью для КНР в случае обострения кризиса могла бы стать эскалация распространения ЯО в регионе, так называемый "эффект ядерного домино", когда к вопросу о создании собственного ядерного щита вплотную подошли бы и Япония, и Тайвань, и Южная Корея. Такое развитие событий никоим образом не отвечало бы долгосрочным целям Китая по выходу на позиции единоличного регионального лидера. Более того, подобный сценарий может привести к началу "холодной войны" и гонки вооружений в СВА и АТР, а в худшем случае и к началу широкомасштабного военного конфликта (поводом может стать, например, реанимация ядерной программы Тайваня)³².

С другой стороны, активное участие КНР в деятельности шестистороннего механизма по урегулированию проблемы дает Пекину возможность политического торга с Вашингтоном. В частности, китайских усилий оказывается достаточно, чтобы получать от Вашингтона дипломатические подтверждения политики "одного Китая" по Тайваньскому вопросу³³. В этой связи продолжение международного диалога по вопросу денуклеаризации Корейского полуострова при самом активном участии Пекина дает возможности китайской дипломатии получать вполне ощутимые тактические дивиденды.

Политика Китая в отношении ядерной проблемы Кореи, по сути, определяется тремя основными взаимосвязанными факторами. Во-первых, взаимоотношениями с США. Во-вторых, стремлением закрепить за собой роль основного регионального центра силы. В-третьих, двусторонними отношениями с КНДР.

Особый интерес представляет анализ общественного мнения Китая. И в форумах сети Интернет, и в аналитических статьях китайских политологов определенно отсутствует единство взглядов на суть ядерной проблемы Корейского полуострова. На наш взгляд, это является симптомом того, что и в руководящих кругах КНР нет принятого единого подхода к указанной проблеме. Очевидно, что в современном Китае существует много сторонников абсолютной поддержки КНДР и противодействия США, но немало и тех, кто выступает за полное сохранение существующего режима нераспространения и осуждает Пхеньян³⁴.

Руководство Пекина вынуждено выстраивать очень гибкую политику в своих отношениях с Пхеньяном. С одной стороны, КНР связана военно-стратегическими обязательствами с КНДР по Соглашению о перемирии 1953 г. и Соглашению о дружбе, партнерстве и взаимопомощи 1961 г., северокорейский режим является одним из немногих идеологических союзников КПК. В связи с этим Пе-

кин, так или иначе, долгое время был вынужден поддерживать северокорейский режим на международной арене.

Кроме того, при формировании политики в отношении ядерной проблемы Корейского полуострова руководство КНР учитывало позицию развивающихся стран, которые во многом поддерживают действия КНДР, особенно в свете того, что юридически, с точки зрения международного права, КНДР выполнила все необходимые процедуры по выходу из критикуемого ДН за дискриминационный характер ДНЯО, а значит, и режима нераспространения в целом.

С другой стороны, представляется, что сегодняшнее руководство Китая, настроенное на усиление своего геополитического влияния прежде всего финансово-экономическими и дипломатическими методами, стремящееся всячески продемонстрировать свою твердую приверженность существующим международным механизмам и многосторонним форматам переговоров, не видит для Китая каких-либо плюсов в политическом и военном союзе с Северной Кореей. Этот союз влечет за собой слишком много обязательств, компрометирующих глоболизирующийся Пекин в глазах мирового сообщества и лишаящих Китай "свободы рук" во взаимоотношениях с партнерами по "шестерке"³⁵.

В настоящее время не представляется возможным говорить о скором окончательном разрешении ядерной проблемы Корейского полуострова. Однако можно предположить, что такая ситуация не является критичной для Пекина, который активно использует механизм "шестерки" в качестве дипломатической площадки для решения конкретных тактических задач в процессе взаимодействия с другими глобальными и региональными игроками.

Подводя итог, можно сказать, что проводимая Китаем политика в области ядерного нераспространения связана с комплексом долгосрочных стратегических задач — возможностью противодействия гегемонизму США, борьбой за конструирование многополярного мира через поддержку и реализацию интересов большинства развивающихся стран, а также усилением собственного геополитического веса на международной арене.

1. Ли Эрбин. 21 шицзи цянъци Чжунго дуйвай чжаньлюэ сюаньцзэ [Выбор Китаем внешнеполитической стратегии в начале 21 века]. Пекин, 2004. 499 с.
2. Чжунго гофан ["Белая книга" по обороне КНР]. Пекин, 2002.
3. Цит. по: Каменнов Л.Б. КНР: проблемы обороны // Проблемы Дальнего Востока. 2003, № 6.
4. Чжунго гофан ["Белая книга" по обороне КНР]. Пекин, 2006.
5. Чжунго гофан — 2008 ["Белая книга" по обороне КНР — 2008]. Пекин, 2002.
6. Bates G. Contrasting Visions: United States, China and World Order. Remarks Presented before the US — China Security Review Commission Session on US // China Relationship and Strategic Perceptions. 2001. 3 August.
7. Цит. по: Алиев А. Безопасность в Восточной Азии: подходы США, КНР и России // Проблемы безопасности в Азии. М.: 2001.
8. Чжунго гофан ["Белая книга" по обороне КНР]. Пекин, 2002.
9. Ли Эрбин. Указ. соч.
10. Цит. по: Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. М., 2005. С. 133.
11. Там же. С. 143.
12. Чжунго гофан ["Белая книга" по обороне КНР]. Пекин, 2002.
13. Чжунго гофан — 2008 ["Белая книга" по обороне КНР — 2008]. Пекин, 2006.
14. Ядерное оружие после "холодной войны". 2006. С. 89.
15. Там же. С. 90.
16. Ежегодник СИПРИ 2005: вооружение, разоружение и международная безопасность. М., 2006. С. 655.

17. Там же.
18. Ядерное оружие после “холодной войны”. М., 2006. С. 92.
19. Bates G. Op. cit.
20. Чжунго гофан [“Белая книга” по обороне КНР]. Пекин, 2002.
21. Там же.
22. Там же.
23. Ядерное оружие после “холодной войны”. М., 2006. С. 96.
24. Чжунго гофан [“Белая книга” по обороне КНР]. Пекин, 2002.
25. Ядерное оружие после “холодной войны”. М., 2006. С. 96.
26. Там же. С. 97.
27. Там же. С. 95.
28. Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. М., 2005. С. 378.
29. Мэйдайбяотуань туаньчжан: Вомэнь чжэнцзай нули чжэнцзюй дачэн исе гунши [Глава американской делегации: Мы в процессе тяжелейших переговоров добились консенсуса] // Агентство Синьхуа. 2005. 18 сент. — http://news.xinhuanet.com/world/2005-09/18/content_3505809.htm.
30. Чжуаньцзя чжаньван Чао хэ люфан хуэйтань — Юйхо тупо жэнжань цзяньнань [Прогноз экспертов о шестисторонних переговорах по ядерной программе КНДР — добиться прорыва все также трудно] // Цзефан цзюньбао. 2005. 13 сент. — http://www.chinamil.com.cn/site1/xwpxw/2005-09/13/content_293784.htm.
31. Anne Wu. What China Whispers to North Korea // *The Washington Quarterly*. 2005. Spring. P. 35—48.
32. См., напр.: Victor D Cha, David C. Kang. North Korea: A Debate on Engagement Strategies. N.Y., 2003.
33. Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. М., 2005. С. 378.
34. См., напр.: Форум китайского отделения BBC. — http://www.newsvote.bbc.co.uk/chinese/simp/hi/newsid_4260000/newsid_4265100/4265152.stm.
35. Sukhee Han. Alliance Fatigue amid Asymmetrical Interdependence: Sino-North Korean Relations in Flux // *The Korean Journal of Defense Analysis*. 2004. Vol. 16, № 1. P. 155—179.

Китай и КНДР: курс на сохранение регионального статус-кво

© 2009

Л. Забровская

В статье рассмотрена китайская стратегия сохранения мира и стабильности на Корейском полуострове. Главная цель корейской политики Китая состоит в избежании хаоса вблизи своей восточной границы. Поэтому он стремится стать гарантом безопасности КНДР и выступает за сохранение статус-кво на Корейском полуострове.

Ключевые слова: КНДР, Корейский полуостров, Ким Чен Ир, политика "сонгун", статус-кво, стратегия безопасности.

Корейский полуостров является для Китая зоной повышенного внимания благодаря географической близости, военно-политической значимости и экономической важности. Китай поддерживает с обоими корейскими государствами тесные политические и экономические связи. Каждое из этих государств по-своему важно для обеспечения китайской безопасности в Северо-Восточной Азии (СВА).

Укрепление отношений между Китаем и КНДР

Китай и КНДР многое роднит. У них сходная социально-политическая система, одинаковые национальные амбиции по воссоединению родины. Руководители обеих стран характеризуют отношения Китая и КНДР как традиционно дружественные, очень тесные, подобные "губам и зубам", объединенные "общими горами и реками"¹. Благодаря заключению 11 июля 1961 г. бессрочного военно-политического Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи Китай и КНДР стали на длительное время друг для друга единственными военно-политическими союзниками. Такое положение вещей накладывает на обоих партнеров особую ответственность за защиту союзника от внешних опасностей и помогает им сохранять военно-политический статус-кво в СВА.

Для укрепления двусторонних связей проводятся различные политико-идеологические мероприятия, включая дружественные визиты военных кораблей, проведение совместных военных учений, обмен символическими подарками по случаю государственных праздников. В рамках дальнейшего развития двусторонних связей 2009 г. был объявлен "годом китайско-северокорейской друж-

Забровская Лариса Вячеславовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток. E-mail: larisa51@hotmail.com.

Работа выполнена при поддержке гранта Президиума ДВО РАН 2009 г. № 09-III-11-555.

бы"². В этом же году в обеих странах широко отмечено 60-летие установления дипломатических отношений между КНР и КНДР. Празднование этой даты явилось важным культурно-идеологическим мероприятием, призванным еще более усилить двусторонние связи и расширить экономические контакты.

Официально Год китайско-северокорейской дружбы начался 17 марта 2009 г., когда многочисленная северокорейская делегация во главе с премьер-министром Ким Ен Иром посетила Пекин и пров. Шаньдун. Глава северокорейской делегации встретился с президентом и премьер-министром КНР, а также с руководителями пров. Шаньдун, с которой КНДР поддерживает широкие экономические и культурные связи. На переговорах стороны подчеркивали, что за 60 лет китайско-северокорейская дружба "выдержала проверку временем и прошла многие испытания", заявляли о готовности и дальше развивать политический диалог, экономические связи и культурный обмен³.

Хотя обе стороны постоянно отмечают, что отношения двух стран крепкие и активно развивающиеся, но имеется ряд противоречий, которые время от времени дают о себе знать и приводят к некоторому охлаждению, но никогда не к полному разрыву всех сфер сотрудничества. Немало разногласий было и сохраняется по поводу проведения внутривнутриполитических движений и отдельных акций. Так, в КНДР были подвергнуты острой критике китайские эксперименты в экономике — народные коммунуны и большой скачок. Ким Чен Ир, бывая в Китае, неизменно восторгался действительно впечатляющими результатами китайских реформ, но не торопится проводить такой же масштабный экономический эксперимент в своей стране.

В свою очередь в Китае не признают идеи чучхе как заслуживающую внимания теоретическую доктрину. Однако такие серьезные идеологические разногласия не мешают китайским партийным лидерам тесно сотрудничать с северокорейскими коллегами. Идеологические вопросы в Китае расценивают как внутреннее дело каждой из сторон. Терпимое отношение китайского руководства к внутривнутриполитическим реалиям КНДР является залогом сохранения дружественных отношений двух стран.

При отдельных социально-экономических и исторических разногласиях обе страны сближают и все более становятся цементирующим звеном вопросы безопасности. Если в период холодной войны обеспечение безопасности решалось на уровне двусторонних отношений, то в настоящее время разрешение возникающих проблем стало выходить за рамки китайско-северокорейских политических и партийных контактов. Шестисторонние переговоры, идущие с 2003 г. с переменным успехом, позволяют выявить сходство и различие в позициях двух стран по решению вопросов региональной безопасности. Если в Пхеньяне полагают, что наличие ядерного оружия помогает сохранить государственный суверенитет КНДР и не сможет нарушить баланс военно-политических сил в СВА, то Китай выступает за создание на всем Корейском полуострове безъядерной зоны и требует наряду с другими государствами полного прекращения северокорейской ядерной программы. Китайское правительство решительно осудило проведение второго ядерного испытания в КНДР и призвало Пхеньян не отказываться от участия в шестисторонних переговорах.

Новые подходы в решении вопросов региональной безопасности

В китайских научных публикациях Корейский полуостров рассматривается как исключительно важный для сохранения безопасности китайских внутренних территорий. Поэтому на протяжении многих веков китайские правители относились к Корейскому полуострову как к буферной зоне и всегда принимали превентивные меры для сохранения этого региона под своим контролем. В новей-

шее время китайское восприятие условий безопасности на своих восточных границах не изменилось. Китайские вооруженные силы приняли непосредственное участие в Корейской войне 1950-1953 гг. на стороне КНДР. В последующие десятилетия Китай прилагал серьезные усилия против продвижения американских военных баз к своим границам. Бессрочный союзнический договор 1961 г. между Китаем и КНДР служит юридической основой для поддержания военно-политического баланса сил в этом регионе.

С начала 1990-х годов китайская внешнеполитическая доктрина претерпела значительные изменения. Китайское правительство взяло курс на создание "мирного окружения", что преследовало цель формирования благоприятного международного климата для китайского возрождения. Поэтому трактовка понятия "безопасность" расширилась и стала включать не только защиту границ вооруженным путем, но и посредством упрочения дружественных связей с окружающими странами. Налаживание разносторонних контактов с соседями превратилось в одну из форм укрепления китайской безопасности.

Реализуя на практике свою внешнеполитическую доктрину, в 1992 г. Китай установил дипломатические отношения с Республикой Корея (РК) — военно-политическим соперником КНДР. Хотя первоначально китайский шаг вызвал полное неприятие и острую критику в Пхеньяне, но с течением времени северокорейское руководство само начало расширять политический диалог со своим южным соседом, проведя два саммита на высшем уровне и открыв зоны совместного экономического сотрудничества.

Урегулировав дипломатические и экономические связи с обоими корейскими государствами, Китай продолжает сталкиваться с вызовами с их стороны, но вынужден мириться с этим ради поддержания добрососедских отношений. Некоторые уступки своему военно-политическому союзнику также являются составляющим звеном китайской стратегии обеспечения собственной безопасности. Так, в 1993 г. КНДР под предлогом предотвращения побегов своих граждан за границу заняла ранее не принадлежавшие ей речные острова в среднем течении пограничных с Китаем рек Ялуцзян (Амноккан) и Тумэньцзян (Туманган)⁴. КНДР при молчаливом согласии китайской стороны продолжает удерживать их и в настоящее время, однако это не предотвращает побеги северокорейцев на китайскую территорию.

Китайским властям приходится сталкиваться с массовыми несанкционированными переходами границы северокорейскими экономическими беженцами, численность которых, по оценочным данным, превышает 200 тыс. чел. Северокорейские беженцы не только незаконно проживают длительное время на китайской территории, но и создают для китайских властей проблемы, незаконно проникая на территорию дипломатических миссий других стран и прося политическое убежище. Это привлекает внимание зарубежных благотворительных организаций, которые, в свою очередь, нарушают китайское законодательство, оказывая несанкционированную помощь северокорейским экономическим беженцам, а фактически поощряя переход через границу новых групп северокорейцев, что также вызывает недовольство Пхеньяна⁵. Как видно, в новейшее время перед Китаем и КНДР возникают проблемы не только обеспечения военной безопасности своей территории, но им необходимо реагировать и на нетрадиционные аспекты безопасности — гуманитарные, экономические, экологические и др.

В соответствии с современной внешнеполитической доктриной Китай успешно осуществляет курс, направленный на создание мирной и стабильной об-

становки по всему периметру своих границ. В интересах Китая — соблюдение статус-кво на Корейском полуострове, что прежде всего подразумевает сохранение политического режима в КНДР. Китай оказывает поддержку КНДР в ее требовании вывести все американские войска с юга полуострова. Однако китайское правительство не торопилось выводить свои войска с севера полуострова после подписания соглашения о перемирии в 1953 г. Хотя основной контингент китайских военнослужащих был выведен из КНДР в 1958-1959 гг., отдельные военные подразделения находились на северокорейской территории вплоть до 1994 г.⁶

Среди китайских исследователей распространено мнение о том, что в случае военного конфликта на Корейском полуострове, Китай не должен в нем участвовать, как это было в период Корейской войны⁷. Однако Пекин старается монополизировать свои отношения с КНДР и приучить другие страны к мысли о недопустимости нарушений китайских интересов в этом регионе.

В целях сохранения своего влияния на Корейском полуострове Пекин выдвинул ряд инициатив, поддерживающих безопасность китайских границ и отвечающих государственным интересам Китая. Это прежде всего касается китайских усилий по ликвидации ядерной угрозы на Корейском полуострове, поддержке мирного, без вмешательства извне (прежде всего американского) объединения Кореи и вывода всех американских войск с юга полуострова, а также всестороннего поощрения процесса налаживания дипломатического диалога КНДР с США и странами Евросоюза. Не все китайские инициативы оказались успешными. Тем не менее, осудив проведение в КНДР в октябре 2006 г. ядерного испытания, Китай при активной поддержке России не позволил США воспользоваться мандатом ООН и ввести военно-политические санкции против КНДР, экономически изолировать ее. Таким путем был сохранен статус-кво на Корейском полуострове и не произошло падения северокорейского режима, а, следовательно, обеспечена безопасность восточных границ Китая.

Китайские политические цели состоят в том, чтобы держать ситуацию в КНДР под собственным контролем и не допускать какое-либо внешнее вмешательство, даже стран-постоянных членов ООН. Поэтому Китай не одобрил предложение США о проведении многосторонних переговоров по урегулированию ядерной угрозы на Корейском полуострове по формуле 5+5 (пять постоянных членов ООН и КНДР, РК, Япония, Евросоюз и Австралия)⁸. Однако, видя, что в таком случае можно потерять инициативу в корейском вопросе, китайский МИД предложил провести трехсторонние переговоры между делегациями Китая, КНДР и США, которые состоялись 23-25 апреля 2003 г., но завершились безрезультатно. Тем не менее, Китай и КНДР настаивали на дальнейшем проведении прямых американо-северокорейских переговоров по решению вопроса об условиях сворачивания северокорейской ядерной программы.

В то время Китай старался избежать проведения многосторонних переговоров при участии России и Японии, опасаясь, что инициатива может перейти к этим странам. Вместе с тем китайские лидеры понимали, что ядерный кризис на Корейском полуострове мог бы “завести Китай в стратегический капкан и обострить отношения между державами”. Поэтому Пекин постарался “выбрать надлежащую позицию между отношениями с традиционным союзником и державами”⁹, пойти на смягчение своей позиции и согласиться на участие в переговорах России и Японии.

Шестисторонние переговоры стали более удачным вариантом обсуждения условий прекращения ядерной программы КНДР. В ходе их проведения были выявлены точки схождения интересов всех участников, благодаря

чему они смогли в 2005 г. выработать совместное заявление с программой дальнейших действий по урегулированию ядерного кризиса на Корейском полуострове. Благодаря проведению “добрососедской, богатососедской и стабильнососедской политики” Китай не только завоевал авторитет в процессе урегулирования корейского ядерного кризиса, но и значительно улучшил свой имидж среди стран Восточной Азии, что “сделало международное положение Китая еще более благоприятным”¹⁰.

Внутриполитические события в КНДР и позиция Китая

Китайское правительство не только уделяет пристальное внимание внешнеполитическим аспектам и военно-политической ситуации на Корейском полуострове в целом, но и держит под контролем внутриполитическое положение в КНДР. Это наиболее ясно проявилось летом-осенью 2008 г., когда распространились слухи о тяжелой болезни Ким Чен Ира и вновь возник вопрос о следующем северокорейском руководителе. Ранее китайские лидеры всячески противились назначению наследником одного из сыновей Ким Чен Ира и высказывались за введение коллективного руководства при участии северокорейских военных. В конце сентября 2008 г. китайские и северокорейские военные провели масштабные военно-морские учения в Желтом море¹¹, что могло означать китайскую поддержку северокорейскому генералитету.

По наблюдению венгерского ученого К. Фендлера, вскоре после китайско-северокорейских военно-морских учений северокорейская газета “Нодон синмун” на три недели прекратила публикацию статей о политике “сонгун” (“политика приоритета армии”). Только 22 ноября 2008 г. “Нодон синмун” опубликовала статью, где говорилось о “патриотическом” характере политики “сонгун”, проводимой правящей Трудовой Партией Кореи (ТПК). Северокорейская политика “сонгун” противопоставлялась “империалистическим реформам” и “политике открытости”¹², что, таким образом, содержало завуалированный намек на современные китайские экономические реформы, начатые Дэн Сяопином в 1978 г. Одновременно с такими публикациями в центральной северокорейской прессе произошли изменения в ближайшем окружении Ким Чен Ира. Если ранее Ким Чен Ир появлялся на общественных мероприятиях в окружении генералов, то с конца 2008 г. его стали сопровождать парторботники. В северокорейской прессе начали подчеркивать, что помимо председателя Государственный комитет обороны (ГКО) он также является генеральным секретарем ЦК ТПК¹³. Такие внешние показатели могут свидетельствовать об изменениях в расстановке политических сил в КНДР.

В феврале 2009 г. Ким Чен Ир произвел перестановку в высшем военном руководстве страны, заменив военного министра и начальника генштаба КНА. Новым военным министром стал заместитель Ким Чен Ира в Госкомитете по обороне 73-летний вице-маршал Ким Ен Чхун, а новым начальником генштаба КНА — генерал Ли Ен Хо¹⁴. Смена ключевых фигур военного руководства страны могла свидетельствовать о неодобрении слишком тесных контактов прежнего военного руководства с китайскими военачальниками и намерении Ким Чен Ира упрочить контроль над северокорейским генералитетом.

Последовавшее 5 апреля 2009 г. вслед за перестановками в высшем военном руководстве КНДР испытание северокорейской баллистической ракеты выглядело, среди прочего, и как сигнал недовольства в адрес китайского правительства, которое ранее отговаривало КНДР от проведения подобного испытания.

13 апреля 2009 г. Совет Безопасности ООН осудил проведенный запуск северокорейской баллистической ракеты, заявив, что действия КНДР противоречат резолюции 1718 СБ ООН 2006 г., согласно которой КНДР предписывалось приостановить все виды деятельности по созданию межконтинентальных ракет и их испытаний. На следующий день северокорейский МИД объявил о возобновлении ядерной программы и отказе от участия в шестисторонних переговорах по урегулированию ядерного кризиса на Корейском полуострове.

Реакция китайских политиков и прессы была, однако, довольно сдержанной. Если японское правительство ответило на северокорейские запуски ракет и ядерное испытание новыми дипломатическими протестами и экономическими санкциями, то китайские власти, напротив, не стали отгораживаться от КНДР, заявив, что Китай будет и далее развивать отношения с этой страной в целях вовлечения ее в широкий политический диалог и экономическое сотрудничество.

В рамках проведения мероприятий Года китайско-северокорейской дружбы и 60-й годовщины установления дипломатических отношений между двумя странами 5 октября 2009 г. Пхеньян посетила китайская делегация во главе с премьером Госсовета КНР Вэнь Цзябао, который провел переговоры с генеральным секретарем ЦК ТПК, председателем ГКО Ким Чен Иром. В ходе переговоров стороны выразили удовлетворение развитием дружественных связей, сотрудничества и взаимопонимания между Китаем и КНДР. В частности, Ким Чен Ир заявил о стремлении КНДР осуществить полную денуклеаризацию Корейского полуострова и "...путем двусторонних переговоров между КНДР и США превратить враждебные отношения между двумя странами"¹⁵. Ким Чен Ир также выразил намерение участвовать в "многосторонних переговорах, включая шестисторонние", что было высоко оценено Вэнь Цзябао. Как видно, руководство КНДР под влиянием китайской политики вовлечения не только выразило желание провести переговоры с США, но и смягчило позицию в отношении своего участия в шестисторонних переговорах. В таком случае появилась надежда на возвращение КНДР за стол переговоров и выполнение ранее принятых обязательств.

Вместе с тем в среде американских политиков отсутствует единый подход к процессу формирования новой северокорейской политики Вашингтона. Наряду с приверженцами жесткого курса возвысили голос и его противники. Американский эксперт по корейским вопросам Р. Галуччи полагает, что политика давления на КНДР "контрпродуктивна", обсуждение в СБ ООН вопроса о проведении северокорейского запуска баллистической ракеты явилось "ошибкой". Он пришел к выводу о том, что "для скорейшего разрешения ядерной проблемы на Корейском полуострове следует начать прямой диалог между Вашингтоном и Пхеньяном"¹⁶.

Именно такого решения тщетно добивались Китай и КНДР от администрации президента Дж. Буша-мл. Однако и новый американский президент Б. Обама, до своего избрания активно выступавший за урегулирование ядерного кризиса на Корейском полуострове переговорным путем, так и не предложил свою программу по этому вопросу, а предпочел следовать жесткой политике в отношении КНДР. Поэтому запуск северокорейской баллистической ракеты можно рассматривать как "асимметричный ответ" на нежелание США менять свою тактику в отношении КНДР и учитывать ее государственные интересы.

Принимая во внимание заинтересованность Китая в сохранении статус-кво на Корейском полуострове, налаживание американо-северокорейского диалога было бы в китайских интересах. Следовательно, можно предположить, что

запуск баллистической ракеты в целях нажима на США не только не затронул китайские интересы, а, напротив, упростил китайской дипломатии задачу по запуску диалога между США и КНДР при сохранении шестисторонних переговоров как наиболее подходящего формата для обсуждения проблем, связанных с ядерным кризисом на Корейском полуострове.

Как предполагают американские эксперты по китайско-северокорейским отношениям. Китай будет вынужден «искать новые способы убеждения Пхеньяна вернуться за стол переговоров»¹⁷.

Как видно, новая администрация США пытается использовать Китай как своеобразный рычаг управления Пхеньяном. США надеются переложить ответственность за «поведение» КНДР на Китай и остаться в стороне. В свою очередь, Китай не торопится оказывать давление на КНДР, предпочитая заявлять об отсутствии у него таких возможностей.

Основные выводы

Китай рассматривает КНДР как ключевое звено своей безопасности в Северо-Восточной Азии. В Пекине полагают, что китайским интересам в наибольшей степени отвечает сохранение КНДР как самостоятельного государства. Китай оказывает Пхеньяну военно-политическую поддержку и экономическую помощь, а также прилагает серьезные усилия для предотвращения военного конфликта на полуострове и развала северокорейского режима извне. В связи с этим можно согласиться с американским ученым Стивеном Кимом, что «даже обладающая ядерным оружием Северная Корея может быть приемлема для Китая», если Пекин будет и «дальше удерживать влияние на нее»¹⁸.

Хрупкий военно-политический баланс сил, экономические и гуманитарные проблемы — тот круг вызовов, с которым сталкивается Китай на Корейском полуострове в целом и в случае с КНДР, в частности. Тем не менее Китай не намерен отступать и старается решать все возникающие проблемы мирным путем, в рамках долговременной стратегии обеспечения безопасности своих восточных границ.

Анализируя китайскую стратегию обеспечения безопасности на Корейском полуострове, следует подчеркнуть эволюционный характер ее развития. За последние десятилетия ее центр тяжести переместился из военной сферы в военно-политическую, а в последние годы она приобрела политико-дипломатические очертания. Это соответствует новейшей китайской внешнеполитической доктрине — формированию мирных дружественных связей со своими соседями, превращению Китая в экономически привлекательного партнера и нахождению точек соприкосновения и взаимопонимания с США по острым военно-политическим вопросам. Все китайские внешнеполитические шаги нацелены на сохранение статус-кво на Корейском полуострове, а, следовательно, обеспечение безопасности восточной границы Китая. Сохранение статус-кво на Корейском полуострове отвечает и интересам правящей элиты КНДР, поскольку ведет к укреплению ее власти.

1. Чжунго вайцзяо цзыдянь [Китайский дипломатический словарь]. Под ред. Тан Цзясюаня. Пекин: Шицзе чжиши чубаньшэ, 2000. С. 568.
2. ИТАР-ТАСС. Азиатско-Тихоокеанский регион. 2 февраля. 2009.
3. <http://www.chinadaily.com.cn/china/2009-03/19/content7596999.htm>

4. *Srikanth Kondapalli*. Securing the Periphery: China-North Korea Security Relations // International Journal of Korean Unification Studies. Seoul. 2006. Vol. 15. No. 2. P. 75.
5. Ibid. P. 75.
6. *Ао Гуан*. Чао хэ вэйцзи дуй Чжунго аньцюань лииды юнсян: шичжи ши цзюньши пин-хэн бэй похуай [Северокорейский ядерный кризис и его влияние на интересы китайской безопасности: опасность нарушения военного баланса] // Цзюньцюань чжиши [Военные знания]. Пекин. Август 2003. № 9. С. 53-54.
7. См. например: *Гун Кэюй*. Чжунго цзай Чао-хэ вэнты шанды гоцзя лии, цзююн хэ цянь-даньсин сыкао [Северокорейская ядерная проблема, ее роль и влияние на государственные интересы Китая] // Гоцзи гуаньча [Международное обозрение]. Пекин. 2008. № 5. С. 59-65; *Мэнь Хунхуа*. Дунбэйя аньцюань кунцзин цзи ци чжаньлюе индуй [Дилемма безопасности в США и стратегия противодействия] // Сяньдай гоцзи гуаньси [Современные международные отношения]. Пекин. 2008. № 8. С. 16-22.
8. Жэньминь жибао. Пекин. 3 февр. 2003 г.
9. *Ян Боцзян*. Дунбэйяды чжэнцэ цинкуан [Политическая ситуация в США] // Сяньдай гоцзи гуаньси [Современные международные отношения]. Пекин. 2003. № 4. С. 14.
10. 2004 нянь шицзе даши цяньчжань [Перспективы мирового политического положения в 2004 г.] // Сяньдай гоцзи гуаньси [Современные международные отношения]. Пекин. 2004. № 1. С. 7.
11. ИТАР-ТАСС. Азиатско-Тихоокеанский регион. 19 сентября. 2008.
12. *Fendler K.* Son'gun: On the Past and Present of North Korea's 'Military First Policy' // Vienna Working Papers on East Asia Economy and Society. Vienna. 2009. Vol. 2. No. 1. P. 5.
13. Ibid. P. 11.
14. ИТАР-ТАСС. Азиатско-Тихоокеанский регион. 13 февраля. 2009.
15. Синьхуа. 6 октября 2009 г.; ИТАР-ТАСС. Азиатско-Тихоокеанский регион. 6 октября. 2009.
16. *Snyder S., Byun See-won*. China-Korea Relations: Year of China-DPRK Friendship; North's Rocket Fizzles // Comparative Connections. A Quarterly E-Journal on East Asian Bilateral Relations. 2009. Vol. 11. No. 1. — <http://www.csis.org/pacfor/ccejournal.html> 10.04.2009
17. Ibid.
18. *Ким С.* Решение северокорейской ядерной проблемы: два противоположных подхода — “сохранение статус-кво” и “трансформационный” // Вызовы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе: взгляд из России и США. — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2006. С. 149.

Прочность китайской "мягкой силы"

© 2009

В. Ганшин

После успешного проведения Олимпийских Игр КНР, похоже, находится в процессе новой самоидентификации. С нарастанием кризисных явлений в мире, усилением международных позиций Китая ее вряд ли устроит прежний статус и вес в мировых делах. Вместе с тем Пекин твердо стоит на том, что никогда не станет "сверхдержавой", что его возвышение и укрепление мощи не представляет угрозы другим членам мирового сообщества. Свои новые высоты Китай намерен завоевывать исключительно мирным путем, при помощи т.н. "мягкой силы". Для этого он готов и впредь искать взаимопонимания с другими странами и народами, в том числе с помощью активизации культурных обменов, пропаганды привлекательности своей модели социально-экономического развития и убеждения в своей ответственности.

Ключевые слова: "жесткая сила", "мягкая сила", "искусная сила", "Пекинский консенсус", "китайская угроза" и "китайская ответственность".

Один из пионеров изучения темы "мягкой" и "жесткой" силы, выпускник Гарварда Джозеф Най как-то привел парадоксальное и эпатазирующее, как многим показалось в то время (2005 г.), высказывание видного американского ученого с достаточно скандальной репутацией Роберта Кейгана, что американцы происходят с Марса, а европейцы — с Венеры¹. В том смысле, что по разную сторону Атлантики действуют различные приоритеты в решении внешнеполитических задач: в Старом Свете предпочитают искать дипломатические компромиссы, тогда как Вашингтон в основном в своей стратегии опирается на грубую военную и экономическую мощь.

Провокационность подобного заявления, по мнению Дж. Найа, чересчур упрощала различия между американским и европейским отношением к миру и безопасности, и это было очевидно. В конце концов, напоминает ученый, европейцы присоединились к военной операции в Косово в 1999 г. (кстати, Франция и Германия имели тогда в крае вдвое больше войск, чем Соединенные Штаты; европейцы и сегодня составляют значительную часть международных сил безопасности в Афганистане), да и война в Ираке показала, что среди европейцев есть немало "выходцев с Марса", а среди американцев — "с Венеры".

Между тем тезис, предложенный Р. Кейганом, вызвал серьезные дискуссии в научном сообществе, которые продолжаются по сей день. Особую остроту и пикантность обсуждаемой проблеме добавил глобальный финансовый кризис. Все более становится очевидным: осуществлять свои национальные интересы надо не в одиночку, насильно заставляя других “любить” и уважать себя, а путем компромиссов и договоренностей находить точки соприкосновения в духе взаимного уважения и взаимопонимания. Ведь что такое по своей сути “мягкая сила”? Это способность добиваться желаемого результата при помощи убеждения, привлекательности собственного имиджа, а не силы или денег.

После окончания Второй мировой войны, когда Европа и Япония лежали в руинах, Соединенные Штаты для большинства людей к западу от контрольно-пропускного пункта на Фридрихштрассе казались раем, “Землей обетованной”. Европейская молодежь слушала американскую музыку, смотрела американские фильмы, стремилась купить одежду а-ля Америка. Молодые европейцы, писал голландский историк Р. Кройс, “вырастали в мире, где американские символы играли важную роль”. “Поколение за поколением молодежь, которая росла в разных европейских странах... всегда имела культурную альтернативу... Такие простые вещи, как джинсы, “Кока-кола” или сигареты, приобретали дополнительную ценность, которая помогала молодежи выражать свою собственную идентичность”².

С началом хрущевской “оттепели” и в Советском Союзе ценности “потребительской революции” прочно прижились в среде довольно значительной части молодежи, творческой и научной интеллигенции. (Ностальгические воспоминания о днях своей юности можно услышать из уст восторженных зрителей фильма В. Тодоровского “Стиляги”). Конечно, “быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей”. Но ростки той “оттепели” через два десятка лет проросли таким чертополохом, который может задушить еще не одно поколение россиян.

Почему Запад оказался столь падок на американское влияние? Как уже говорилось, военные успехи американцев (не в смысле выигранных крупных сражений и грандиозных битв, а их экономическое и финансовое усиление), плоды нового передела мира в результате подписания Атлантической хартии создавали образ могущественной и надежной державы. Норвежский исследователь Г. Лундстад, описывая причины привлекательности образа Америки в Европе в те годы, писал: “...федерализм, демократия и открытые рынки представляли собой основные американские ценности. Это то, что Америка экспортировала”. И благодаря “плану Маршалла” европейцы с готовностью приняли то, что им было предложено. Но возникшая в результате “мягкая сила” во многом зависела от близости культур и ценностей Соединенных Штатов и Европы”³.

Добившись своих целей в Европе, американцы постепенно стали утрачивать способность, да и желание действовать с помощью “мягкой силы”. Все чаще их поступки становились отражением откровенно агрессивных намерений правящих администраций, все меньше Вашингтон стал считаться со своими европейскими союзниками. Апофеозом такой стратегии стала война в Ираке. И хотя формально большинство правительств Старого Света вынуждено было поддерживать эту американскую авантюру, раскол стал очевиден. Германия, Испания, Франция, Греция, другие страны ответили на военные действия в Ираке мощными антиправительственными демонстрациями и другими протестными акциями. Возможно, именно тогда и произошло коренное деление на приверженцев “жесткой и мягкой силы”. Европа продолжает наращивать свои усилия по использова-

нию дипломатических, институциональных действий для распространения своего влияния в мире, тогда как США продолжают следовать жесткой линии в решении своих внешнеполитических задач. Известных перемен специалисты ожидают с переездом в Белый дом Б. Обамы, однако, прошло еще слишком мало времени со дня его инаугурации, чтобы серьезно обсуждать приоритеты нового президента США.

С начала нового тысячелетия вместо бывшего Советского Союза в число ведущих мировых держав выдвинулся Китай. В этой связи, думается, представления Китая о соотношении “мягкой” и “жесткой” силы, о приоритетах в данном вопросе имеют несомненный интерес. Не случайно эта тема активно обсуждается и в китайской прессе, и в зарубежных изданиях.

Говоря о проблеме использования Китаем потенциальных возможностей “мягкой силы”, как считают эксперты, можно выделить три основных компонента: культурный диалог, лидерство в развивающемся мире и противодействие имеющему хождение лозунгу о “китайской угрозе”.

Распространение культуры и поиск понимания

Соединение конфуцианских социальных и политических ценностей, народных традиций и обычаев, искусства, китайского языка понимается китайскими политологами как важнейшая составляющая “мягкой силы” Китая⁴. Стремление ближе познакомиться с китайской культурой, узнать историю одной из древнейших мировых цивилизаций закладывает основы уважения и признания, которые со временем будут содействовать формированию необходимого для Китая благоприятного международного окружения. Как считают некоторые китайские ученые, “способность государства распространять свою культуру за рубежом приведет к пониманию, благорасположению и восприятию его культурных ценностей другой стороной”⁵.

Каким же образом Китай предполагает добиваться содействия решению своих стратегических целей с помощью распространения своих культурных ценностей? Во-первых, это тот потенциал, который многие эксперты называют естественным преимуществом “культурной привлекательности” как в среде китайской диаспоры, так и в других “конфуцианских” государствах, включая Японию, Южную Корею, Сингапур и Вьетнам. Зарубежные китайцы всегда играли особую роль для КНР не только как источник инвестирования капитала, но и в качестве своего рода “ретранслятора” среди местного населения таких конфуцианских добродетелей, как трудолюбие и крепость семьи. Учитывая многочисленность и влияние хуацяо, вполне вероятно, что Китай способен стать лидером объединенного Восточно-Азиатского политического сообщества, основанного на конфуцианских ценностях и опыте.

Однако вероятность скорой реализации этой идеи другими специалистами подвергается серьезной критике по ряду причин. Начать с того, что интересы государств определяются не просто приверженностью “конфуцианству”, но также географическим положением, равнодействующими факторами безопасности, соперничеством за доступ к ограниченным ресурсам, прошлыми конфликтами и множеством других обстоятельств, которые делают культурный регионализм туманной перспективой. По ряду позиций китайское культурное влияние в этом регионе бледнеет по сравнению с влиянием США и других государств. Например, экспорт китайских фильмов ничтожен по сравнению с экспортом фильмов американских, которые, как считается, распространяют западные ценности типа ин-

дивидуализма и демократического плюрализма. Если вести речь о самовыдвижении Китая в качестве конфуцианского общества, то Китай и здесь весьма уязвим, поскольку за последние тридцать лет его внутренняя жизнь характеризовалась динамичным проникновением западных ценностей и обычаев.

Китайская цивилизационно-культурная модель остается все-таки еще довольно экзотичной для восприятия зарубежной аудиторией, в особенности европейской. Поэтому в Пекине уверены в необходимости активизации “культурной дипломатии”. Это направление включает усилия, нацеленные на возвышение авторитета и создание привлекательности культурного образа Китая как в пределах региона, так и вне его. Предполагается расширение культурных и научных обменов, организация художественных выставок, “годов культуры”, укрепление связей между породненными городами и т.д.

Подобные мероприятия, при всей их нужности и целесообразности имеют, тем не менее, очевидные недостатки. Во-первых, они, как правило, носят временный характер и довольно поверхностны. Интерес к той или иной культуре — это лишь первый шаг в распространении своих традиционных ценностей, их интернационализация есть процесс гораздо более трудоемкий и сложный. Во-вторых, большинство людей в мире, естественно, более привычно к своей собственной культуре и только в незначительной степени знакомо с китайским наследием. Так, например, влияние христианской и исламской цивилизаций так глубоко укоренилось в Африке, что добиться существенного продвижения там конфуцианства представляется весьма затруднительным делом. Проще говоря, сомнительно, чтобы указанные меры при всей их амбициозности смогли изменить базовые представления людей о Китае.

Для достижения позитивного результата требуется более активная помощь иностранных участников. Главным звеном в этом направлении является образование. Изучение китайского языка, истории и культуры рассматривается сегодня китайским руководством не только как способ воспитания уважения к Китаю, но и как средство культивирования “массива иностранного интеллекта”, более подготовленного для установления личных связей с китайскими партнерами и КНР в целом. Примером в этом смысле может служить “программа Фулбрайта”, с помощью которой американцы в годы холодной войны значительно преуспели в формировании массовой поддержки со стороны иностранных элит⁶. И хотя вряд ли правомерно искать прямую связь между образованием и позицией элит (достаточно вспомнить, какие усилия прилагал в этом направлении Советский Союз, принимая у себя студентов, аспирантов из-за рубежа, и чем все это закончилось), отказываться от такого варианта “культурной экспансии” также не стоит. Многие из обучающихся сегодня в КНР африканских студентов, например, вполне вероятно, вскоре займут высокие государственные посты или станут элитой во всех областях в своих странах. Заложенные за годы учебы теплые впечатления от страны пребывания, личные контакты на разных уровнях будут способствовать росту влияния Китая в Африке, уверены в Пекине.

Существуют две формы образования как средства развития “мягкой силы”. Первая — это студенты, обучающиеся в самой КНР. Так, в 2006 г. в стране учились свыше 140 тыс. иностранных студентов. В 2008 г. число приехавших учиться в Китай иностранцев впервые превысило 200 тыс., в первую тройку входят студенты из Южной Кореи, США и Японии⁷. Вероятно, в силу простого интереса к культуре соседей около 75% иностранных студентов в Китае — выходцы из Восточной Азии. (Для сравнения: в США иностранцев обучалось 560 тыс. Од-

нако из-за экономических причин, трудностей с получением американских въездных виз после 11 сентября их количество несколько уменьшилось).

Власти КНР предпринимают активные шаги для того, чтобы повысить уровень и качество подготовки обучающихся в Китае иностранных студентов. Министерство образования КНР намерено принять ряд мер, нацеленных на то, чтобы китайские университеты принимали иностранных студентов “более высокого уровня”⁸. Конечно, речь в данном случае идет не об их социальном статусе. Однако можно не сомневаться, что уровень владения китайским языком у новых студентов будет тем выше, чем более престижные начальные школы и колледжи они закончили у себя на родине. То есть, чем богаче и “статуснее” их родители, которые могут в последующем обеспечить своим чадам высокие посты в государственных структурах и деловых сообществах.

Другой “манок” для студентов из развивающихся стран — государственные стипендии, которые готово им обеспечить китайское правительство. Так, по сообщению главы Отдела международного сотрудничества и обменов Министерства образования КНР Чжан Сюцинь, в 2010 г. “20 тысяч иностранцев будут охвачены государственными стипендиями КНР”. На эти цели власти предполагают выделить более 500 млн юаней (около 73,5 млн долл.)⁹.

Не менее перспективным представляется проект учреждения по всему миру “конфуцианских институтов”, являющихся центрами изучения китайского языка и культуры, размещенными при университетах. При этом цель ставится достаточно масштабная — к 2010 г. иметь 500 действующих институтов такого рода. В более широком плане руководство Китая рассчитывает, что к 2010 г. китайский язык будут изучать, по меньшей мере, 100 миллионов студентов по всему миру¹⁰.

Ведь язык всегда служил проводником “культурной экспансии”. Он помогал народам общаться без посредников, лучше понимать друг друга. Конечно, китайский язык — не самый простой для изучения. Однако факты говорят о том, что вполне реально в самом ближайшем будущем ожидать бума в распространении китайского языка.

На завершившейся в середине марта 2009 г. сессии ВСНП заведующий Государственной канцелярии по международному распространению китайского языка Сюй Линь привел такие цифры: в настоящее время количество иностранных студентов, изучающих китайский язык во всем мире, превышает 40 млн чел., и их численность увеличивается ежегодно на 50%¹¹. Эти люди полагают, что их будущее связано с Китаем, поэтому необходимо повышать уровень владения китайским языком, чтобы приобрести больше шансов при устройстве на работу. Субъективные оценки студентов подтверждают ученые. Интерес к китайскому языку вызван не только стремлением больше узнать о жизни Поднебесной, культуре и традициях ее народа, но имеет и вполне практический резон: в условиях глобального финансового кризиса люди оптимистично смотрят на перспективы Китая.

Столь же активно в Китае изучают и языки своих партнеров и/или конкурентов. Известно повальное увлечение местной молодежи английским языком. В меньшей степени, но весьма интенсивно пропагандируется и знание русского языка. Страны взаимно проводят “Года языка”, выпускают совместные газеты и журналы, в Пекине недавно заработал специальный телеканал на русском языке. Такой своеобразный “русский акцент” — также важный элемент использования “мягкой силы”.

Модель развития и лидерство в “третьем мире”

С 1950-х гг. главной целью внешней политики Китая было занять лидирующее положение в развивающемся мире. Однако в отличие от периода “холодной войны”, когда важнейшим аспектом деятельности на международном фронте считалось наращивание антиколониальной борьбы в Африке и Юго-Восточной Азии и объединение дипломатических усилий против “американских империалистов” и советских “социал-ревизионистов”, задачи в эпоху реформ ставятся несколько иные. Пекин озабочен в первую очередь наращиванием “дипломатического капитала”, который может быть использован, например, при голосовании в ООН по интересующим КНР вопросам и проблемам обеспечения доступа к ограниченным природным ресурсам. Вместе с тем, публично Китай выстраивает свою дипломатическую стратегию в “третьем мире” в понятиях альтруизма, особо подчеркивая невмешательство во внутренние дела суверенных государств¹². Не случайно идея “гармоничного мира”, основанного на взаимном уважении и признании государственного суверенитета, прозвучала из уст председателя КНР Ху Цзиньтао именно в связи с 50-летием Бандунгской конференции.

Каким образом Китай намеревается стать примером привлекательности для развивающихся стран?

Прежде всего, это реклама китайской модели развития. Она включает в себя: а) “скоординированное, комплексное и научно обоснованное развитие”, не требующее больших общественных и экологических затрат; б) “стабильность”, понимаемая в широком смысле как устойчивость власти, институтов и общества в целом; в) “гармония”, означающая стремление свести к минимуму ущерб в отношениях между людьми, обществом и окружающей средой, а также между государствами. В этом смысле употребляемое в обиходе выражение “гармоничное общество” естественным образом перетекает в понятие, относящееся к международной категории, — построение “гармоничного мира”¹³.

Особое внимание обращается на понятие “Пекинский консенсус” — термин, изобретенный бывшим редактором журнала “Тайм” Джошуа Купером Рамо¹⁴. Выражение символизирует исключительную привлекательность китайского опыта, “изучать который спешат специальные команды экономистов из таких разных стран, как Таиланд, Бразилия и Вьетнам”¹⁵.

В отличие от либеральных предписаний относительно возвышения государств на основе демократизации и активного участия международного финансового сообщества (известных как “Вашингтонский консенсус”), “Пекинский консенсус” делает упор на политическую стабильность и свободный выбор странами самостоятельного пути развития, основанного на экспериментировании и особенностях конкретных условий.

Напомним, принципы “Вашингтонского консенсуса” были сформулированы в 1990 г. — это приватизация, жесткая монетарная политика, отказ от бюджетного дефицита, либерализация торговли, открытость для иностранных инвестиций. Подход этот стал стандартным “правильным” рецептом для решения проблем развивающихся стран и лег в основу реформ в Латинской Америке и Восточной Европе. Затем выражение “Вашингтонский консенсус” приобрело политический оттенок — для одних как символ победы в “холодной войне”, для других — как навязываемая Соединенными Штатами политика “минималистского государства” и монетаризма.

Но рыночные преобразования не решили социальных проблем Латинской Америки; итоги реформ в России все чаще объявляются провальными; бывший главный экономист Всемирного Банка лауреат Нобелевской премии по экономике Дж. Стиглиц объявил, что именно политикой “Вашингтонского консенсуса” был порожден и азиатский финансовый кризис.

В мае 2004 г. Лондонским центром международной политики был опубликован доклад под названием “Пекинский консенсус”, где речь идет уже не только об эффективности “китайской модели”. По мнению авторов, “Вашингтонский консенсус” “исходит из желания сделать счастливыми банкиров”, а “Пекинский консенсус” — добиться справедливого роста в интересах простых людей. Его цель — рост при сохранении независимости; отличительные черты — “решительное стремление к инновациям и экспериментам” (специальные экономические зоны), “защита государственных границ и интересов”, “накопление инструментов асимметричной силы” (в виде сотен миллиардов долларов валютных резервов).

Вследствие провала реализации “Вашингтонского консенсуса” в латиноамериканских и других развивающихся странах эти государства все больше обращаются к китайской модели экономического роста и политической стабильности. То же можно сказать и о Черном континенте: многие африканские лидеры заинтересовались, каким образом Китай обеспечил быстрый рост, сохраняя при этом политический контроль, и стали часто приезжать в Китай за консультациями¹⁶.

Несмотря на всю привлекательность новой концепции, существует значительная доля пессимизма относительно того, будет ли Китай в состоянии сыграть намеченную им же самим роль. Дело в том, что некоторые развивающиеся государства не имеют ни необходимых условий, ни стремления копировать китайскую модель развития и таким образом “предполагаемый ход событий был бы затруднителен для создания действенного компонента китайской “мягкой силы”. Кроме того, внутри самого Китая существует немало недостатков в процессе реформирования (растущий разрыв в доходах, сохраняющийся высокий уровень безработицы, загрязнение окружающей среды и демографические проблемы), так что пока слишком рано говорить о вытекающем из китайского опыта “консенсусе”¹⁷. С учетом этого КНР трудно представить образцом для других государств. Да и в целом, в пропаганде опыта и достижений “социализма с китайской спецификой”, многих все-таки серьезно озадачивает именно термин “специфика”, может быть, даже уникальность предлагаемого варианта развития.

Еще один “китайский козырь” — так называемая экономическая дипломатия. Этим методом Китай пользовался и раньше. Так, в период с 1956 г. по 1977 г. Китай оказал безвозмездную помощь африканским государствам в размере более чем 2,4 млрд долл. с целью развития благоприятных отношений в развивающемся мире. Нынешняя внешняя политика строится на основе стремления способствовать налаживанию желаемых связей и сведения к минимуму трений, возникающих вследствие расширения экономических притязаний Китая в отдаленных регионах. Китай активно участвует в развитии базовой инфраструктуры, включая инвестирование в транспортные системы, больницы, школы и сельское хозяйство. Примером может служить сотрудничество с Анголой, которая превзошла Нигерию по объему нефтяных ресурсов. КНР предоставил этой стране займы под низкий процент в объеме примерно 3 млрд долл. даже при том, что

стоимость ее нефтяных контрактов составляла в 2007 г. только 1,4 млрд долл. Это позволило Анголе впервые “сбросить” помощь МВФ¹⁸.

В политическом аспекте Китай активно участвует в различных операциях ООН по поддержанию мира в африканских странах южнее Сахары — больше, чем любой из пяти постоянных членов Совета безопасности ООН.

Настойчивость китайцев в стремлении прочно обосноваться на африканском континенте не всегда встречает радушный прием, более того, нередки проявления откровенной враждебности в связи с растущим внушительным экономическим присутствием Китая в развивающихся регионах. Беспокойство местных властей вызывает тенденция китайских фирм опираться на китайскую рабочую силу, деградация окружающей среды вследствие извлечения природных ресурсов и практика торговли в ущерб местному бизнесу.

Чтобы дезавуировать представление, будто Китай ведет себя как “неоимпериалист”, в Пекине были выработаны такие средства, как улучшение мониторинга деятельности китайских фирм и защита эффективно работающего производства. Например, Китай столкнулся с враждебной реакцией в Южной Африке в результате наводнения рынка изделиями легкой промышленности, приборами и другими товарами китайского производства. В ответ Китай ввел односторонние ограничения на свой экспорт и предложил техническую помощь местным компаниям¹⁹. Хотя ученые не дали специальной оценки результатов такого рода программ, они выражают осторожный оптимизм, что благодаря экономической дипломатии “мягкая сила” Китая находится на подъеме.

Уверения в благих намерениях и ответственности

Вероятно, одной из самых болезненных тем для китайских властей является время от времени открыто проявляемое беспокойство в мире по поводу “китайской угрозы”. Опровержению данного тезиса посвящаются научные монографии, статьи журналистов и политологов, выступления руководителей КНР и другие масс-медийные акции. Между тем экономический и военный рост Китая продолжает многими восприниматься как реальная угроза. Подозрения в стремлении Пекина к “региональному гегемонизму” и ностальгии по восстановлению “имперского порядка” подрывают усилия Китая по формированию международного окружения, благоприятного для долгосрочного развития. Как только страна начинает восприниматься в качестве угрозы, считают китайские политологи, ее безопасность и возможности для развития неизбежно слабеют.

Теоретики внешней политики КНР считают, что тезис о “китайской угрозе” появился в начале 1990-х г.г. в Америке и Японии, затем распространился по всему миру. Позже эта теория несколько ушла в тень по мере возрастания вклада Китая в процветание Азии и за ее пределами. Однако после 2005 г. она снова вышла на передний план, хотя и с меньшим числом последователей. На самом деле, термин “китайская угроза”, как представляется, появился значительно раньше; его рождение, скорее, следует относить к XIX столетию.

Причину существующих опасений в Пекине объясняют непониманием Запада сути социалистической системы, за которым кроется сохраняющийся менталитет “холодной войны”. Поэтому утверждается, будто подъем Китая будет сопровождаться неизбежным насилием. (Вот почему, видимо, истоки возникновения антикитайских опасений относят к временам “холодной войны”, а не ранее).

Особенно в нагнетании недоверия к Китаю преуспели американские ученые, политологи, публицисты. Такие авторы как Николас Кристоф, Билл Гертц, Ричард Бернстайн, Росс Монро и другие в своих работах открыто утверждают, что "в обозримом будущем Китай наверняка станет самой серьезной угрозой для государственной безопасности Америки"²⁰, что "Китай сегодня как угроза для Америки занимает место Советского Союза" и т.д.

Причину усиления антикитайских настроений на Западе в КНР видят в том, что с подъемом национальной мощи Китая, ростом его международного влияния и более тесным взаимодействием с внешним миром, особенно с крупными западными державами, он попытается играть все более значимую роль в региональных и мировых делах в соответствии со своим возросшим статусом. Это способно привести к пересмотру сложившегося международного и экономического порядка, угрожая таким образом интересам западных держав.

Следуя американской логике, в силу самой социальной системы сильный Китай будет представлять угрозу для других стран. Опыт "холодной войны", утверждают в Пекине, убедил западное сообщество, что руководимые коммунистами страны по своей природе агрессивны. Они думают, что все зависит от социальной системы. Следовательно, авторитарный режим в Китае неизбежно пойдет по пути экспансии, так как только "истинно демократические страны" способны обеспечить мир и процветание человечества.

В этой связи начавшиеся в 1978 г. реформы в Китае вызывали определенные надежды у западных идеологов. Надежду на то, что в стране возобладает рыночная экономика в сочетании с политической вестернизацией, произойдет мирный эволюционный переход к капиталистическому обществу. Однако этого не произошло, Китай продолжает идти своим путем, а значит, по-прежнему представляет собой угрозу западным странам.

Надо сказать, что сегодня теория "китайской угрозы" все чаще заменяется теорией "ответственности" Китая за мировой порядок. Об этом подробно говорили китайские политологи, ученые-обществоведы на научном симпозиуме, организованном после Олимпиады в Пекине Академией современных международных отношений. Однако это тема отдельного исследования.

Основным орудием смягчения региональных и глобальных опасений должна стать дипломатия, спокойный и доброжелательный язык убеждений и разъяснений. Ключевая фразеология, используемая для представления намерений Китая, непременно содержит такие прилагательные, как "мирный", "гармоничный" и "ответственный". В последнее время выражение "мирный подъем" было заменено на менее зловещий термин "мирное развитие". Однако дипломатическая риторика — всего лишь внешняя сторона. Развитие "мягкой силы" как противовес теории "китайской угрозы" продолжается в виде ряда конкретных программ на трех уровнях.

На глобальном уровне указывается на необходимость участия в многосторонней дипломатической деятельности, что означает намерение поддерживать нынешнюю систему управления международными делами²¹. В качестве постоянного члена Совета безопасности ООН Китай всегда поддерживает усилия по достижению всеобщего мира и безопасности. Китай присоединился к Международной конвенции по биологическому оружию и к другим международным договорам, используя эти документы как форму убеждения мировой общественности в благих намерениях. Целый ряд конструктивных шагов и заслуживающих доверия обещаний Китая во Всемирной торговой организации за последние пять лет

также должен продемонстрировать мировому сообществу, что КНР привержена идее сохранения статус-кво в международной финансовой системе.

Помимо участия в международных и национальных структурах акцент делается на специальные программы, согласно которым Пекин предстает в образе “ответственной великой державы”. Например, участие Китая в миротворческих операциях ООН — один из возможных способов выступать в роли “активного участника международных отношений”. Способствует улучшению имиджа Китая и его ответственное участие в событиях в африканском регионе южнее Сахары. В дополнение к активному сотрудничеству с Организацией Объединенных Наций и Всемирным банком по соответствующим проблемам Китай призывает к более тесной координации с Соединенными Штатами в таких вопросах, как гуманитарный кризис в Дарфуре и разработка нефтяных и других природных ресурсов.

На региональном уровне большинство китайских аналитиков считают Азию главным объектом в деле подтверждения благих намерений Китая. По аналогии со стремлением к более тесному сотрудничеству со всемирными организациями исследователи указывают на необходимость усилить сотрудничество с региональными организациями, такими, как структура АСЕАН+3, Региональный форум АСЕАН и Шанхайская организация сотрудничества. Лидирующая роль страны в шестисторонних переговорах по Северной Корее также толкуется как средство для поддержания имиджа страны, заинтересованной в мирном устранении угроз международной безопасности.

Предлагаются и другие конкретные шаги в направлении развития позитивных отношений в регионе. Они включают соглашения со странами Юго-Восточной Азии по укреплению системы мирных отношений в Южно-Китайском море, разрешение давних пограничных споров с Россией, Индией, Вьетнамом и другими странами, а также учреждение к 2010 г. зоны свободной торговли Китай — АСЕАН.

Третий уровень, на котором Китай предполагает строить свою деятельность с целью убедить международное сообщество в собственных благих намерениях, находится в самом Китае. “Создание национального имиджа — это не исключительно способ поведения в мире, образ страны в международном сообществе — скорее даже продолжение политики и положения дел внутри страны”²². Дело в том, что, оценивая принятие Китаем международных правил и норм, наблюдатели учитывают не только поведение Китая за рубежом, но основываются в своих суждениях также и на характере взаимоотношений между государством и обществом внутри самого Китая. Имея в виду недавние волнения в Тибете, легко предположить, что внутренние проблемы могут нанести ущерб образу Китая как ответственной державы. Чтобы поправить положение необходимо осуществить в стране программы развития отношений социальной справедливости, включающие меры по достижению более сбалансированного и осозанного роста уровня жизни. Это и станет “внутренней мягкой силой” как частью более масштабной задачи по развитию “гармоничного общества”, поставленной руководством страны на ближайшую перспективу.

1. Кейган Р. О рае и силе: Америка и Европа в мировом порядке. М., 2005.

2. Kroes R. American Empire and Cultural Imperialism: A View from the Receiving End. Diplomatic History (Summer), P. 470-471.

3. *Lundestad G.* The United States and the Western Europe Since 1945: From "Empire" by Invitation to Transatlantic Drift. Oxford, 2003. P. 155.
4. См. материалы дискуссии ученых о различных вариантах определения "мягкой силы": *Liu Qing, Wang Litao.* Junnian guonei ruan lilian lilun yanjiu zongshu // *Guoji luntan.* 2007. No. 3.
5. *Yan Xuetong, Xu Jin.* Zhong-Mei ruan shili bijiao // *Xiandai guoji guanxi.* 2008. No. 1. P. 20.
6. *Zhang Yiping.* Ruan shili de neihan yu waiyan // *Xiandai guoji guanxi.* 2006. No. 11. P. 56—57.
7. Жэньминь жибао. 2009. 26 марта.
8. Жэньминь жибао. 2009. 1 апр.
9. Жэньминь жибао. 2009. 31 марта.
10. *Gao Ying.* China to Host Second Confucius Institute of Foreign Students. В декабре 2007 г. было 210 действующих конфуцианских институтов в 64 странах и регионах. — http://news.xinhuanet.com/english/2007-12/06/content_7212089.htm.
11. Правда. 2009. 2 апр.
12. Как ученые, так и официальные лица, например, постоянно ссылаются на "пять принципов мирного сосуществования", которые впервые были сформулированы Чжоу Эньлаем как составная часть программы завоевания поддержки со стороны государств "третьего мира". Впоследствии такая позиция получила название "дух Бандунга".
13. *Chen Yugang.* Shilun quanqiu hua Beijing xia Zhongguo ruan shili de goujian // *Guoji guan cha.* 2007. № 2. P. 41—42. Автор противопоставляет эти три ценности западному акценту на демократии, свободе и равенстве, хотя полагает, что оба набора ценностей могут быть полезны в долгосрочных стратегиях развития.
14. *Ramo Jo. Cr.* The Beijing Consensus: notes on the new physics of Chinese power. L., 2004.
15. Ibid. P. 24.
16. *Men Honghua.* Zhongguo ruan shili pinggu baogao // *Guoji guan cha.* 2007. No. 2—3. P. 38.
17. *Zheng Yongnian, Zhang, Chi.* Guoji zhengzhi zhong de ruan lilian yiji dui Zhongguo ruan lilian de guan cha // *Shijie jingji yu zhengzhi.* 2007. No. 7. P. 12.
18. *Liu Yumei.* Ruan shili yu Zhong—Fei guanxi de fazhan. *Guoji wenti yanjiu.* 2007. No. 3. P. 17—18.
19. Ibid.
20. *Gertz B.* The China Threat: How the People's Republic Targets America. Washington DC, Regnery, 2000. P. 199.
21. Эта тема достаточно подробно изложена в: *Taylor F.M., Medeiros E.S.* China's New Diplomacy // *Foreign Affairs* 82. 2003. No. 6. P. 25—30.
22. *Men Honghua.* Zhongguo ruan shili pinggu baogao // *Guoji guan cha.* 2007. No. 2—3. P. 20.

Экономика

Некоторые особенности экономического развития КНР за 60 лет (1949-2009 гг.)

© 2009

А. Островский

60-летие социально-экономического развития Китая можно разделить на два равных по времени периода: 1949-1978 гг. — развитие командно-административной плановой экономики; 1978-2008 гг. — экономические реформы. К концу 1970-х гг. стало ясно, что плановая экономика не в состоянии обеспечить решение основных социально-экономических задач, стоящих перед обществом, руководство КНР приступило к преобразованиям, направленным на постепенный переход к рыночной экономике. В результате Китай вышел в настоящее время на одно из ведущих мест в мире по объему ВВП, успешно решая задачу построения общества "малого благоденствия" (сяокан).

Ключевые слова: экономическая реформа, рыночная экономика, теория собственности, инфляция, двухколейная система цен, рыночный спрос, стратегия сравнительных преимуществ.

Социально-экономическое развитие КНР до начала реформ

Уже в первые годы после ее провозглашения в КНР развернулись социально-экономические мероприятия. В июне 1950 г. был принят Закон о земельной реформе, в результате которой было распределено более 46 млн га бывшей помещичьей земли. Для решения основных задач по восстановлению народного хозяйства, разрушенного в ходе антияпонской и гражданских войн, руководство КНР провело в 1949—1952 гг. национализацию основных средств производства путем конфискации всего имущества компрадорской буржуазии (бюрократического капитала), предприятий, которыми владели военные преступники и принадлежавших японскому капиталу. На этой основе сформировался государственный сектор экономики.

В 1952 г. ЦК КПК сформулировал генеральную линию партии в период перехода к социализму, суть которой состояла в одновременной реализации двух взаимосвязанных задач — проведении индустриализации, а также преобразований частной и капиталистической собственности. Был разработан I пятилетний план развития народного хозяйства КНР на 1953—1957 гг., основная задача которого состояла в создании базы для социалистической индустриализации Китая. В сентябре 1954 г. состоялась 1-я сессия ВСНП,

Островский Андрей Владимирович, доктор экономических наук, зам. директора ИДВ РАН. E-mail: ostrovski@ifes.ras.ru.

Данная работа выполнена по гранту РГНФ № 06-02-00645а/в, тема "Сравнительный анализ общих черт и особенностей переходного периода в России, Китае и Вьетнаме (02-160а).

принявшая Конституцию КНР. Важнейшим событием в жизни страны стал VIII съезд КПК (сентябрь 1956 г.), который утвердил генеральную линию строительства социализма. Однако позднее в экономической политике КНР произошли значительные изменения, означавшие переход к мобилизационной экономике. Они создали социально-экономическую основу для отказа от генеральной линии партии, направленной на постепенные социалистические преобразования и перехода к политике "трех красных знамен" (новая генеральная линия партии, "большой скачок" и народные коммун). Новая генеральная линия ("Напрягая все силы, стремясь вперед, строить социализм по принципу: больше, быстрее, лучше, экономнее") была утверждена на 2-й сессии VIII съезда КПК (май 1958 г.). Это означало отмену прежней генеральной линии партии, рассчитанной на сравнительно длительный срок (1952—1967 гг.), и принятие комплекса мер для достижения завышенных темпов построения социалистического общества. Политбюро ЦК КПК в Бэйдайхэ (август 1958 г.) приняло решения о резком увеличении производства стали (до 27-30 млн т в 1959 г. и до 60 млн т в 1960 г.) и о повсеместном создании народных коммун в деревне. Пересмотр генеральной линии партии, решений VIII съезда КПК, попытка осуществления "большого скачка" и создание народных коммун имели тяжелые последствия для китайской экономики. С 1960 г. стало резко сокращаться промышленное производство, значительно снизился сбор урожая, особенно зерновых (до 150 млн т в год при росте населения на 100 млн чел.). В результате начался голод, что повлекло абсолютное снижение численности населения Китая.

В начале 60-х гг. были приняты чрезвычайные меры по ликвидации последствий "скачка". Политика "урегулирования" народного хозяйства проводилась под руководством Чжоу Эньлая, Дэн Сяопина, Лю Шаоци. На 1 сессии ВСНП 3-го созыва (декабрь 1964 г.) премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай объявил о выполнении задачи урегулирования экономики и выдвинул программу развития народного хозяйства, получившую название "программа 4-х модернизаций" (промышленности, сельского хозяйства, обороны, науки и техники).

Однако начавшаяся в мае 1966 г. "культурная революция", продолжавшаяся более 10 лет, нанесла удар по выполнению этой программы. Она нарушила нормальный процесс развития Китая, нанесла большой ущерб его экономике. При сравнительно высоких темпах экономического развития страны (в 1953—1983 гг. среднегодовой прирост совокупного общественного продукта составлял в среднем 8,0%, национального дохода — 6,2% в год, валовой продукции промышленности — 10,1% в год, валовой продукции сельского хозяйства — 4,0% в год), жизненный уровень населения по-прежнему оставался крайне низким. В 1978 г. средний доход крестьян составлял всего 134 юаня (примерно 65 долл.) на 1 человека в год, а рабочих и служащих — 316 юаней (примерно 150 долл.). По-прежнему сохранялась карточная система почти на все основные виды потребительских товаров, начиная от зерна и кончая велосипедами. Верхом достатка считалось наличие в китайской семье так называемых "трех вертящихся и одного звучащего" (часы, велосипед, вентилятор и радиоприемник).

В отличие от времен, предшествовавших образованию КНР, в 1949-1978 гг. происходил (за исключением спада в 1960—1962 гг. из-за провала "большого скачка") динамичный рост производства основных стоимостных и натуральных показателей, однако как абсолютные, так и душевые показатели Китая значительно уступали не только экономически развитым странам мира, включая СССР, но и многим развивающимся странам (см. таблицу 1).

Таблица 1

Основные показатели развития народного хозяйства КНР в 1952-1978 гг.

	1952	1957	1965	1978
Население (млн чел.)	574,8	646,5	725,4	962,6
Совокупный общественный продукт (млрд юаней)	101,5	160,6	269,5	684,6
Валовая продукция промышленности (млрд юаней)	34,9	70,4	140,2	406,7
Валовая продукция сельского хозяйства (млрд юаней)	46,1	53,7	83,3	156,7
Зерновые (млн тонн)	163,9	195,0	194,5	304,8
Хлопок (млн тонн)	1,3	1,64	2,1	2,17
Ткани (млрд м)	3,83	5,05	6,28	11,0
Уголь (млн тонн)	66	131	232	618
Нефть (млн тонн)	0,44	1,46	11,31	104,1
Электроэнергия (млрд квт.-ч)	7,3	19,3	67,6	256,6
Сталь (млн тонн)	1,35	5,35	12,23	31,78
Цемент (млн тонн)	2,86	6,86	16,34	65,24
Металлорежущие станки (тыс.)	13,7	28,0	39,6	183,2
Велосипеды (млн)	0,080	0,806	1,838	8,540

Источник: *Чжунго тунци няньцзянь — 1981 (Китайский статистический ежегодник — 1981), Пекин, 1982. Сс.5-11.*

К концу 70-х гг. стало ясно, что продолжение прежней экономической политики, основанной на плановой экономике, государственной собственности, сохранении системы народных коммун в деревне и не имеющих собственных расчетных счетов крупных государственных предприятий в качестве придатков к министерствам и ведомствам, уравнительном распределении и самоизоляции от внешнего мира, выразившейся в небольшом объеме внешней торговли, не может обеспечить Китаю решения стоящих перед ним задач. В этих условиях руководство КНР решительно пошло на проведение комплексной хозяйственной реформы, которая состоит в переходе от плановой к рыночной экономике при сохранении основных преимуществ прежней системы. Важной чертой экономической реформы стало использование производственного потенциала, заложенного в 50—70-е гг.: крупных предприятий тяжелой и военной промышленности, топливно-энергетического комплекса, транспорта — т.е. костяка госсектора, обеспечивающего жизнедеятельность экономики Китая в годы экономических реформ.

В результате произошедших в стране политических перемен Дэн Сяопину удалось вернуться на руководящие посты в партии и правительстве и в своей практической деятельности реализовать выдвинутый им тезис об ориентации на экономику как единственно верный путь выхода из кризиса и возрождения страны. Основные положения программы Дэн Сяопина были изложены в решении 3-го пленума ЦК КПК 11 созыва в декабре 1978 г.

Экономическая реформа в Китае

Комплексная программа развития КНР, стратегии реформы была рассмотрена и принята на XII съезде КПК (сентябрь 1982 г.). В ходе съезда было решено строить социализм с китайской спецификой. Главным принципиальным моментом в теории экономической перестройки явилась новая постановка целей эконо-

мической реформы в условиях социализма. Китай не пошел по пути радикального изменения экономической и политической системы, ограничившись поэтапным переходом от плановой к рыночной экономике. За два десятилетия последовательно вступали в силу три основных экономических лозунга, соответствующие трем основным этапам реформы.

На первом этапе (декабрь 1978 г. — сентябрь 1984 г.) действовала формула “плановая экономика — основа, рыночное регулирование — дополнение”. Основное внимание уделялось деревне, в городе проводились эксперименты по расширению хозяйственной самостоятельности предприятий, создавались специальные экономические зоны (СЭЗ). Для второго этапа (октябрь 1984 г. — декабрь 1991 г.) использовался лозунг “плановая товарная экономика”. Центр тяжести реформы переместился в город, госпредприятия стали ее основным звеном, акцент делался на реформу цен. При этом экономическая реформа стала постепенно распространяться на социальную сферу, на развитие науки, техники и образования. Третий этап, длившийся с 1992 по 2003 гг., проходил под лозунгом “социалистической рыночной экономики”. На этом этапе формировалась новая экономическая система с доминантой дальнейшего расширения и развития рынка, создания новой системы управления предприятиями, формирования новой системы макрорегулирования и контроля со стороны государства. С 2003 г. начался четвертый этап реформы, определенный на 3-м Пленуме ЦК КПК 16 созыва (октябрь 2003 г.) как “этап совершенствования социалистической рыночной экономики”. Ему сопутствовала задача “совершенствования институциональных механизмов рыночной экономики, что включало в себя выявление ведущей роли рынка в сфере распределения ресурсов, усиление живучести и конкурентоспособности предприятий, оздоровление государственного макрорегулирования, совершенствование административного управления и функций общественных организаций (общественного сервиса) в интересах всестороннего построения общества “малого благоденствия”, создание эффективной системы социального обеспечения”¹. По мнению Ли Теина (президент АОН Китая до 2003 г.), “главным принципиальным моментом в теории реформы экономической системы в Китае явилась новая постановка целей экономической реформы в условиях социализма”².

Первые два этапа представляли собой подготовку для реализации концепции экономической реформы в Китае. Лишь в ходе третьего этапа происходит переход к рыночной экономике, построенный на основе всемерного развития предприятий различных форм собственности и постепенного допуска предпринимателей к участию в принятии государственных решений. В ходе реформы управления предприятиями все большее число рабочих и служащих становятся акционерами, на многие предприятия — и акционерные, и с участием иностранного капитала — административно-управленческий персонал набирается по конкурсу, а не по назначению вышестоящих ведомств. Происходит формирование новой экономической системы, где главное звено — расширение и развитие рынка, создание новой системы управления предприятиями, формирование системы макрорегулирования и контроля.

Столь впечатляющие результаты были достигнуты Китаем в результате осмысленной проработки теоретических вопросов экономической реформы. Таким образом, мы видим, что в Китае отказались от бездумного использования монетаристских методов перехода к рыночной экономике, была выработана собственная теория “социалистической рыночной экономики” — т.е. теория перехода от командно-административной, сверхцентрализованной экономики к рыночной,

в которой “была не только переосмыслена традиционная теория плановой экономики, но и качественно развиты теоретические положения традиционной рыночной экономики”³. Общий подход руководства КНР к проведению реформы, обеспечивающий постепенный переход к рынку без “шоковой терапии”, при последовательном повышении уровня жизни населения представляется разумным.

В Китае, используя стратегию сравнительных преимуществ, стали развивать трудоемкие отрасли производства — сельское хозяйство, легкую промышленность, торговлю, услуги, что позволило уже на первом этапе обеспечить прирост дефицитных ресурсов за счет выхода ряда отраслей на грань производственных возможностей. Перераспределение доходов шло через двухколейную систему цен, распределение ресурсов и через государственный бюджет. Передача прав предприятиям и разрешение им распоряжаться прибылью на микроуровне стимулировали создание новых ресурсов и их размещение. Это обусловило высокий экономический рост и упорядочение отраслевой структуры с помощью государственной политики налоговых и кредитных льгот для убыточных или малорентабельных, а также для техноемких отраслей с высоким порогом инвестиций — таких, как электроника, угледобыча, машиностроение, приборостроение.

Хотя нарастание экономической мощи Китая и повышение его роли в мировой экономике происходят неуклонно, однако по объему ВВП на душу населения он занимает лишь 140-е место из 260 стран и районов мира, более чем 30-кратно уступая уровню развитых стран. Такая же тенденция налицо по натуральным объемам производства основных видов промышленной и сельскохозяйственной продукции. Хотя по многим валовым показателям экономика КНР вышла на первые места в мире (по хлопку, фруктам, мясу, рыбе, яйцам, зерновым, масличным — на 1-м, по шерсти, чайному листу — на 2-м, сое и бобовым — на 4-м, по углю, цементу, химическим удобрениям, стали и прокату — на 1-м, по электроэнергии и хлопчатобумажным тканям — на 2-м) и т.д., однако по производству продукции на душу населения она по-прежнему отстает от развитых стран мира, а по производству молочных продуктов — и от развивающихся стран.

За 60 лет экономическая мощь Китая резко возросла, причем по большей части не за счет развития так называемой “третьей сферы” (транспорт, сфера услуг, финансы, торговля недвижимостью), а за счет “второй сферы” (промышленность и капитальное строительство). Общее число промышленных предприятий за 50 лет выросло почти десятикратно, стоимость их основных производственных фондов — в 462 раза, стоимость валовой промышленной продукции — более чем стократно. Динамику показывает таблица 2.

Ныне один из основных приоритетов Китая — построение общества “малого благоденствия”. Это подразумевает значительное повышение жизненного уровня во всех без исключения регионах страны, что означало бы переход КНР от статуса развивающейся страны к статусу экономически развитой. Для достижения этих целей по планам китайского руководства предусматривается с 2000 по 2020 год увеличить объем ВВП вчетверо. В случае выполнения этих задач Китай обгонит по совокупной экономической мощи другие страны мира, вплотную достигнув США.

В Китае признается наличие ряда проблем, с которыми он столкнулся при переходе от плановой к рыночной экономике, включая противоречие между растущими потребностями народа и отсталым общественным производством, межрегиональные различия, значительная доля бедных, старение населения, проблемы трудоустройства и социального обеспечения.

Таблица 2.

Производственные мощности и объем промышленного и сельскохозяйственно-го производства основных видов продукции КНР в 1952-2008 гг.

	1952	1957	1965	1978	1984	1992	2002	2008
Общее число промышленных пред-пр. (тыс.)	...	169,5	157,7	348,4	437,2	1758,1	1363,1	1849,2*
Число занятых в промышленности (млн чел.)	12,460	14,01	18,23	50,09	63,38	102,2	91,56	
Валовая продукция промышл. (млрд юаней)	34,3	70,4	140,2	160,7	278,9	1028,4	4743,1	12911,2
Валовая продукция сельс. хозяйства (млрд юаней)	48,4	53,7	59,0	102,7	231,6	586,7	1653,7	3400,0
Производство основных видов промышл. продукции								
ткани (млрд м)	3,83	5,05	6,28	11,03	13,7	19,07	32,24	71,0
электроэнергия (млрд квт. ч.)	7,3	19,3	67,6	256,6	377,0	753,9	1654,0	3466,9
уголь (млн т)	66,0	131,0	232,0	618,0	789,0	1116	1455	2793
нефть (млн т)	0,4	1,46	11,31	104,05	114,61	142,1	167,0	189,7
сталь (млн т)	1,35	5,35	12,23	31,78	43,47	80,94	182,37	500,92
цемент (млн т)	2,88	6,86	16,34	65,24	123,02	308,2	725,0	1400,0
зерно (млн т)	163,9	195,0	194,5	304,7	407,3	442,6	457,0	528,7
масличные (млн т)	4,19	4,19	3,62	5,21	11,9	16,4	28,97	29,53
хлопок (млн т)	1,3	1,64	2,09	2,16	6,26	4,5	4,91	7,49

* данные на 2007 год

Источники: *Китайский статистический ежегодник (Чжунго тунци няньцзянь — 1981). С. 221-224; 143-144; Китайский статистический справочник (Чжунго тунци чжайяо — 1986). С. 4, 12; Китайский статистический ежегодник (Чжунго тунци няньцзянь — 1987). С. 221, 33, 115, 22-26; Чжунго тунци няньцзянь — 1997. С. 26, 27, 39, 412; Чжунго тунци няньцзянь — 2001. С. 24-25, 114; Statistical Yearbook of China — 1985. P. 13, 19, 306, 213, 305; China Statistical Yearbook — 1988. P. 15, 16, 124, 269, 23, 34; Китайский статистический ежегодник (Чжунго тунци няньцзянь — 2006). С. 57, 561-562, 516, Китайский статистический справочник (Чжунго тунци чжайяо — 2006). С. 10, 140-141; Китайский статистический ежегодник (Чжунго тунци няньцзянь — 2007). С. 501, 57, 478-479, 592-593; Китайский статистический справочник (Чжунго тунци чжайяо — 2008). С. 6, 19, 135-136.*

Материалы XVI и XVII съездов КПК показывают, что дальнейшие пути социально-экономического развития в Китае по-прежнему — не в ускоренной приватизации госпредприятий и тотальной либерализации цен, но в расширении внутреннего спроса, в активной финансовой и умеренной монетаристской политике. Анализ итогов 9-й и задач 10-й пятилеток на страницах газеты "Чжунго

шичан цзинци бао” за март-апрель 2001 г. свидетельствует о реалистичности намеченной китайским руководством программы социально-экономического развития⁴. Китай стал одной из немногих стран в Восточной Азии, сравнительно безболезненно преодолевшей последствия азиатского финансового кризиса и решившей кризис внутреннего спроса. Смог успешно противостоять негативному влиянию мировых кризисных явлений, недопустив девальвации своей национальной валюты.

В последние годы при выработке экономической политики КНР основное внимание уделяется росту совокупного спроса как основному фактору формирования тенденций социально-экономического развития. В 2008 г. прирост ВВП составил 9,0% при общей сумме более 30 трлн юаней, объем внешней торговли достиг 2,562 трлн долл., прямые иностранные инвестиции составили 92,4 млрд долл., золотовалютные запасы — 1,946 трлн долл.⁵. Более того, как показали итоги социально-экономического развития в 1-й половине 2009 г., в условиях мирового финансового кризиса Китай обеспечил прирост ВВП на 7,1%, а по итогам 2009 года он, скорее всего, не только выйдет на намеченный 8-процентный показатель, но и сможет достичь прироста ВВП 9-9,5%.

Среднегодовые темпы прироста ВВП в сопоставимых ценах за время реформ (с 1979 по 2008 гг.) составили 9,8%, что значительно выше, чем в мировой экономике (3,8%). При этом успешное осуществление полета пилотируемого космического корабля “Шэньчжоу — 6” означало выход Китая на мировой уровень в весьма важной области науки и техники.

Одним из главных факторов, обеспечивающих Китаю высокие показатели экономического роста в начале XXI века, является рыночный спрос, создающий важные экономические стимулы для производства. Экспертами из ГСУ КНР выделено 7 основных факторов, способствующих экономическому росту в стране:

- рост рыночного спроса на селе в результате снижения платы за электричество;
- рост потребления услуг населением в сфере образования, культуры и здравоохранения;
- приобретение личных автомобилей;
- выпуск облигаций государственного займа для развития капитального строительства в инфраструктуре;
- увеличение расходов горожан на покупку жилья;
- рост инвестиционного спроса предприятий;
- расширение внешнего рынка благодаря вступлению КНР в ВТО⁶.

Таким образом, за 20 с лишним лет Китай прошел путь от социалистической плановой к социалистической рыночной экономике. В Китае поняли, что главным в социализме является не плановый характер экономики, а постоянное развитие производительных сил, которое обеспечивает неуклонный рост жизненного уровня для всего населения страны — следовательно, необходимо стремиться к оптимальному сочетанию плановых и рыночных форм хозяйствования. Как говорил Дэн Сяопин во время “урегулирования” экономики после провала “большого скачка”, обосновывая необходимость временного отхода от централизованного управления и предоставления большей хозяйственной самостоятельности отдельным предприятиям, “не важно, какая кошка — черная или белая, лишь бы она ловила мышей”. В данном случае, новая теоретическая постановка целей экономической реформы давала новые приоритеты в экономическом строительстве, определяемые не темпами социально-экономических преобразований и достижениями высоких плановых показателей, а была

направлена на формирование качественных изменений в экономике, связанных с проявлением роли рыночного механизма при распределении ресурсов и совершенствованием форм и методов государственного регулирования в условиях рынка для повышения экономической эффективности производства.

КНР оказалась одной из тех стран, где были учтены все эти проблемы и закономерности при проведении реформы. Как отмечено выше, в Китае до сих пор не проведена приватизация. Либерализация цен сдерживалась в результате использования трех видов цен — директивных (на продукцию госпредприятий, в первую очередь на сырье, на электроэнергию и транспортные услуги, на зерновые), индикативных (отклоняющихся от директивных цен вверх и вниз на 20% под воздействием спроса и предложения на рынке) и свободных рыночных цен. Как в городе, так и в деревне повсеместно развивались малые и средние предприятия. В начале 1980-х гг. была введена в обращение “промежуточная” валюты — переводной юань (наподобие золотого червонца 1920-х гг. в России) для расчетов по внешней торговле для китайских юридических лиц и иностранцев. С 1993 г. в КНР появился “двойной” госбюджет — государственный бюджет и бюджет капитального строительства, формирующийся за счет строительного налога и т.д. Таким образом, китайская практика показывает, что при переходе к рынку по китайскому образцу вполне можно избежать большей части его негативных последствий при достижении стабильных темпов роста.

Важным фактором китайской реформы стал переход к стратегии сравнительных преимуществ, позволяющей раскрыть имеющиеся у Китая сравнительные преимущества по ресурсам — занять избыточную рабочую силу в трудоемких отраслях.

Одним из важных направлений разработки реформы экономической системы явилась теория реформы собственности. Была полностью пересмотрена концепция, предполагавшая существование только одной, общественной формы собственности в ее двух видах — государственной (общенародной) и кооперативной (коллективной). Все прочие формы собственности — частная, индивидуальная, государственно-частная, смешанная практически полностью отвергались. В отличие от этого, по теории китайских реформаторов, при социализме может существовать многообразие форм собственности при доминанте общественной собственности. При этом были разделены понятия “общественная собственность” и “формы реализации общественной собственности”, что облегчило проведение реформы госпредприятий, связанной с внедрением акционерной системы управления и созданием системы корпораций.

Важнейшим фактором реформы в Китае стало постепенное создание многоукладной экономики и конкуренции на товарном рынке. На первом этапе, в ходе внедрения семейного подряда были созданы источники накопления в деревне, произошло развитие негосударственного сектора экономики в городах. Это позволило к середине 1980-х гг. заложить основы для создания многоукладной экономики и формирования рынка средств производства, а также связанного с ним рынка недвижимости и ценных бумаг. В КНР этот рынок формировался не за счет приватизации и ваучеризации, а на базе развития негосударственных секторов экономики, и сложился он лишь к концу 80-х гг. Еще позднее, в 90-е годы в КНР стало проводиться акционирование государственных предприятий как одна из форм реализации собственности. При этом контрольный пакет создаваемого акционерного общества, как правило, оставался в руках государства. Процесс акционирования проходил на основе формировавшегося в течение многих лет экономического законодательства при жестком контроле со стороны государства.

Одной из основных задач реформы стало формирование рыночной инфраструктуры в условиях плановой экономики. Для решения ее руководство КНР обратило особое внимание на три основных составляющих рыночной инфраструктуры — инвестиционный спрос, внутренний рынок и систему ценообразования. В Китае в ходе рыночных преобразований было признано, что товаром являются не только средства производства, но и факторы производства. Реформа системы ценообразования — это главное при формировании рыночного механизма, где существуют рынок капитала, рынок информации и рынок рабочей силы. Иными словами, в Китае признали наличие не только рынка средств производства и предметов потребления, но и рынка факторов производства (т.е. рынка капитала, рабочей силы, техники и технологии, информации и др.).

Притом, для развития всех перечисленных видов рынка основным инструментом был избран контроль над ценообразованием. На первых этапах реформы в 1980-1990-х гг. был взят курс на государственный контроль над ценами и сохранение директивных цен на основные виды сырья и материалов при установлении так называемой “двухколейной” системы цен. Благодаря ее применению удалось снизить инфляцию издержек и не допустить ее выхода из-под контроля.

Комплекс мер по контролю за формированием рыночной экономики при переходе от экономики плановой дал свои конкретные результаты за 30 лет реформы, выразившиеся в высоких темпах роста ВВП, в снижении доли расходов госбюджета в его объемах, в значительном увеличении инвестиций в основные производственные фонды при постоянном росте их доли в объеме ВВП и, наконец, в росте потребительских доходов населения при низкой инфляции. Эти процессы в экономике КНР шли наряду с быстрым ростом денежной массы $M2$ в обращении, куда включается не только сумма наличной денежной массы в обращении ($M0$) плюс сумма текущих счетов на балансе ($M1$), но и срочные вклады, вклады в сберкассах и прочие депозиты. Благодаря госконтролю за денежным обращением и процессами ценообразования темпы инфляции в Китае были весьма низкими по сравнению с другими странами с переходной экономикой (в Восточной Европе и особенно в России). В КНР не побоялись заметно увеличить объем денежной массы в обращении. В частности, в 1994 г. доля денежной массы $M2$ в ВВП составляла 97,3% при индексе потребительских цен 124,1 в то время как в 2008 г. доля денежной массы в обращении $M2$ увеличилась до 163,2 при индексе потребительских цен всего 101,8 (см. табл. 3).

В целом, руководству КНР удавалось на протяжении двух десятилетий реформы сдерживать инфляцию за исключением лишь двух периодов — 1988-1989 гг. и 1992-1994 гг. Первый период относительно невысокой (по сравнению со странами Восточной Европы и Россией) инфляции был, скорее, обусловлен политическими событиями и борьбой внутри китайского руководства по вопросам перехода к рыночным ценам (сразу отпустить цены или постепенно). Однако, и незначительная инфляция (по меркам других стран переходной экономики) вызвала политические события на площади Тяньаньмэнь в Пекине, которые пришлось разрешать военными методами. Что же касается всплеска инфляции в 1992-1994 гг., то он был в большей степени связан с быстрым ростом инвестиций в основные производственные фонды, обеспеченных соответствующей продукцией. Тем не менее, китайским реформаторам удалось с помощью экономических мер стабилизировать ситуацию. Была проведена налоговая реформа, создана система “двойного бюджета” — регулярного госбюджета и инвестиционного бюджета на новое строительство, осуществилась перестройка в области труда и зарплаты

(в результате которой пришлось сократить избыточный персонал предприятий общественных форм собственности — государственных и коллективных). Все это способствовало переливу рабочей силы из одних отраслей в другие, темпы роста заработной платы пришли в соответствие с ростом производительности труда, в стране появилось большое количество предприятий необщественных форм собственности, которые стали составлять конкуренцию предприятиям общественной собственности.

Таблица 3

**Динамика ВВП, прироста денежной массы
и объема инвестиций в КНР (1978-2008 гг.)**

	1978	1985	1990	1994	1997	2000	2002	2008
ВВП (млрд ю)	346,5	901,6	1866,8	4819,8	7897,3	9921,5	12033,3	30067,0
Денежная масса (M2) (млрд ю)	1529,3	4692,4	9099,5	13461,0	18500,7	47516,6
Доля M2 в ВВП (%)			81,9	97,3	115,2	135,7	153,7	157,8
Наличная денежная масса в обращении (M0) (млрд ю)	264,4	728,9	1017,8	1465,3	1727,8	3421,9
Доля M0 в ВВП (%)			14,2	15,1	12,9	14,8	14,4	11,3
Расходы госбюджета (млрд ю)	112,2	200,4	308,4	579,2	923,4	1588,6	2205,3	6242,7
Доля расходов госбюджета в ВВП (%)	32,4	22,2	16,5	12,0	11,7	16,0	18,3	28,0
Объем инвестиций в основные производственные фонды (млрд ю)		254,3	451,7	1704,2	2494,1	3291,8	4350,0	17229
Доля инвестиций в ВВП (%)		28,2	24,2	35,4	31,6	33,2	36,2	57,3

Составлено по: Чжунго тунци няньзянь — 2006. С. 57, 772, 281, 188; Чжунго тунци чжайяо — 2008. С. 10, 53, 68, 80.

В целом в ходе перехода к рыночной экономике в КНР удалось удерживать инфляцию под контролем, несмотря на быстрый рост доли денежной массы в обращении (M2) по отношению к ВВП. Как показывает таблица 3, руководству КНР удалось обеспечить в ходе реформы стабильность многих других экономических показателей, благодаря которым в стране сохранялись низкие темпы инфляции, временами переходящие даже в дефляцию (например, в 1998-2002 гг.).

За годы реформ в Китае удалось обеспечить три важных показателя, сдерживающих рост инфляции в стране — долю наличной денежной массы в обращении (M0) к ВВП на уровне 13-15%, долю расходов госбюджета в ВВП на уровне 17-19% и увеличение доли инвестиций в основные производственные фонды с 24,2% ВВП в 1990 г. до 57,3% в 2008 г. Кроме того, в Китае сохраняется нормальное соотношение между процентами на депозит и банковским процентом за кредит. В 1998 г. по текущим депозитам процент составлял 1,71% в год, на пять

лет — 6,66% в год, банковский процент по краткосрочному кредиту составлял 7-8%, а долгосрочному — 9-10,5%. В 2008 г. как проценты на депозит, так и банковский процент по кредиту заметно снизились, и по текущим депозитам к концу года процент составлял лишь 0,36% в год, на пять лет — 3,60% в год, тогда как банковский процент по краткосрочному кредиту составил — 4,86-5,31%, а по долгосрочному — 5,40-5,94%⁷. В этих условиях избыточная денежная масса пошла не на потребительский рынок, а либо на банковские депозиты, либо на рынок инвестиционных товаров, что позволило снизить банковскую учетную ставку в среднем до 6% годовых, сдержать инфляцию и обеспечить дополнительный прирост производственных мощностей. Все эти меры, в конечном счете, способствовали быстрому росту промышленной продукции и увеличению экспортного потенциала страны.

Главной целью китайской экономической реформы была отнюдь не либерализация экономики, но повышение жизненного уровня постоянно растущего населения страны на базе всестороннего развития производства. Действительно, государство при этом освобождало себя от постоянного контроля за деятельностью экономических агентов, но делалось это постепенно, по этапам, в течение многих лет, при том государство по-прежнему сохраняло контроль за основными отраслями экономики (такими, как топливно-энергетические отрасли, транспорт, банковское дело) с помощью различных экономических рычагов, обеспечивая таким образом на первых этапах реформы за счет фиксированных цен на продукцию этих отраслей возможности для создания предприятий различных форм собственности и рыночной конкуренции между ними. Лишь после того, как была сформирована конкурентная среда в той или иной отрасли экономики, государство начинало освобождать цены на основные средства производства.

В начале XXI века Китай по-прежнему продолжает развивать экономическую реформу. В результате последовательного выполнения ее задач, к 2050 году здесь должны быть достигнуты стратегические цели социально-экономического развития: всесторонняя социалистическая модернизация, необходимая для достижения зрелости социально-экономического развития; значительное повышение статуса страны на международной арене и выход на первое место в мире по совокупной государственной мощи; выход в ряды стран со средним уровнем объема ВВП на душу населения; создание зажиточной, счастливой жизни для народа; превращение страны в мощное государство с высоким уровнем материальной, правовой и духовной цивилизации.

1. См.: Чжунгун Чжунгъян гуаньюй ваньшань шэжуэйчжуи шичан цзинци тичжи жогань вэньти до цзюэдин [Решение ЦК КПК о некоторых вопросах совершенствования системы социалистической рыночной экономики]. Пекин, 2003. С. 12-14.
2. См.: Цюши, 1999. № 6, с.20.
3. Там же. С. 19.
4. Подробнее см.: Китай: фундамент успехов XXI века. М., ИДВ РАН, 2002.
5. См.: Чжунго тунци чжайяо — 2008 [Китайский статистический справочник — 2008]. Пекин, 2009. С. 18,22,171,179,86.
6. Подробнее см.: Цзинци жибао, 14.01.2002.
7. См.: Чжунго тунци чжайяо — 2008. С. 85.

Четверть века торгово-экономического сотрудничества РФ и КНР (на примере провинции Хэйлунцзян)

© 2009

М. Александрова

Провинция Хэйлунцзян, граничащая с российским Дальним Востоком и Сибирью, является ключевым контрагентом в российско-китайской торговле. Именно торгово-экономическое взаимодействие с Хэйлунцзяном породило в нашей трансграничной торговле "серые таможенные схемы" и другие нецивилизованные формы и методы сотрудничества. Предпосылкам и зарождению, а также развитию этого процесса посвящена статья.

Ключевые слова: бартерная, челночная, приграничная мелкооптовая торговля, контрафакт, торговый дефицит, структурная перестройка экономики, защита внутреннего рынка РФ.

Используя свое уникальное географическое положение, провинция Хэйлунцзян уже 25 лет развивает с сопредельными районами России приграничное и межрегиональное торгово-экономическое сотрудничество. Когда в КНР начали проводить реформы, эта провинция приступила к организации внешней торговли, что стало одним из стимулов развития ее национальной экономики и социальной сферы, хотя в начальный период преобразований эта сфера еще расценивалась тамошним руководством не более как дополнительное приложение к расширенному социалистическому воспроизводству.

В рамках проводимых реформ в КНР была предпринята в экспериментальном порядке серия мер по расширению внешнеторговых прав провинций и низовых организаций. В их числе:

- предоставление соответствующих прав местным органам в поиске внешнеторговых партнеров, расширение инфраструктуры внешней торговли;
- преобразование единой системы планирования в направлении сочетания директивного, направляющего и рыночного регулирования при значительной децентрализации управления;
- создание и совершенствование механизма управления внешней торговлей, введение новых правил лицензирования импорта и экспорта, совершенствование управления экспортом;
- принятие курса поощрения экспорта, включая создание свободных экономических зон.

Общая либерализация внешней торговли благоприятно сказалась на внешнеторговых связях провинции Хэйлуцзяна, которая 1 января 1981 г., когда была ликвидирована государственная монополия на внешнюю торговлю, получила право самостоятельно осуществлять операции на внешнем рынке. Результатом чего явилось повышение удельного веса провинции Хэйлуцзян в общем объеме экспорта КНР с 0,54% в 1980 г. до 2,3% в 1987 г., она переместилась с 16-го места на 12-е¹.

Немаловажную роль в оживлении экономики — особенно внешнеторговой сферы провинции — сыграла нормализация советско-китайских отношений. В 1980-х гг. в Китае большое внимание стали уделять вопросам развития приграничной торговли, и именно регионы российского Дальнего Востока и Сибири стали ведущими контрагентами провинции.

Стоит отметить основные периоды в становлении этих связей.

1982—1987 гг. — этап восстановления торгово-экономических отношений. В 1982 г. министерства обеих стран обменялись нотами о предоставлении внешнеторговым организациям СССР (Дальний Восток и Сибирь) и КНР (провинция Хэйлуцзян и Внутренняя Монголия), прав подписания международных торговых соглашений. Процесс нормализации затронул прежде всего приграничные территории СССР и КНР, т.е. была восстановлена нарушенная в 1966 г. приграничная торговля провинции Хэйлуцзян с Дальним Востоком СССР. Основной формой торговли на этом этапе был бартер. В 1983 г. возобновилась приграничная торговля между провинцией Хэйлуцзян, Автономным районом Внутренняя Монголия (АРВМ) с одной стороны и Хабаровским, Приморским краями, Амурской и Читинской областями — с другой. Позднее к режиму приграничной торговли присоединились и другие области СССР и провинции КНР. Ответственными организациями были назначены: Всесоюзная дальневосточная торговая компания (Дальинторг) с советской стороны, Хэйлуцзянская провинциальная торговая компания и торговая компания АРВМ — с китайской. При этом наименование товаров, структура поставок, способы транспортировки и порты для поставок устанавливались на правительственном уровне². С 1984 г. напряженность в отношениях между КНР и СССР стала ослабевать, вследствие этого начали восстанавливаться и общественные связи. В эти годы группой российских и китайских специалистов и предпринимателей был проведен семинар, посвященный торгово-экономическому сотрудничеству СССР и КНР. С 1983 по 1987 гг. товарооборот Хэйлуцзяна с СССР составил 620 млн долл. Приграничная торговля способствовала не только росту валютных поступлений, но и удовлетворению спроса в продуктах питания и дефицитных товарах народного потребления в восточных регионах СССР, позволяла сократить дорогостоящий завоз из европейской части страны. Развитие двусторонних торгово-экономических связей стало значительным фактором нормализации отношений³.

Параллельно стала обновляться правовая база КНР по приграничному сотрудничеству. В 1982 г. вышло постановление Госсовета КНР о возобновлении приграничной торговли с дальневосточным районом СССР, что стало важным преимуществом для приграничных провинций⁴.

В конце 1984 г. Госсовет КНР утвердил “Временные положения о мерах регулирования приграничной торговли в малых объемах” (так называемые “пять проявлений самостоятельности” — самим изыскивать ресурсы, самим искать пути сбыта, самим вести переговоры, самим поддерживать сбалансированность торговли, самим отвечать за прибыли и убытки)⁵. Это означало, что власти КНР,

не отказываясь от управления приграничной торговлей и от жесткого контроля за действиями субъектов торговли, решили использовать инициативу и энергию народных масс для решения таких общегосударственных задач, как обеспечение занятости и повышение благосостояния населения, снятие социального напряжения, освоение ресурсов соседних стран в целях развития своей экономики.

В 1987 г. вступают в силу нормативные акты, регулирующие порядок взаиморасчетов в приграничной торговле, создание зон приграничного технико-экономического сотрудничества, торговую деятельность приграничных рынков, организацию грузопотоков через пограничные пункты пропуска, режим пребывания отдельных лиц в пограничных зонах⁶.

1988-1993 гг. — этап стремительного развития. За этот период товарооборот провинции с регионами бывшего СССР увеличился с 330 млн долл. до 1.89 млрд долл., т.е. в 5,7 раза, со среднегодовым приростом в 41,8%. В 1989 г. были открыты 3 основных грузовых погранперехода провинции — Суйфэньхэ, Хэйхэ и Тунцзян. Госсовет КНР утвердил открытие пограничных городов Хэйлунцзяна для ведения приграничной торговли через погранпереходы, находящиеся в городах Мишань, Хулинь, Жаохэ, Мохэ, Цзяинь, Лобэй.

В 1988 г. провинциальное правительство одобрило новый стратегический курс правительства — “связь с Югом и открытость Северу”. Используя благоприятные условия в ходе разработки 8-го пятилетнего плана и программы социально-экономического развития на 1990-е гг., руководство провинции решило использовать приграничную торговлю как одно из важных направлений развития ее экономики. В апреле 1988 г. Госсоветом КНР был принят документ “О развитии приграничной торговли и технико-экономического сотрудничества с СССР”, согласно которому провинция получила ряд важных привилегий (определены 24 конкретные преференции), давалось право самостоятельной организации приграничных компаний, учреждалось 188 компаний для торговли с СССР⁷.

В том же году для проведения в жизнь этого документа возникло Управление приграничной торговли и экономического сотрудничества провинции Хэйлунцзян, целью которого стали:

- совершенствование управления процессами трансграничной торговли с СССР;
- контроль за работой 188 компаний приграничной торговли;
- стандартизация правил торговой деятельности.

Новообразованное провинциальное ведомство огласило 5 временных постановлений, регламентирующих выполнение подрядных работ за рубежом, предоставление трудовых услуг, деятельность совместных предприятий, производственное и техническое сотрудничество.

В 1988 г. хэйлунцзянское правительство приняло также 14 решений, расширявших сферу открытости районов вдоль границы путем предоставления им преференций в рамках провинциальных полномочий.

Одновременно по другую сторону границы, в бывшем Советском Союзе, проходили необратимые политические и экономические процессы. Распад СССР повлек разрыв традиционных хозяйственных связей, что поставило Дальний Восток с его сырьевой экономикой в тяжелое положение, практически не оставив региону ничего иного, кроме развития внешнеэкономической деятельности с соседними государствами Северо-Восточной Азии. При этом в условиях острого дефицита продовольствия и промышленных товаров, при значительно снизившей-

ся покупательной способности населения, резко возрос импорт дешевой, зачастую некачественной продукции и в т.ч. из КНР.

За десятилетие, минувшее со времени возобновления приграничной торговли провинции Хэйлуцзян с Дальним Востоком, ею было полностью осуществлено "открытие границ", стимулировавшее разнообразные формы внешнеэкономической деятельности.

В начале 1990-х гг. эта провинция лидировала среди соответствующих административных единиц КНР в торговых отношениях с Россией. В 1992 г. Госсовет КНР утвердил специальный преференциальный режим в пограничных городах Хэйхэ, Суйфэньхэ (оба в провинции Хэйлуцзян), Хуньчунь (Цзилинь), Маньчжоули (Автономный район Внутренняя Монголия). Он предусматривал налоговые льготы (ставка подоходного налога для СП в производственной сфере была снижена с 33 до 24%, они освобождались от уплаты налога в течение первых трех лет прибыльной деятельности, а в последующие 4 года ставка была уменьшена на 50%), льготы в таможенном обложении (импортная пошлина и единый торгово-промышленный налог с сырья и оборудования, ввозимого в качестве инвестируемого капитала, уменьшались наполовину и т.д.⁸).

В условиях нехватки свободно конвертируемой валюты торговля и многие виды технико-экономического сотрудничества (строительные подряды, трудовые услуги, строительство СП) осуществлялись преимущественно в бартерной форме. Цены согласовывались путем переговоров на базе принципов, заложенных в межгосударственных торговых протоколах. За основу расчетов брался швейцарский франк. Такая торговля сопровождалась занижением стоимости экспорта российских компаний, что позволяло уменьшать таможенные выплаты и сравнительно быстро оборачивать вложенные средства путем оперативной реализации полученных в обмен китайских продовольственных и потребительских товаров на дефицитном российском рынке. Для китайских предпринимателей такие сделки были крайне удобны благодаря простоте оформления документов, минимуму финансовых гарантий. К тому же бартер был им выгоден из-за низкой степени контроля со стороны внешнеторговых ведомств. Ажиотажная ситуация в приграничной торговле в начале 1990-х гг. способствовала стремительному росту числа компаний, ведущих приграничную торговлю. В Хэйлуцзяне количество таких компаний за несколько лет возросло до 8 тыс.

Со второй половины 1993 г. проявилась тенденция к снижению приграничного товарооборота, что было вызвано ужесточением со стороны России правил бартерной и челночной торговли, повышением ею таможенных тарифов на импорт продовольствия, введением визового режима взаимного посещения.

Кроме того, на российский рынок увеличился приток товаров западноевропейских производителей, тогда как доверие российских потребителей к качеству китайской продукции стало падать. Отразилось на приграничном сотрудничестве и сложное экономическое положение ряда российских предприятий, низкая степень выполнения ими подписанных контрактов. В результате в приграничных с Россией уездах Хэйлуцзяна скопилось грузов более чем на 1 млрд долл. И все-таки торговля с Россией продолжала занимать важное место как во внешней торговле провинции, так и в суммарной двусторонней торговле наших держав: в 1992 г. — 55%, в 1993 г. — 63%.⁹

В начале 1990-х гг. значительно расширилась по сравнению с советским периодом номенклатура экспортируемых провинцией товаров — с нескольких сотен до нескольких тысяч позиций. В РФ экспортировались одежда и обувь, бы-

товая техника, строительные материалы, зерно, овощи и фрукты, Россия поставляла в основном сырье¹⁰.

1994—1999 гг. — период урегулирования отношений. Со второй половины 1993 г. наметилось значительное снижение товарооборота Хэйлунцзяна с Россией, которое было вызвано рядом факторов:

- 3-й пленум ЦК КПК 14-го созыва принял “Решение ЦК КПК по некоторым вопросам строительства системы социалистической рыночной экономики”, которым предусматривалось развертывание основополагающей функции рынка по оптимизации ресурсов в условиях макроэкономического контроля государства. В связи с проведением этих мер наблюдалось резкое сокращение со второй половины 1993 г. масштабов капитального строительства и снижения кредитов, что значительно снизило спрос на российское промышленное сырье и материалы, а также на машино-техническое оборудование. Был введен единый плавающий регулируемый валютный курс, осуществилась налоговая реформа, усилилась система квотирования и лицензирования. Все это снизило эффективность преференциального механизма приграничной торговли, целесообразность бартерных операций;

- Беспорядок и неразбериха наблюдались в российской экономике. Возможности центральной власти по финансовой поддержке восточных регионов значительно снизились, последним пришлось самостоятельно решать проблемы “выживания”, что негативно сказалось на их экономической ситуации, включая внешнеторговые резервы;

- У России обнаружилось желание привести приграничную торговлю к международным стандартам¹¹. Она, в частности, задумала отойти от бартерных операций, которые были убыточны как для региональной, так и для все-российской казны.

В результате приграничная торговля между Россией и провинцией Хэйлунцзян сократилась в 1994 г. в сравнении с 1993 г. на 17,4%¹².

В то же время многие представители российских и китайских деловых кругов осознавали, что снижение торгово-экономической активности российских регионов и провинции Хэйлунцзян периода 1994—1995 гг. представляет собой лишь временное явление, которое является переходным этапом к “зрелости” и необходимо обеим сторонам для выработки нестандартных механизмов регулирования отношений. В апреле 1994 г. Госсовет КНР издал “Уведомление по вопросам приграничной торговли” № 1. В нем определялись ее формы и региональные рамки, устанавливались четкие пределы налоговых льгот.

Не менее значимым документом стало “Уведомление Госсовета КНР по вопросам приграничной торговли” № 2 от 3 января 1996 г.¹³, где было уточнено само понятие “приграничные районы” и сформулированы цели создания института приграничной торговли, призванного стимулировать экономическое развитие приграничных районов. Документ устанавливал две формы приграничной торговли, соответствующие ее функциям и международным правилам:

1) “народные приграничные рынки” (*миньцзянь мао*), работающие в пределах одобренной местными правительствами или хозяйственными органами 20-километровой приграничной зоны по определенным правилам (лица, проживающие по обе стороны от границы, могут продавать товары в пределах установленных сумм и объемов);

2) приграничная мелкооптовая торговля предприятий и торговых организаций приграничных районов в объемах, утвержденных государством в

отношении открытых для внешнего мира приграничных уездов и приграничных городов через определенные государством пункты пропуска, расположенные вдоль сухопутной границы¹⁴.

В Уведомлении были также определены формы приграничной торговли, в соответствии с международными нормами сформулировано определение трансграничной торговли и разъяснены особенности налоговой политики.

Правительство провинции в соответствии с положениями, заложенными в этом документе, начало предпринимать эффективные меры для корректировки приграничной торговли. К тому времени ситуация с фирмами, уполномоченными вести приграничную торговлю с Россией, ухудшилась, и Управлению приграничной торговли и экономического сотрудничества провинции Хэйлунцзян было вменено в обязанность проведение повторной экспертизы этих фирм. Ввиду явного избытка посреднических и агентских фирм, ведущих торговлю с Россией, Управление провело их тщательную ревизию, у многих из них отозваны разрешения на ведение подобных внешнеторговых операций. Статистика указывала на тесную связь между качеством товаров и ростом (или снижением) товарооборота, поэтому руководство провинции Хэйлунцзян выдвинуло лозунг "Качество товара — линия жизни приграничной торговли".

К концу 1996 г. сформировалась основа современной нормативно-правовой базы КНР по вопросам приграничного сотрудничества и приграничной торговли. Были законодательно установлены общие принципы, задачи, пределы и границы приграничной торговли (как по суммам сделок, так и по территориальному охвату), определены статус участников, компетенция органов государственного управления, курирующих приграничную торговлю. Таким образом, отсутствие между КНР и РФ межправительственного соглашения по приграничной торговле не помешало Китаю разработать "полноценное" национальное законодательство, определяющее ее режим. Для России интерес представляют, прежде всего, китайские документы валютно-финансовой направленности (по стимулированию использования местных валют в приграничной торговле), а также документы, определяющие дальнейшее социально-экономическое развитие китайских районов, граничащих с Россией, и направления развития приграничной торговли КНР.

К 1996 г. негативные тенденции в развитии торгово-экономического сотрудничества провинции Хэйлунцзяна с РФ были преодолены. Совместными усилиями сторон была выбрана стратегия стимулирования взаимной торговли, осуществилась рационализация структуры товаропотоков, расширились операции на основе свободно конвертируемой валюты. В 1996 г. внешнеторговый оборот РФ с КНР составлял 6,8 млрд долл., на долю провинции Хэйлунцзян пришлось примерно 12%. Мало освоенными оставались современные формы экономического сотрудничества, такие как производственная кооперация, переработка давальческого сырья и промышленная сборка. Половина общего объема приграничного товарооборота в 19 уездах Хэйлунцзяна приходилась в 1996 г. на челночную торговлю.

Трудности, с которыми столкнулась российско-китайская приграничная торговля в середине 1990-х гг., подтолкнули выдвижение данной темы на высший межгосударственный уровень. Президент РФ Б.Н.Ельцин посетил в ходе официального государственного визита Харбин, где встретился с провинциальным руководством Хэйлунцзяна. В результате было подписано Соглашение между правительствами РФ и КНР о принципах сотрудничества

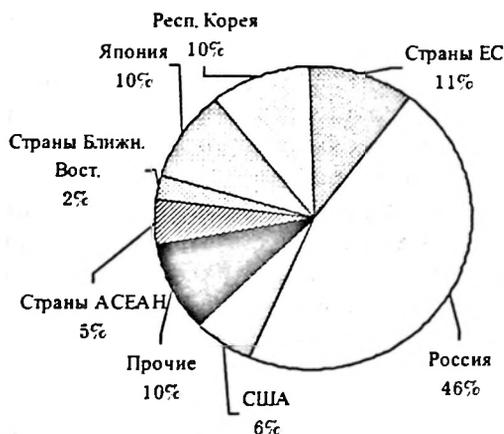
субъектов России с провинциями, автономными районами и городами центрального подчинения КНР, вступившее в силу 10 декабря 1997 г. Оно создало юридическую базу для межрегиональных связей двух стран¹⁵.

В декабре 1997 г. правительство провинции Хэйлунцзян провело в Харбине рабочее совещание по проблематике торгово-экономических связей с Россией. Его участники выдвинули стратегию “трех прорывов” в отношениях с Россией: увеличение масштабов торговых сделок при повышении качества товаров, расширение сфер торгово-экономического сотрудничества и реализацию крупных проектов. Положительная динамика сотрудничества становилась все более очевидной. К концу 1998 г. с в нем участвовало 600 китайских и 1000 российских предприятий (из них 70% — предприятия Приморского и Хабаровского краев и Амурской области¹⁶).

В 1999 г. доля России в суммарном товарообороте провинции составила 41,8%.

Рисунок № 1

Географическая структура внешне-торгового оборота провинции Хэйлунцзян в 2000 г.

Источник: <http://www.mofcom.gov.cn/>

РФ во внешнеторговом товарообороте провинции составила 59,3% или 19,5% суммарного российско-китайского товарооборота.

Главными видами торгово-экономических отношений тогда были обычная и мелкооптовая приграничная торговля. А ведь именно в этот период в Китае произошли корректировки торговой политики, повлекшие на региональном уровне сокращение торговых преференций, что снизило преимущества приграничной мелкооптовой торговли; российской же стороной были приняты меры по ограничению экспорта природного сырья, продуктов первичной переработки и др.

Нельзя обойти вниманием и такую немаловажную форму торговли, как челночная. Главная ее особенность — значительная “гибкость”, поскольку ее масштабы и изменения определяются реальным рыночным спросом. Стремительное развитие челночной торговли провинции, постоянно расширявшийся ас-

С 2000 г. по первое полугодие 2008 г. — период устойчиво-поступательного развития приграничного сотрудничества.

Благодаря стабилизации политической обстановки в России в торговле между нашими странами с начала 2000 г. наступило поступательное развитие, двусторонняя торговля начала постепенно стандартизоваться и упорядочиваться. 2000 г. ознаменовался быстрым ростом торговли провинции с Россией: товарооборот составил 1,37 млрд долл., достигнув в 2007 г. максимальной отметки свыше 12 млрд долл.¹⁷

Наиболее плодотворным периодом торгово-экономических отношений Хэйлунцзяна с Россией были годы 10-го пятилетнего плана КНР (2001—2005 гг.). Судя по китайской таможенной статистике, за эти годы товарооборот увеличился более чем вчетверо. В 2005 г. доля

сортимент товаров повлекли коррективы в системе статистического учета: начиная с 2001 г. в государственную экспортную статистику КНР была официально включена “челночная торговля”.

Разумеется, подобная форма экономической деятельности не могла быть признана Россией в качестве “цивилизованной”, поскольку она создает ряд трудноразрешимых проблем — потери российской государственной казны (из-за неуплаченных таможенных сборов), формирование экономически необоснованных преимуществ китайского низкокачественного ширпотреба на рынках нашей страны, серьезные коррупционные явления на таможне и в иных государственных структурах.

Причем было бы ошибочно полагать, будто сложившаяся ситуация имеет негативные последствия исключительно для России и полностью устраивает китайскую сторону.

Подобная практика, судя по всему, тормозит развитие экономики этой провинции: складывается впечатление, что ее руководство не слишком заинтересовано в модернизации производства и иных инновациях, поскольку достаточно средств поступает “в личный карман” от нерегулируемых приграничных товарных потоков. И вместо того, чтобы технически перевооружать промышленность и производить качественную продукцию, десятки тысяч мелких предприятий и индивидуальных предпринимателей живут тем, что кустарно производят для российского рынка низкосортные товары народного потребления. Негативно влияет на стратегическое партнерство наших стран (а прежде всего — на репутацию китайского производителя) контрафактная продукция. Как выше отмечалось, в российском экспорте преобладали сырьевые продукты, что обусловило, в частности, быстрый рост промышленного производства КНР, повлекший дефицит собственных природных ресурсов. В российских же приграничных регионах исторически сложился дефицит товаров народного потребления и рынок продуктов питания. Соответственно экономические структуры обеих сторон должны были адаптироваться к новому рыночному спросу, который вызвал аномальный дефицит торгового баланса китайской стороны. Переломным стал 2003 г., и начиная с этого времени, наблюдался ежегодный неуклонный рост положительного сальдо провинции, что, в частности, обусловил строительный бум в России, повлекший рост импорта стройматериалов и строительной техники из КНР. Сыграл свою роль и некоторый рост доходов населения, приведший к росту импорта товаров “потребительской корзины”.

В период 10-ой пятилетки была отмечена значительная активизация китайского частного сектора во внешнеэкономических операциях с Россией: если в 2001 г. общий объем товарооборота с Россией местных негосударственных компаний составлял 120 млн долл., то к концу 2005 г. он составил 4,63 млрд долл. (рост в 38 раз). В общем объеме товарооборота провинции с Россией доля частных предприятий возросла с 6,4% до 81,6%¹⁸.

Первая половина 11-ой пятилетки ознаменовалась дальнейшим ростом взаимного товарооборота. В марте 2005 г. было оглашено Постановление народного правительства провинции Хэйлуцзян “О стратегическом переходе на новый уровень стимулирования торгово-экономического и научно-технического сотрудничества с Россией”¹⁹.

В нем декларировались цели обеспечения мощного “прорыва” в направлении создания совместных торгово-промышленных комплексов на границе. Если раньше главным содержанием работы таких зон виделась организация при-

митивного товарно-денежного обмена, то теперь были поставлены задачи создания многофункциональных производственно-технологических зон (при 100% загрузки российским сырьем), мощных технопарков с возможностью импорта передовых российских технологий, специализированных научно-технических зон в рамках единых комплексов.

Особый акцент ставился на импорте энергетического сырья: постановление предписывало “активно добиваться государственной поддержки для ввоза в страну добываемых или закупаемых в России сырой нефти и других энергоносителей”. Для реализации этих целей предлагалось создать уполномоченные инвестиционные корпорации.

Кроме того, упомянутое постановление предписывало стремиться к получению прав на разработку и освоение российских месторождений золота, меди, железа, угля. Также указывалось на необходимость обеспечения ежегодного прироста на 30% объемов заготовок, транспортировки и переработки древесины в период с 2005 по 2007 гг.

Подробно рассматривались вопросы, связанные с планами активизации импорта российских технологий, была поставлена задача “активно привлекать необходимые для провинции результаты научных разработок и научно-технический персонал, причем изыскивать возможности привлечения целых российских научно-исследовательских центров”.

Определенное внимание в документе уделялось вопросам увеличения объемов экспорта сельхозпродукции, с этой целью предписывалось, в частности, добиваться получения российских сертификатов качества, непрерывно расширять географию экспорта, использовать арендные отношения для производства сельхозпродукции на российской территории.

Отдельно проговаривались вопросы “прорыва” в области развития приграничных коммуникаций — обозначена задача стимулирования соответствующих российских и китайских ведомств для скорейшего ввода в эксплуатацию мостовых переходов через р. Амур, говорилось о необходимости “получить в аренду или выкупить” причалы в порту г. Владивостока.

В целом излагаемое постановление представляло собой многоплановую и детально проработанную концепцию комплексного использования приграничных территорий РФ для потребностей экономического развития провинции Хэйлунцзян. Можно сделать вывод, что данная политика китайских властей призвана (с учетом депрессивности и практической “оторванности” российских дальневосточных субъектов федерации от европейской части России) способствовать все более глубокому вовлечению приграничных территорий нашей страны в орбиту экономико-сырьевых интересов провинции Хэйлунцзян и всего Северо-Восточного Китая. Следует признать, что КНР в большинстве случаев остается инициатором процесса региональной экономической интеграции. Китай активно формирует и все более масштабно реализует стратегические схемы кооперации в трансграничном пространстве, исходя из задач обеспечения государственных интересов и экономической безопасности КНР.

Важным годом в российско-китайском межрегиональном сотрудничестве стал 2007 г. Провинция Хэйлунцзян активно реагировала на неблагоприятные факторы, имевшие место в российской торговой политике, осуществлялась своевременная корректировка стратегии торговли в отношении России, по мнению китайских экспертов, проходила “оптимизация товарной структуры экспортно-импортных поставок, осуществлялась поддержка и

проводились мероприятия по повышению конкурентоспособности предприятий, осуществляющих торговлю с Россией”.

2007 г., однако, оказался последним стабильным годом развития торгово-экономических связей Хэйлунцзяна с Россией. В течение предыдущих 10-ти лет провинция сохраняла высокие темпы роста товарооборота с Россией. Так, в 1999 г. он составлял 916 млн долл., а в 2007 г. достиг 12,42 млрд долл., т.е. вырос в 13,5 раз.

По данным статистических органов провинции Хэйлунцзян, в 2007 г. основными статьями импорта из России были:

Товарные группы	Количество	Общ.стоимость млн долл.	Средняя цена	Рост цены
Кругл. лес	9,416 млн куб.м.	1090 .	109,1 долл. за куб.м.	18,7%
Целлюлоза	300 тыс. тонн	190	632,2 долл. за тонну	16,8%
Сырая нефть	420 тыс. тонн.	230	551,1 долл. за тонну	20,8%
Сталь	50 тыс. тонн.	90	1751,6 долл. за тонну	35,4%
Калий хлористый	1,433 млн тонн	340	239,4 долл. за тонну	15,5%

Источник: <http://harbin.customs.gov.cn>

Основу китайского экспорта в 2007 г. по-прежнему составляли продукты питания, одежда и обувь, но в тоже время большую долю стали занимать продукты с высокой добавленной стоимостью, а именно автомобили.

Товарные группы	Количество	Стоимость, млн долл.	Средняя цена	Рост цены %
Овощи	316 тыс. т.	70	0,22 долл. за кг	15,8%
Фрукты и орехи	253 тыс.т.	99	0,39 долл. за кг	2,6%
Сталь	71 тыс.т.	50	645,2 долл. за тонну	-14,1%
Автомобили и шасси	6814 шт.	200	28767 долл. за шт.	113,5%
Комплектующие для компьютеров	23,38 млн шт.	130	5,77 долл. за шт.	0,2%

Источник: <http://harbin.customs.gov.cn>

Итак, торговые связи провинции Хэйлунцзян с Россией пережили за 1982—2007 гг. несколько взлетов и падений. Эта провинция стала крупнейшим торговым партнером российских приграничных регионов, в ее суммарном товарообороте доля экспортно-импортных операций с Россией варьировалась от 12% до 69%. Это способствовало структурной перестройке промышленности провин-

ции, стимулировав развитие сельского хозяйства и сферы услуг. Очевиден рост благосостояния китайского приграничного населения. К примеру, ВВП города Суйфаньхэ в 2004 г. достиг 1,87 млрд ю., что в 6,7 раз выше, чем в 1992 г. Налоговые поступления там составили 360 млн ю., увеличившись в 6,5 раз; сберегательные вклады городского и сельского населения составили 3,51 млрд ю. (более, чем 20-кратный рост), среднегодовые доходы горожан составили 10 179 ю. — на 2708 ю. выше среднего дохода по провинции. При этом в Хэйлунцзяне до сих пор еще не выделились по-настоящему крупные “игроки” и не сформированы транснациональные производственные и управленческие компании. Так, в список 200 крупнейших предприятий КНР за 2004 г. не попали ни одно предприятие, ни одна фирма, хотя провинция Ляонин представлена тремя фирмами, а Цзилинь — двумя.

Около 3 десятилетий политики реформ и открытости принесли провинции значительные “дивиденды”, но тем не менее в целом можно отметить, что Хэйлунцзян далеко не в полной мере использовал преимущества и выгоды своего экономико-географического положения.

В условиях жесткой конкуренции провинция Хэйлунцзян может утратить свои позиции на российском рынке. Япония, Республика Корея, страны Европейского Союза и пр. пристально изучают огромный потенциал российской экономики. Кроме того, за последние годы восточные и юго-восточные провинции КНР активизировали свое сотрудничество с РФ (Гуандун, Чжэцзян, Шаньдун, Цзянсу). В связи с этим доля провинции Хэйлунцзян в китайско-российском товарообороте заметно снижается.

Помимо внутрикитайских и внешних международных факторов, влияющих на развитие торгово-экономического сотрудничества провинции Хэйлунцзян с Россией следует отметить болезненную, подчас неадекватную реакцию китайской стороны на меры, предпринимаемые правительством РФ по защите внутреннего рынка. Так, в последние годы нашей стороной был принят ряд важных постановлений, направленных не столько на ограничение торговых отношений с Китаем и другими странами, сколько на повышение стандартов качества импортируемой продукции.

- 26 февраля 2006 года вступило в силу постановление правительства РФ № 718 — “Положение о применении единых ставок таможенных пошлин, налогов в отношении товаров, перемещаемых через таможенную границу РФ физическими лицами для личного пользования”²⁰. Согласно документу, любой человек, пересекающий границу РФ, может ввозить товаров личного пользования на сумму, не превышающую 65 тысяч рублей, но не чаще одного раза в месяц. Эти меры, по мнению китайских экспертов, значительно ограничили возможность ввоза и реализации на территории России беспошлинных товаров, что серьезно повлияло на “челночную торговлю”.

- Постановлением Правительства РФ от 05.02.07 № 75 было введено трехэтапное — на 30% ежегодно — повышение вывозных пошлин на круглый лес — хвойные породы, березу и осину (кроме балансовой древесины), а также на ценные и твердолиственные породы²¹. Соответственно с 1 июля 2007 г. специфическая составляющая вывозной пошлины поднялась до 10 евро за 1 куб.м, с 1 апреля 2008-го — до 15 евро за 1 куб. м. 1 января 2009 г. ожидался последний шаг в повышении пошлин: она должна была вырасти до 50 евро за куб. м. (то есть, носить запретительный характер), но этот последний этап был отменен на неопределенное время.

- Введены поправки в российский закон о розничной торговле: с 15 января 2007 г. трудовым мигрантам запрещается работать в розничной торговле алкогольными напитками (включая пиво) и фармацевтическими товарами; в переходный период с 15 января по 1 апреля 2007 г. их число на российских рынках, магазинах и иных розничных точках продаж планировалось сократить до 40% от общего количества работников, а к 1 декабря 2007 г. до 0%²². По мнению китайских экспертов, эти меры нанесли тяжелый удар по экспорту провинции Хэйлунцзян в Россию и деятельности “челноков”, а также сказались на работе оптовых и розничных рынков, что ослабило дальнейшее развитие торгово-экономических отношений провинции с Россией.

- Активизация борьбы с “серой таможенной очисткой” в России, препятствует, по утверждениям китайской стороны “нормальному ходу очистки” продукции экспортных предприятий Хэйлунцзяна и оказывает сильное влияние на “нормальное развитие” экспортно-импортных операций провинции.

- Важной мерой защиты российского рынка от китайского демпинга стало подписанное Правительством РФ Постановление от 8 мая 2009 г. № 402 г. “О специальной пошлине на трубы большого диаметра, ввозимые на таможенную территорию Российской Федерации, происходящие из Китайской Народной Республики”²³. Эта ограничительная мера уравнивает китайских экспортеров стальных труб большого диаметра с производителями стальных труб из промышленно развитых стран, в отношении которых еще в декабре 2006 г. были введены трехлетние пошлины. Правительство РФ распорядилось установить специальную пошлину в размере 8% на ряд стальных труб наружным диаметром более 508 мм, ввозимых из Китая.

- Широкий и совершенно неоправданный резонанс вызвало в китайской печати Постановление Правительства Российской Федерации от 5 декабря 2008 г. № 903 г. “О внесении изменений в Таможенный тариф Российской Федерации в отношении некоторых моторных транспортных средств”, на основании которого значительно повысились требования к типу двигателя и его “экологическим параметрам” (чему не соответствовала значительная часть импортируемых из КНР легковых и крупнотоннажных автомобилей)²⁴.

Недовольство китайской стороны порой доходит по абсурда. Так, несколько лет назад российской стороной были повышены меры безопасности в отношении тоннажности транспортных средств, пересекающих границу с Китаем, речь шла о жизни людей и целостности груза. При пересечении российской государственной границы проверялась тоннажность автомобиля, т.е. взвешивалось транспортное средство с грузом на борту. Это вызвало негативную реакцию у китайской стороны. Эта мера была введена из-за того, что нарушения правил загрузки транспортных средств приводят к ДТП. Проведенные меры заметно снижают грузопотоки через КПП на нашей границе, что вызвало неожиданно бурную реакцию в китайских СМИ, высказывалась аргументация, что российская сторона хочет ограничить импорт китайских товаров, но нигде не говорилось о жизни пассажиров, находящихся в транспорте, и сохранности груза.

Вот такая противоречивая ситуация сложилась в российско-китайском приграничном сотрудничестве к 2008 г. Его 1-е полугодие не предвещало никаких существенных изменений в торговых взаимоотношениях Хэйлунцзяна с Россией, хотя было отмечено небольшое снижение темпов роста взаимного товарооборота. За первые 6 месяцев он составил 4,36 млрд долл., на Хэй-

лунцзян приходилось 81,4% всей торговли Северо-Восточного Китая с РФ. В рассматриваемый период впервые за многие годы было зафиксировано снижение объема экспорта в Россию (-3,2%). Стоит также отметить снижение удельного веса России во внешнеторговом обороте провинции: с 62% в 2007 г. до 51,1% в 1-м полугодии 2008 г.²⁵

В Китае называли следующие причины сравнительно низких показателей товарооборота Хэйлунцзяна с Россией: продолжающаяся ревальвация юаня, повышение российских экспортных пошлин на ряд товаров и борьба с “серым” импортом, усиление таможенного администрирования в России и КНР, увеличение транспортных расходов в связи с ростом цен на энергоносители.

Со 2-й половины 2008 г. по настоящее время наступил новый период в торгово-экономических отношениях провинции Хэйлунцзян с Россией, который был связан с произошедшим в мире финансово-экономическим кризисом.

Мировой финансовый кризис оказал значительное влияние на наши двусторонние торгово-экономические отношения. В России цены на сырьевые ресурсы (в частности, на нефть) значительно снизились, что стало одним из главных факторов отрицательных показателей экономического роста в РФ в декабре 2008 г. (впервые с марта 1999 г.). Кроме того, произошло значительное ослабление российского рубля, что снизило покупательную способность населения. И при этом впервые за 20-летний период российская сторона предприняла решительные шаги по ограничению импорта контрафактной продукции, завозимой в Россию путем “серых таможенных схем”.

Сознавая неоднозначность и сложность ситуации, китайская сторона приложила усилия для активизации приграничной торговли. Так, 18 октября 2008 г. Госсовет КНР опубликовал государственный документ № 92 — “Меры по содействию торгово-экономическому развитию приграничных районов”²⁶.

Предусматриваются следующие меры.

1. Усиление финансовой поддержки приграничной торговли. С 1 ноября 2008 г. правительство КНР предоставило специальный фонд взамен сбора в малой приграничной торговле лишь половины предусмотренной таможенной пошлины. Предусматривается ежегодно увеличивать размер данного фонда.

2. Повышение нормы беспошлинного вывоза товаров повседневного потребления на совместные рынки приграничных районов. С 1 ноября 2008 г. норма их беспошлинного вывоза повысилась до 8000 ю. на человека в день.

3. В приграничных районах решено расширить экспериментальные пункты для оформления возврата НДС после экспорта продукции.

4. В зонах экономического сотрудничества государственного значения в приграничных районах введено льготное кредитование строительства инфраструктуры технико-экономического освоения в западных районах КНР (включая АР Внутренняя Монголия).

5. Министерство финансов и Комитет по делам развития и реформы КНР уполномочены упорядочить виды административных непроизводственных сборов, отменяя незаконные и несправедливые сборы с предприятий приграничной торговли.

6. Оказание поддержки при строительстве контрольно-пропускных пунктов.

Принятые китайской стороной меры не смогли смягчить удары финансового кризиса, падение взаимного товарооборота продолжилось. За 4 месяца 2009 г. товарооборот провинции Хэйлунцзян с Россией составил 1,83 млрд долл., что в сравнении с таким же периодом 2008 г. на 39,1% ниже. В суммарном товаро-

обороте Хэйлунцзяна доля России составила 35,7%, сохранив ведущее место в рейтинге. В суммарной торговле наших стран доля Хэйлунцзяна составляет 17,8%, что на 3,4% пункта ниже, чем у г. Пекина, т.е. среди китайских провинций, АР и городов центрального подчинения Хэйлунцзян является вторым по значимости торговым партнером РФ. За указанные 4 месяца экспорт провинции в Россию составил 1,32 млрд долл., снизившись на 33,5%, импорт из РФ — 510 млн долл. (падение составило 50%). Положительный торговый баланс провинции составил 810 млн долл.²⁷

В результате девальвации российского рубля увеличились риски изменения обменных курсов валюты, что также повлияло на экспортные операции.

Налицо яркая тенденция резкого роста экспортных операций с США, что поддерживает стабильный рост суммарного товарооборота провинции. Основные продукты, экспортируемые в США: соевые бобы, электротехнические изделия. Отмечается рост экспорта в Кыргызстан, который стал вторым по значимости торговым партнером провинции (главные статьи экспорта: одежда и обувь).

Основные особенности торговли провинции Хэйлунцзян с Россией в начале 2009 г.

1. В январе двусторонний товарооборот составлял 670 млн долл. (самый высокий месячный показатель в этом году, февраль же принес наиболее низкий объем — 310 млн долл., т.е. в январе по сравнению с тем же периодом 2008 г. товарооборот снизился на 12,4%, а в феврале на 51,8%. В марте и апреле ситуация стала выправляться, товарооборот в сравнении с февралем несколько возрос.

2. Лидирующей формой торговли остается мелкооптовая приграничная торговля. За первые 4 месяца 2009 г. ее объем составил 1,06 млрд долл. (снижение к 2008 г. на 42,4%), что составляет 58,1% суммарного объема торговли провинции с РФ. Объем сделок по обычной торговле составил 680 млн долл. На другие виды торговли (включая челночную) пришлось 60 млн долл. (снижение на 71,4%).

3. В импорте Хэйлунцзяна из России преобладают сырьевые товары (первое место занял “круглый лес”). Объем операций составил 200 млн долл. (снижение на 47,5%). На минеральные удобрения пришлось 50 млн долл. (-64%), третье место заняли железные руды и концентраты — 50 млн долл. (-4,5%), занимает четвертая позиция — целлюлоза (объем ее поставок сократился на 26,3%). На упомянутые группы товаров пришлось 69,4% импорта из России (42,5% из них — “круглый лес”).

4. Наблюдается стабильный рост хэйлунцзянского экспорта мебели, фруктов и овощей при резком сокращении вывоза одежды и электротехнической продукции. За 4 месяца 2009 г. по основной группе товаров — одежде и аксессуарам экспорт снизился на 60,5%, составив в абсолютных показателях 360 млн долл., поставки электротехнической продукции упали на 26,3%, или 280 млн долл. Наименьший спад был по обуви (экспорт уменьшился лишь на 3,7%, составив 190 млн долл.). В то же время наметились позитивные тенденции по мебели и аксессуарам к ней (общий объем сделок за 4 месяца составил 70 млн долл., с ростом относительно этого же периода 2008 г. на 78,1%). Позитивные сдвиги налицо по свежим и сушеным (вяленым) фруктам, а также овощам, соответственно рост составил 25,5% и 20,8% (в абсолютных объемах — 50 и 40 млн долл.)²⁸.

Для преодоления сложной ситуации в торгово-экономических отношениях провинции Хэйлунцзян с Россией китайские эксперты предлагают следующее:

- Чтобы укрепить российско-китайское экономическое сотрудничество, необходимы межправительственный диалог, совместное реагирование на проблемы и негативные последствия, связанные с мировым финансовым кризисом.

- Ускорить темпы строительства комплексной зоны свободной таможенной торговли города Суифэньхэ²⁹.

- Содействовать процессу поглощения малых и средних предприятий, слияния их с крупными корпорациями, содействовать корректировке промышленной структуры провинции, стимулировать меры по повышению конкурентоспособности местной продукции. На основе традиционных товарных групп, формирующих основу экспортно-импортных операций, использовать эффективные механизмы увеличения импорта из России стали, машинно-технического оборудования, электроэнергии, угля, цветных металлов, продуктов химической промышленности, нефти, целлюлозы, химических удобрений, синтетического каучука, минеральных ресурсов, высокотехнологичных продуктов; расширять экспорт в Россию крупногабаритной техники, электроники, текстиля. При этом необходимо значительно повысить качество продукции, активно развивать экспорт экологически чистой продукции, а также специфической региональной продукции.

- Руководство предприятий среднего и малого бизнеса должно гибко реагировать на изменения, происходящие на рынке.

- При перестройке и трансформации старой промышленной базы провинции необходимо делать упор на развитие экспортно-ориентированной перерабатывающей промышленности, поскольку основу экспорта провинции в Россию составляют товары легкой и текстильной промышленности. Помимо усилий, направленных на традиционную основу экспорта в Россию — текстильных изделий, необходимо активно развивать поставки машинно-технических изделий, электротехнической и высокотехнологичной продукции.

— Углублять стратегию “идти вовне”, поощряя предприятия к сотрудничеству в переработке продукции за рубежом.

- Требуется дальнейшее улучшение инфраструктуры погранпереходов. Необходимо проводить дальнейшую стандартизацию условий китайско-российской торговли. Желательно продлить часы работы российской таможни, повысить качество обслуживания, укреплять программное обеспечение и аппаратные средства разработки на пунктах погранпереходов, обеспечивая плавный поток торговли и транспорта.

- В целях развития погранпереходов нужно направить усилия на совершенствование их функций. Чтобы создать единую первоклассную систему управления, необходимо на каждом переходе осуществить интеграцию и оптимизацию имеющихся ресурсов, активизировать в районе ключевых (основных) портов железнодорожное строительство и сооружение аэропортовой инфраструктуры.

- Приложить усилия к скорейшему созданию на территории России совместных логистических компаний, способных вести торговлю в соответствии с международными стандартами и российским законодательством.

* * *

Итак, приграничное сотрудничество в КНР рассматривается как один из основных способов ускоренного развития окраинных территорий. Властям приграничных территорий предоставлена довольно значительная степень свободы в определении приоритетов экономического развития. Китайское законодательство определяет существенные льготы в приграничной торговле. Пользуясь этим,

провинция Хэйлунцзян взяла на себя роль посредника в товарообороте других регионов КНР с Востоком РФ, что в значительной мере препятствует установлению прямых торгово-экономических связей российских экспортеров и импортеров с китайскими контрагентами. К примеру, лишь 20% продукции, представленной в экспорте провинции Хэйлунцзян, произведено на ее территории.

Можно утверждать, что в отличие от российской стороны, КНР стремится системно подходить к процессам приграничного сотрудничества. По этой причине в установлении и развитии приграничных связей инициатива исходит от китайской стороны, что благоприятствует получению наибольшей выгоды благодаря развитию этого процесса.

1. www.360doc.com/content/080517/11/52269_1265500.html
2. www.obraforum.ru
3. www.gov.cn/ztl/2005-11/01/content_88581.htm
4. Правда. 1982. 11 нояб.
5. Бяньцин сяоз маои чжэсин гуаньли баньфа. [Временные способы регулирования приграничной малой торговли]. 1984.
6. Яньбянь кайфан юй Хэйлунцзян — дуйвай маои яньцзю [Хэйлунцзян и приграничная открытость — исследование внешней торговли]. Цзилинь, 1998.
7. Гуаньюй Хэйлунцзяншэн дуй Сулянь бяньцзин маои хэ цзинцзи цзишу хэцхэо вэньтиды пифу. [О развитии приграничной торговли и технико-экономического сотрудничества с СССР]. 1988. № 61.
8. Преференциальный режим приграничной торговли используется китайскими компаниями главным образом для масштабного импорта сырьевых товаров из России. Такие операции проводились с алюминием (до отмены в июне 2001 г. льготного режима импорта алюминия). В 2002 г. по аналогичной схеме закупался, по информации МВТЭС КНР, российский никель. Если объемы закупок не подрывают стабильность внутреннего рынка соответствующих товаров, китайские госорганы воздерживаются от вмешательства по поводу нарушения правил ведения приграничной торговли, дабы не ущемлять интересы местных правительств. Преференциальный режим приграничной торговли не распространяется на импорт из России следующих товаров: табак, спиртные напитки, косметика, телевизоры, кинокамеры, видеомагнитофоны, видеоплееры, аудиоаппаратура, кондиционеры, электрохолодильники, стиральные машины, фотоаппараты, копировальные машины, электроаппаратура с программным управлением, переговорные устройства, миникомпьютеры с выносным оборудованием, телефоны, радиопейджинговые системы, факсимильные аппараты, электронные счетные приборы, печатные машинки и печатающие устройства, мебель, осветительные приборы, продукты питания (т.е. специи, мясо, птица, яйцо, овощи, продукты водного промысла, фрукты, напитки, молочные продукты), фанера, асбест, сельскохозяйственные комбайны, автомобили и запчасти, мотоциклы и запчасти, 30-85-тонные внедорожные самосвалы, нефтепродукты, стальной прокат (на лицензируемую металлопродукцию не делается 50% скидка), газетная бумага, алюминий в чушках (Гоцюань гуаньюй цзиньнибу дуйвай кайфак хэйхэ дэн сыгэ бяньцин чэншицы тунчжи. [Уведомление Госсовета КНР о дальнейшем увеличении внешнеэкономической открытости четырех приграничных городов]. 1992. № 21.
9. *Александрова М.В.* Китай и Россия: особенности регионального экономического взаимодействия в период реформ. М., 2003.
10. www.hlj.stats.gov.cn
11. Согласно международной практике ВТО/ГАТТ, приграничная торговля предполагает обмен товарами, произведенными в определенной приграничной полосе (15—20 км), при этом жителям, проживающим на этих территориях, во взаимном порядке предос-

- тавляются льготы в отношении таможенных пошлин, упрощения порядка пересечения границы, и эти меры не распространяются на других торговых партнеров. Однако с 1988 г. приграничная торговля бывшего СССР и КНР вышла за пределы установленных в мире норм как по глубине территории, так и по методам ведения внешнеторговых операций, структуре экспортно-импортных потоков и др.
12. Яньбянь кай юй Хэйлунцзян — дуйвай маой яньцзю [Приграничная открытость и провинция Хэйлунцзян — исследование внешней торговли]. Цзилинь, 1998
 13. Гоуюань гуаньюй бяньцзин маои юугуань вэньтиды тунчжи. [Уведомление Госсовета КНР по вопросам приграничной торговли]. 1996. 3 янв. № 2.
 14. БИКП. 1999. 17 апр.
 15. www.crc.mofcom.gov.cn/crweb/rcc/info/Article.jsp?a_no=431&col_no=46
 16. Источник: Хао Цзяньхэн, Су Фэньмин. Провинция Хэйлунцзян и российский дальневосточный рынок. — Китай на пути модернизации и реформ. М., 1999
 17. <http://harbin.customs.gov.cn/publish/portall18>
 18. <http://harbin.customs.gov.cn>
 19. Хэйлунцзяншэн жэньминь чжэнфу гуаньюй туйцзинь дуй э цзинмао кэцзи хэцзо чжаньлюэ шэнцзиды ицзянь; хэйчжэнфа. 2005. № 21. Хэйлунцзянское народное правительство о стратегическом переходе на новый уровень стимулирования торгово-экономического и научно-технического сотрудничества с Россией.
 20. www.rg.ru
 21. www.rosleshoz.gov.ru
 22. www.rg.ru
 23. www.rg.ru
 24. www.rg.ru
 25. <http://harbin.customs.gov.cn>
 26. Гоуюань гуаньюй цуцзинь бяньцзин дицью цзинци маои фачжань вэньтиды пифу. [О стратегическом переходе на новый уровень стимулирования торгово-экономического и научно-технического сотрудничества с Россией]. 2008. № 92.
 27. <http://harbin.customs.gov.cn>
 28. <http://harbin.customs.gov.cn>
 29. Госсовет Китая официально утвердил создание комплексной зоны свободной таможенной торговли в Суйфэньхэ. Это — уже шестая подобная зона (вторая — по сухопутной границе КНР). В соответствии с решением Госсовета КНР, она имеет площадь 1,8 кв. км. и является районом особого таможенного надзора для внутренних районов. Налогообложение, валютная политика будут осуществляться в соответствии с положениями Госсовета. Функции зоны включают открытый для внешнего мира порт, обращение материальных ресурсов свободной таможи, экспортные операции свободной таможи, международную торговлю, международный транзит, международную дистрибуцию, отечественные и зарубежные закупки, распространение и др. (Источник: Гоуюань, 21.04.09; док. № 51 пифу тунъи шэли Хэйлунцзян Суйфэньхэ баошуйцью. Уведомление Госсовета КНР о создании комплексной зоны свободной таможенной торговли в Суйфэньхэ провинции Хэйлунцзян.

Государство и общество

Процесс реформирования госаппарата КНР: использование новых технологий

© 2009

А. Ершов

Статья затрагивает вопрос применения новых технологий в процессе реформирования государственного аппарата КНР. В последние годы правительство КНР уделяет пристальное внимание всестороннему развитию концепции "электронного правительства", что позволяет говорить о ставке руководства Китая на новые технологии и принципы управления при осуществлении административных реформ. В статье анализируется ход реализации стратегии "электронного правительства", приводятся данные по развитию правительственных веб-сайтов, принятые законодательные решения, рассматриваются различные модели функционирования правительственных сайтов и конкретные примеры.

Ключевые слова: административные реформы, госаппарат, Интернет, веб-сайты, электронное правительство, электронная администрация, информация, технологии, законодательство, бюрократия, делопроизводство.

Под упоминаемыми здесь китайскими административными реформами понимается реформирование госаппарата КНР. В китайской политико-юридической терминологии органы государственного управления именуются административными органами, и их реформирование называется реформированием системы административных органов, или просто административной реформой¹. Таким образом, имеется в виду процесс гораздо более масштабный, нежели то, что обычно понимается под административными реформами в странах Западной Европы и в России.

Периодизация китайских административных реформ в данной статье ведется от 1982 г. и не затрагивает административные преобразования, проводившиеся с 1949 г. до начала проведения политики реформ и открытости².

"Культурная революция" нанесла государственным органам значительный урон. К 1970 г. количество рабочих органов Госсовета сократилось до 32, что фактически парализовало нормальную работу правительства (Политбюро тоже

фактически прекратило свое существование), а партийно-государственные органы местного управления были уничтожены и заменены т.н. “революционными комитетами” — ревкомками, организацией, сочетавшей в себе партийно-государственные и хозяйственные функции³. После разгрома “банды четырех” начиная с 1977 г. органы партийно-государственного контроля начали активно восстанавливаться. К 1981 г. количество министерств и комитетов при Госсовете уже составляло 52 единицы, органов прямого подчинения насчитывалось 43 единицы, имелось 5 канцелярий⁴. Увеличению аппарата в немалой степени способствовал процесс реабилитации “ганьбу” — кадровых работников, которые занимали большую часть мест в воссоздаваемых административных структурах, при этом в значительной степени препятствуя процессу омоложения кадров. Государственные органы, функционировавшие на основе принципов, сформулированных три десятилетия назад, не могли адекватно ответить на новые вызовы и трудности, стоявшие перед страной в условиях экономической модернизации; необходима была их кардинальная перестройка. После программного выступления Дэн Сяопина на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК 13 января 1982 г. “Сокращение учреждений является революцией” реформа была инициирована первая административная реформа⁵. Она проходила в 1982—1984 гг. и включала два этапа: реструктуризация на уровне Госсовета и реструктуризация местных органов управления. Реформа позволила окончательно восстановить систему административного управления в рамках всей страны, заменить народные коммуны волостно-поселковой системой административного управления на селе, отменить практику пожизненного занятия постов, способствуя, тем самым, обновлению административного аппарата. В 1988–89 гг. проводится вторая административная реформа, в ходе которой был выдвинут ряд принципиально новых задач, как-то: пересмотр функций и полномочий правительства, изменение формы управления производственными структурами, создание профессионального аппарата госслужащих. Вторая административная реформа не была доведена до конца: этому помешал ряд внешне- и внутриполитических факторов. Некоторые результаты были достигнуты лишь на уровне Госсовета. В 1993–95 гг. проходила третья по счету административная реформа. Отличительными особенностями этой реформы следует назвать формирование профессионального корпуса госслужащих, создание законодательной базы, попытки сбалансировать возрастающий темп экономических преобразований с сохранением социальной стабильности. С 1998 по 2001 гг. проходит четвертый этап административной реформы, основной упор делался на реструктуризацию госпредприятий, упорядочении банковской и финансовой системы, реорганизации системы административного управления. В 2003–2005 гг. проходил пятый этап реформы системы государственных органов, преобладающими направлениями стали: изменение функций и усиление роли закона. Был принят ряд законов, внесших значительные изменения в процесс административной деятельности и способствовавших ее дальнейшей регламентации. С 2008 г. в КНР началась новая, шестая по счету административная реформа.

Бурное развитие информационных технологий за два последние десятилетия в конце XX и начале XXI вв., снижение их себестоимости, увеличение доступности для широких слоев населения по всему земному шару создали совершенно новую, реальность. Внедрение таких технологий как Интернет и мобильная связь сделали общество сетевым, горизонтальным. Эти изменения не могли не отразиться на взаимоотношениях управляющих структур и общества, выразившись в создании концепции так называемого “электронного правительства”. В США курс на создание электронного правительства был развернут еще администрацией президента У. Клинтона в середине 1990-х гг. По мере вхождения

КНР в систему международных рыночных связей, углубления и расширения административных и экономических реформ, возникла и потребность в создании системы электронного правительства. В основе этой концепции лежит принцип оказания правительством гражданину всего комплекса административных услуг в электронной форме, взаимодействие гражданина и правительства посредством Интернет-технологий. При этом также используются и традиционные медиа: периодическая печать, радио и телевидение, государственные архивы и общественные библиотеки, правительственные бюллетени. По мнению Всемирной банковской организации, в сферу охвата “электронного правительства” входят следующие три направления: обоюдные контакты между правительством и гражданином, взаимодействие между правительством и торговыми кругами, взаимодействие внутри различных ведомств правительства между собой⁶. Как считают китайские эксперты, кроме очевидных удобств в эксплуатации и предоставлении справочных услуг, электронное правительство может повысить все качество обслуживания в целом, оно может функционировать непрерывно, поскольку соответствующие страницы всегда доступны в сети Интернет. Также считается, что оно будет способствовать более активному развитию “экономики знаний”, поддерживать “социальный прогресс”, что, впрочем, далеко не так очевидно. Не подлежит сомнению то, что в этом вопросе необходимо заниматься детальной разработкой законодательной базы, которая бы регламентировала и регулировала принципы и основы работы как правительственных сайтов, так и государственных служащих. С другой стороны, необходимо повышать общий моральный уровень служащих, противодействуя, тем самым, коррупции и злоупотреблениям в должностной сфере, который, разумеется, переместится в “электронную” плоскость из плоскости бумажной. Несомненно, перевод многих дел в электронную форму увеличит доступность граждан к различного рода документам, формам, регламентам, но увеличит ли это автоматически прозрачность бюрократического процесса, позволит ли контролировать весь ход процесса принятия того или иного решения? Очевидно, что здесь необходимо выстраивать ряд специальных механизмов, которые бы способствовали увеличению открытости и большей публичности административных процессов. Насколько можно судить на данный момент, понимание этих вопросов у китайских экспертов присутствует. Надо отметить, что с помощью новой технологии административного управления представляется действительно неплохой шанс в действительности повысить качество и эффективность работы государственных органов, снизить затраты на их содержание, и, конечно, увеличить взаимодействие между правительством и гражданами.

Процесс создания и развития электронного правительства по историческим меркам продолжается очень недолго. В 1996 г. правительственных сайтов на всей планете насчитывалось не более 50, однако уже в 2001 г. их общее количество превысило 50 тысяч⁷. Как отмечают китайские эксперты, процесс создания и построения электронного правительства проходит через четыре фазы: 1) возникновение и первоначальное развитие электронного правительства, формирование его основ. В течение этого периода правительство размещает на своем сайте законодательные акты, руководства, информацию справочного характера, при этом с гражданином не осуществляется никакого взаимодействия 2) на втором этапе граждане уже могут воспользоваться некоторыми услугами на сайте правительства: скачать некоторые бланки, формы заявлений, могут выдвигать некоторые предложения либо интересующую их информацию 3) на третьем этапе правительство и гражданин начинают осуществлять взаимный обмен информацией с помощью электронных носителей 4) на четвертом, наиболее зрелом этапе,

гражданин получает возможность оформлять все административные процедуры в электронном формате.

22 января 1999 г. правительство КНР официально обнародовало программу “Проект выхода правительства в сеть Интернет”; в этот же день были открыты официальный и вспомогательный порталы правительства⁸. С 1998 по 2002 г. (время проведения 4-й административной реформы) количество зарегистрированных сайтов в зоне gov.cn выросло с 145 до 5 864, при этом более 80% правительств провинциального уровня создали на своих страницах “рабочие окна”⁹. Это позволяет сделать вывод о вхождении китайских административных органов в целом во второй этап развития электронного правительства к моменту окончания четвертой административной реформы.

С начала 2000-х гг. китайская сторона уделяет пристальное внимание вопросу “открытости администрации”, который непосредственно связан с реализацией концепции “электронного правительства”. Как ЦК КПК, так и Госсовет прилагают значительные усилия для дальнейшего увеличения открытости управленческой деятельности. В 2000—2005 гг. был принят ряд документов, призванных обеспечить открытость процесса управления на уровне правительств всех ступеней — от волостно-поселкового до уровня правительств провинций и автономных районов. В 2002 г. были разработаны “Правила о раскрытии административной информации (проект)” и “Правила об электронной подписи (проект)”. “Правила о раскрытии административной информации” четко устанавливают принцип “раскрывать по умолчанию любую информацию, не запрещенную к раскрытию”; определяют рамки раскрытия информации и порядок ее раскрытия, права общественности на доступ к административной информации и соответствующую юридическую ответственность за нарушение данной статьи. Также учреждается должность “главного информационного чиновника”, осуществляющего управление и контроль в данной сфере. Оба закона в определенной степени способствуют формированию правового поля в данной области.

Опубликованная Госсоветом в марте 2004 г. “Программа всестороннего продвижения основанной на законе администрации” несколько более точно определяет основное содержание раскрываемой информации и необходимые меры в этом направлении: “Административные органы обязаны раскрывать правительственную информацию, за исключением информации, касающейся государственной тайны, коммерческой информации, защищенной на основании законодательных норм, и информации, касающейся частных лиц. Административные органы обязаны создавать комфортные условия для народных масс, знакомящихся с правительственной информацией”¹⁰. Для наибольшего удобства граждан и наиболее эффективного распространения правительственной информации предлагается использовать правительственные коммюнике, пресс-конференции, горячие линии и прочие медиа-средства. При этом на правительственные сайты возлагается основная задача по обнародованию правительственной информации, и их роль будет возрастать по мере развития сетевой инфраструктуры и перехода административной системы КНР к преимущественно электронному делопроизводству.

24 апреля 2007 г. премьер Госсовета Вэнь Цзябао подписал указ за № 492 — “Правила о публичной административной информации КНР”. В “Правилах” перечисляются базовые условия, в соответствии с которыми определяется, какая правительственная информация должна быть рассекречена и доступна общественности¹¹. “Правила” недостаточно точно устанавливают критерии для обнародования / закрытия тех или иных видов информации, тем не менее, они предоставляет законодательную основу, на основании которой может определяться перечень открытой информации на правительственных сайтах, а также в

других средствах массовой информации (периодические издания, газеты, журналы и др.). На основании “Правил” впоследствии можно было бы сформировать закон об открытости информации, нечто подобное закону “О свободе информации” США от 1967 г. или закону “О раскрытии информации общественных органов” Южной Кореи от 1996 г., который позволил бы установить четкие правила для обнародования / нераскрытия информации.

Дальнейшие шаги по реализации концепции электронного правительства связаны с очередной, 5-й реформой системы органов государственного управления. 1 января 2006 г. была официально запущена сеть китайского правительства, основная функция которой — создание регулярной, постоянно обновляющейся административной базы данных. Под руководством канцелярии Госсовета все комитеты и министерства Центрального Правительства, а также все региональные правительства предоставили в данную сеть большой объем административно-делопроизводственной информации. Предоставление различного рода информации из всех регионов Китая гарантирует относительную актуальность, сравнительно большой охват и достаточно регулярное обновление данной сети, что, несомненно, делает ее ценным рабочим инструментом как для административных работников, так и для граждан. Кроме того, все правительства провинций, городов, автономных округов создали и свои, локальные правительственные сети. Основным содержанием этих сетей являются официальные документы и делопроизводственная информация; сети позволяют упростить доступ к необходимой документации, отчасти автоматизировать делопроизводство (к примеру, копировать необходимую информацию в создаваемый документ вместо прежнего способа ручного ввода, использовать электронные шаблоны и т.д.), в целом повысить уровень информатизации управления¹². Создание такого электронного архива уже само по себе способно значительно ускорить как процесс ведения переписки между ведомствами, так и осуществление различного рода бюрократических процедур. Что хотелось бы отдельно подчеркнуть, информация на сайте правительства доступна не только для служебного пользования, но и для рядовых граждан. Все это позволяет правительственной странице являться основным источником информации о местном правительстве; упрощает доступ к разнородным материалам административного характера: достаточно посетить один ресурс, чтобы получить необходимую информацию по нужному региону.

В последние несколько лет наблюдался бурный рост числа правительственных сайтов. Согласно статистике информационного центра Интернета КНР на 31 декабря 2006 г. общее количество правительственных сайтов в доменной зоне gov.cn достигло 28 575 тыс., что составляет 1,6% от общего количества доменных имен. На основании этих данных многие китайские исследователи делали весьма оптимистические прогнозы относительно ближайшего развития правительственных веб-страниц. Так, к примеру, на общекитайском совещании по электронному административному делопроизводству, которое состоялось в 2006 г., было подчеркнуто, что к 2010 г. правительственные порталы станут основным каналом, предоставляющим доступ к открытой правительственной информации¹³. На данный момент можно отметить, что едва ли указанные сроки будут в точности выполнены; тому мешает как сложившаяся сложная международная экономическая обстановка, так и недостаточная завершенность информатизации управленческого процесса.

Нельзя не отметить очевидного прогресса в создании национальной китайской сети правительственных сайтов. За прошедшее время с момента начала реализации стратегии электронного правительства к концу 2007 — началу 2008 гг. в основных чертах создана единая национальная система правительст-

венных сайтов, охватывающая все регионы и ведомства, и доходящая до уровня уездного правительства. По результатам проведенного в январе 2007 г. опроса стало известно, что свои сайты создали 96,1%; количество правительств уровня провинции, создавших свои сайты, за 2 года — с 2005 по 2007 гг., выросло с 90,4% до 96,9%. На уровне городских правительств этот показатель увеличился с 94,9% в 2005 г. до 97%, значительно вырос удельный вес правительств уездного уровня — как показала выборка, он увеличился с 77,7% в 2005 г. до 83,1% в 2007 г. Общее наличие сайтов у правительств всех ступеней расценивалось в 2006 г. в 85,6%, что превосходит показатель 2005 г. на 4,5%¹⁴.

Указанный рост (при условии, что погрешность представленных данных невелика) свидетельствует о значительных капиталовложениях центрального китайского правительства в электронную инфраструктуру (оборудование и персонал) за несколько последних лет. Динамика роста количества правительственных сайтов является, на наш взгляд, положительным фактом; при этом нельзя исключать, что в ряде регионов (особенно не вполне экономически благополучных) увеличение общего количества сайтов произошло чисто механически, по разнарядке из центра, и в реальности они едва ли в ближайшее время возьмут на себя функцию практически работающих административных структур.

К 2010 г. в КНР планируется в целом завершить создание единой сети электронной администрации, покрывающей всю страну, а также создать базовые механизмы по раскрытию информации и предоставлению общего доступа к информационным источникам. Как отмечается, на данный момент уже более 50% административных разрешений может быть осуществлено в сети¹⁵. Проверить эту информацию едва ли возможно, к тому не совсем понятно, что именно имеют в виду китайские эксперты, видимо, речь идет о некой суммарной цифре и не учитывает конкретной региональной специфики, которая может значительно различаться в разных провинциях и даже уездах. Тем не менее, если этот суммарный показатель соответствует реальному положению вещей, то такое положение дел уже следует признать достаточно неплохим (даже если общекайтайский показатель изрядно завышен результатами информатизации приморских провинций).

Согласно опубликованной в марте 2006 г. “Стратегии информационного развития в 2006—2020 гг.” в ближайшие 15 лет преследуются цели постоянного улучшения электронного делопроизводства и его системы обслуживания, тесного сближения сфер социального управления и общественных услуг, более пристального внимания к Интернет-составляющей при оказании общественных услуг. На состоявшемся в 2006 г. всекайтайском рабочем совещании по электронному делопроизводству были выдвинуты 5 ключевых направлений, как заявлено, требующих коренной трансформации: 1) переход от поверхностного применения электронного делопроизводства к его дальнейшему углублению; 2) переход от распыленного создания информационных сетей к использованию обобщенных источников информации; 3) переход от одиночного использования информационных систем к взаимному использованию источников информации и совместной координации ведомств; 4) переход от перекосов в использовании информационных источников в частных интересах к использованию в интересах общественных; 5) переход от монопольного контроля и управления информационными сайтами к “выявлению общественных сил”¹⁶. Анализ вышеприведенных задач заставляет задуматься о существовании ряда проблем, с которыми столкнулось центральное правительство на данном этапе реализации концепции “электронного правительства”. Прежде всего, это, несомненно, проблема клановости бюрократических структур; бюрократия как любая замкнутая самоорганизующаяся система стремится в первую очередь к отстаиванию собственных интересов и ма-

ксимально возможному сохранению status quo. Из этого проистекают проблемы “поверхностного использования делопроизводства”, “одиночного использования информационных систем” и “монопольного контроля и управления веб-сайтами”. Переход к электронному правительству — это не просто технологическая “смена носителя информации”, не переход от печатной машинки и папок на столе к компьютеру, это технологическая революция в области управления, и, как любая революция, она несет изменения для управляющего класса — бюрократии. Анализ также показывает, что административные порталы зачастую бывают не объединены между собой, что порождает их закрытость, оторванность и, в то же время, недоступность локальной информации для более широкого круга пользователей. Согласно данным, приведенным в “Оценке эффективности работы правительственных сайтов за 2005 год” и отражающим результаты на четырех уровнях управления (комитеты и министерства Госсовета, провинциальные, местные и уездные правительства), средний балл открытости базовой административной информации (включая новостную колонку, нормативные акты и правительственные документы) превышает семь баллов (по десятибалльной шкале), оценка по глубине предоставляемой информации (включая руководство по оформлению процедур, статистическим данным и данным по ситуации в каждом из ведомств) составляет в среднем около 4 баллов. Что же касается ключевой информации административного характера, как-то: снятие и назначение сотрудников, отбор кадров, открытость финансовой и закупочной деятельности, объектов инвестиций, а также другой информации соответствующего характера, то средняя оценка составляет менее 2¹⁷. Из всего этого следует, что системе “электронного правительства” необходимо пройти через дальнейшее повышение открытости, прозрачности и качества информации, размещаемой на правительственных сайтах, что непосредственным образом связано с успехами реформы госаппарата и улучшением системы госслужащих в целом.

Следует отметить, что создание системы электронного администрирования в Китае рассматривается как важный инструмент и средство в процессе административных реформ. Как подчеркивалось в “Решении ЦК КПК по ряду важных проблем, связанных со строительством социализма и гармоничного общества”, принятом на 6-м пленуме КПК XVI созыва, создание электронного административного делопроизводства является важным шагом в строительстве сервисного правительства и общества гармонии, поскольку оно способствует увеличению открытости административных структур, информатизации общественных услуг, созданию благоприятных условий для жизни народных масс и функционирования экономических сообществ¹⁸. Таким образом, можно заключить, что создание системы “электронного правительства — это не просто конъюнктурное стремление “догнать и перегнать Запад”, а серьезная, обдуманная стратегия развития системы управления КНР в начале XXI в., ставка на новые технологии и принципы управления.

Теперь рассмотрим способы эксплуатации и обслуживания правительственных сайтов. Эта область затрагивает большое количество различных людей: госслужащих из соответствующих ведомств правительства, работников правительственных сайтов, персонал, обеспечивающий техническую поддержку, пользователей интернет-сайтов, а также всех, кто так или иначе причастен к функционированию и использованию этой системы. Собственно, работа по эксплуатации и использованию правительственных сайтов преследует только одну цель: постоянное обновление содержания веб-страниц, удовлетворение требований всех пользователей, предоставление им максимально полного пакета информации административного характера и административных услуг, способствуя, тем самым, сохра-

нению жизнеспособности сайта¹⁹. Однако для реализации этой цели необходимы активное участие и координация всех вышеперечисленных групп людей — от административных работников — до пользователей и технического персонала.

На данный момент создано три основных модели эксплуатации и обслуживания правительственных сайтов, соответственно: модель сбора информации, модель посылки информации и модель дочерних веб-сайтов. Рассмотрим их по порядку.

Модель сбора информации опирается в основном на работников правительственных веб-сайтов, которые по различным каналам собирают необходимую информацию для поддержания сайта в работоспособном состоянии. Происходит это, как правило, следующим образом: работники сайтов собирают информацию через СМИ и излагают ее в предельно сжатом виде (инфодайджесты) либо перепечатаывают и оформляют ссылку на соответствующий ресурс. При этом ведомство, которому принадлежит страница, как правило, напрямую в этом виде деятельности не участвует. Нетрудно заметить, что такая ситуация требует от работников веб-сайтов большого напряжения сил и порой, очевидно, превышает их возможности по полному и адекватному отражению разнообразной информации на веб-странице. Таким образом, в случае применения модели первого типа, авторитетность информации, публикуемой на официальном правительственном сайте, была бы не слишком высока. В этой модели обслуживанием населения (помощь в оформлении процедур онлайн и др.) занимаются также работники сайтов. В условиях недостаточной координации между работниками сайтов и сотрудниками онлайн-сервиса это чревато отсутствием системности при предоставлении общественных услуг на сайте правительства, что порождает отсутствие общепонятных стандартов, бессистемность, односторонность оказываемых услуг²⁰. Очевидно, что такая модель работы не может являться базисным стандартом при предоставлении электронных административных услуг и должна рассматриваться лишь как переходная.

Следующая модель опирается на посылку информации на сайт от каждого правительственного ведомства; в данной схеме работники сайтов отвечают за координацию и интеграцию услуг в рабочем режиме. По сравнению с вышеописанной моделью работы, модель посылки информации обладает большим плюсом: здесь присутствует разделение труда (сбор и обработку информации ведут разные люди) и кооперация между работниками сайтов и служащими ведомств. Кроме того, ведомства правительства уже непосредственно участвуют в работе сайтов, что частично решает проблему каналов поставки информации. Однако у этой модели есть и свои недостатки, они в первую очередь заключаются в том, что ведомства посылают информацию скорее более в принудительном порядке, нежели по собственной инициативе, разумеется, что при этом ни о какой активности и самостоятельности речь не идет; в большинстве ситуаций по требованию правительственного сайта проводится сортировка информации и в итоге предоставляется только ее часть, что значительно снижает информативность. Кстати из-за требования предоставлять информацию в небольшом объеме, крайне низок процент автоматизации в процессе интегрирования информации, что увеличивает риск, связанный с “человеческим фактором”, а саму работу делает трудоемкой и снижает ее эффективность. Кроме того, есть еще одно значительное неудобство, связанное с тем, что информация на сайте находится далеко от своего источника (конкретного ведомства) и это, соответственно, осложняет ее практическое применение. Как отмечается, зачастую работники сайтов берут на себя функцию посреднического звена и вводят информацию с бумажного носителя в компьютер, впоследствии публикуя ее на сайте правительства. Все эти недостатки объектив-

но перевешивают достоинства модели, вследствие чего и она не может быть признана функционально удачной.

Третья же модель, модель дочерних веб-сайтов, представляется наиболее интересной своим элегантным решением проблемы системных недостатков, присущих двум вышеописанным моделям. Модель дочерних сайтов подразумевает, что каждое ведомство создает собственный, отдельно обслуживаемый дочерний сайт. Интернет-портал правительственного сайта при этом осуществляет единый доступ к информационным ресурсам правительства, автоматически интегрируя содержание всех дочерних ресурсов. В основе этой модели лежит модель посылки информации, модель дочерних веб-сайтов развивалась на ее основе.²¹ Достоинства этой модели заключаются в том, что каждое ведомство имеет свою отдельную, самостоятельную страницу, где предоставляются услуги и публикуется информация, связанная с этим ведомством. С помощью интегрированной системы входа предоставляется возможность координировать административную работу каждого ведомства с работой сайта, что, разумеется, позволяет давать гораздо более полную и объективную информацию (по сравнению с двумя предыдущими моделями функционирования правительственных сайтов). Каждая дочерняя веб-страница может самостоятельно увеличивать объем содержания сайта и не опасаться при этом его сокращения, как в случае с использованием единой правительственной страницы по причине физического лимита ресурса; при этом главный, материнский портал обогащается новой информацией. Важно, что каждое ведомство само активно участвует в развитии правительственного веб-портала, поскольку это непосредственно затрагивает его интересы, а правительственный сайт при этом предлагает больший объем информации административного характера (из-за снятия проблемы физического хранения данных). Стоит, правда, отметить один технический момент: такая модель работы правительственных сайтов требует высокоскоростного интернета со стороны пользователя и мощных серверных станций со стороны правительства, иначе гражданин, зайдя на основной портал правительства, рискует никуда с него не попасть — просто не позволит скорость открытия дочернего сайта. Как утверждают китайские исследователи, работа по эксплуатации и обслуживанию правительственного сайта «вошла в рамки важных направлений повседневной работы для каждого ведомства в правительстве»²². На данный момент модель работы дочерних веб-сайтов уже используется многими правительственными порталами, что отражает тенденцию и направление развития электронного правительства на данный момент.

Впрочем, концепция дочерних сайтов не так уж безупречна, как может показаться; ее слабость кроется в ее преимуществе: если дочерние сайты перестанут осуществлять взаимодействие друг с другом, то структура всего правительственного портала потеряет связность, окна для предоставления сервиса и услуг окажутся неработоспособными. И в нынешних условиях не всегда удастся обеспечить бесперебойную работу окон, разрозненную же информацию окажется еще более трудно интегрировать. Дочерние веб-сайты — самостоятельная, но глубоко взаимосвязанная на внутреннем уровне структура, в которой каждый член выполняет необходимую и важную функцию, и от того, как он с ней справляется, зависит функционирование всего организма.

Существуют структурные (контроль за своевременным предоставлением информации, автоматическая интеграция данных, использование систем оценки и поощрения и др.) и технологические (создание единого регулирующего центра, обеспечение регулярного обновления и обслуживания, др.) ограничители, которые отвечают за предотвращение внутренней дезорганизации работы правительственных порталов.

Рассмотрим функционирование модели дочерних веб-сайтов на основе примера сайта Министерства коммерции КНР. На начальном этапе департамент информатизации Министерства создал при каждом департаменте и отделе дочерние сайты по единому, унифицированному образцу. При этом каждому департаменту и каждому отделению вменялось в обязанность постоянно заниматься настройкой колонок сайта, добавлением новой информации, которая впоследствии поступит на материнский сервер. Так как опыт использования модели оказался успешным, на основе длительного использования модели в Министерстве была разработана схема организации информации на сайте: “производственные единицы организуют веб-сайты, веб-сайты создают колонки (информации), (предоставляется) всестороннее обслуживание, данные сохраняются в базе данных”. Подразумевается, что каждая единица Министерства образует свой дочерний веб-сайт в рамках общеминистерской структуры. Под колонками имеется в виду суммирование всего того объема информации, что предоставляется на материнский сайт в виде рубрик: “обновление”, “политика”, “статистика” и т.д. Помимо того, планируется повысить профессиональный уровень чиновников во владении IT-технологиями, в частности, вплоть до конца 2005 г. было подготовлено около 1000 человек — сотрудников связи (из них примерно 50% составляют кадры в ранге заместителя начальника отдела)²³. “Всестороннее обслуживание” подразумевает назначение людей, ответственных за поддержание содержания новостных колонок на нужном уровне; также создаются специальные архивы документов, при этом надо отметить специфическую их особенность — они доступны не только для чиновников, но и для *широких масс*; в архиве можно прочитать необходимый документ и провести поиск (работает поисковая система) необходимой информации. В Министерстве коммерции КНР создано несколько общих архивов и 5 специализированных архивов по отраслям (внешняя торговля, инвестиции и т.д.)²⁴.

При всей привлекательности этой модели хотелось бы внести отметить, что по всем параметрам система “дочерних веб-сайтов”, равно как вся система электронного правительства, развивается на данный момент скорее в рамках административного принуждения, нежели инициативно, и стоит этому принуждению исчезнуть, как, скорее всего, приостановится развитие всей системы, а, возможно, последует и ее демонтаж. Таким образом, довольно быстрые темпы развития системы электронного правительства КНР во многом обеспечивается командно-административными методами, нежели насущной потребностью регионов (за исключением экономически успешных регионов, “локомотивов экономики”, таких, как, например, Шанхай или пров. Чжэцзян, Гуандун, Фуцзянь). С другой стороны, для системы государственного управления КНР такое положение дел следует признать скорее естественным, и в нынешних условиях едва ли не единственно возможным.

Как один из частных случаев использования концепции электронного правительства в решении повседневных административных проблем можно привести пример р-на Нанкай, г. Тяньцзиня, где был создан новый механизм “выдачи разрешений по умолчанию при превышении установленного лимита времени” (“чаоши мосю”)²⁵. Данный регион издавна сталкивался с проблемами бюрократической волокиты и крайне низкой ответственности сотрудников к исполняемым обязанностям, поэтому передовым с точки зрения реформы административного обслуживания его назвать было никак нельзя. С августа 2002 г. в данном районе стал действовать в экспериментальном порядке механизм “выдачи по умолчанию”; доказав свою эффективность, он стал официально использоваться с января 2003 г., а через год, в 2004 г., получил свое современное наименование. Суть заключается в следующем: дело, которое поступило в ведомство, занимающееся

рассмотрением и утверждением административных резолюций, и не рассмотренное в течение полагающегося периода времени, а также в *законодательном порядке* не продленное на более длительный срок для рассмотрения, признается одобренным *по умолчанию*. В основе функционирования механизма “выдачи по умолчанию” лежит программная система ОА, которая осуществляет контроль над рассмотрением дела в течение всего цикла — от принятия дела до решения по делу либо одобрения документа по умолчанию²⁶. В тот период времени, когда до окончания установленного срока на рассмотрение дела остается 1 день, система автоматически помечает данное дело галочкой красного цвета, одновременно с этим каждые 30 секунд раздается сигнал-предупреждение. Если же в течение указанного времени по-прежнему не будет предпринято определенного решения, компьютерная система данного ведомства автоматически создаст и распечатает соответствующий документ — административное разрешение с печатью данного ведомства. К виновным же ведомствам и сотрудникам будут применены адекватные меры.

При использовании данной системы значительно сокращается влияние человеческого фактора на время, необходимое для принятия того или иного решения, что позволяет установить четкие временные рамки решения вопроса. С другой стороны не совсем понятен механизм выбора этих рамок, не вполне ясно, какими критериями следует руководствоваться при осуществлении определения временных рамок по важности того или иного дела. Остается открытой и возможность фактора человеческого влияния на систему. Кроме того, встает вопрос и о самой природе принятия такого решения; насколько компетентным может считаться решение, не прошедшее соответствующую процедуру рассмотрения и одобрения, а просто получившее статус “по умолчанию”; насколько оно соответствует интересам заявителя. Вследствие этого, нельзя сказать, что система “выдачи административных разрешений по умолчанию” станет панацеей и, более того, позволит избавить общество от бюрократических процедур (хотя она и сокращает расходы на аппарат и ощутимо повышает его эффективность), скорее, это еще один контрольный механизм по исполнению решений и механизм при этом довольно мощный. Благодаря применению данной системы удалось ощутимо сократить сроки выполнения процедур; так, вместо 15-93 дней, требовавшихся ранее, скорость увеличилась до 5, 3 и 1 рабочих дня соответственно. Срок решения по обычному делу составляет 5 дней, по важному 3 дня, а особенное дело может быть решено в течении 1 дня; в случае существования специальных обстоятельств дело может быть решено на момент обращения. За новаторство и неординарный подход система “утверждения разрешений по умолчанию” получила приз за новаторство на конкурсе “Новаторство региональных правительств Китая” (2005-2006 гг.)²⁷.

Несмотря на спорность и неоднозначность этого механизма, его внедрение уже прошло во многих регионах, таких, как г. Шуаньяшань, пров. Хэйлунцзян в 2005 г., в 2007 г. она начала использоваться в гг. Ухане и Даляне, пров. Шаньси, пров. Хэбэй и др.²⁸

На данный момент перед правительством Китая стоит ряд проблем, которые требуют настоящего разрешения.

1. Проблема информационной интеграции, которая в первую очередь порождается нежеланием ведомств кооперироваться и делиться информацией, выкладывать ее в общий доступ, т.е. по сути полноценного взаимодействия между различными ведомствами правительства до сих пор не существует.

2. Проблема информационной целостности, т.е. недостаточное предоставление всего пакета услуг пользователям, неполная доступность архивов и материалов печатного характера.

3. Необходимость усиления строительства информационной структуры, что само по себе подразумевает вложение больших денежных сумм и привлечение новейших сетевых технологий, а также разработку соответствующих законодательных актов, механизмов, норм, которые должны выполнять функцию защитного механизма. Пожалуй, даже более важным здесь является законодательная часть, поскольку без должной законодательной базы даже самая технически совершенная система обречена стать заложницей бюрократической структуры.

4. Недостаточное развитие базового сетевого покрытия и системы электронных консультаций,

5. Отсутствие широко применяемой практики электронного делопроизводства.

Система “электронного правительства” есть, несомненно, новое измерение реформ госаппарата КНР, начало которым было положено в 1982 г. Пройдя через пять реформ и вступив в шестую, административная система КНР проделала нелегкий путь эволюции от управления в условиях плановой экономики с помощью командно-административных методов до функционирования в рамках социалистической рыночной экономики современного типа. За прошедшие с момента начала политики реформ и открытости 30 лет были выработаны новые стили и методы управления. Одни из последних достижений в сфере технологий управления — “электронное правительство”, которое стало возможным благодаря технологической революции, появлению новых средств коммуникации и делопроизводства. Технология “электронного правительства” позволяет сократить себестоимость административных расходов, более того, она предоставляет гражданам совершенно невиданные доселе возможности коммуникации с правительством, получения информации и новый масштаб предоставления услуг. Успешность новой стратегии развития административных органов будет во многом определяться следующими моментами: 1) выработкой новых законодательных нормативов, которые бы регулировали и регламентировали работу чиновников в “электронной сфере”, а также основы и принципы функционирования сайтов правительства. 2) сменой традиционной парадигмы сознания бюрократической элиты, переходом от преобладания политики над экономикой к противоположной модели, когда импульсы из экономической сферы будут диктовать политические решения, то есть переход к административно-управленческой модели западного типа. Вопрос, насколько последнее будет возможно в китайском обществе, с его спецификой “гуаньси-связей”, этатистскими настроениями и сильными бюрократическими традициями, остается открытым.

1. *Гудошников Л.М.* Реформирование системы государственного управления в КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 4. С. 36.
2. В 1982 г. состоялась первая административная реформа, прошедшая сначала на уровне Центрального Народного Правительства (Госсовета), в 1983 г. она распространилась на уровень местных органов власти; после основания КНР (1949 г.) и до официального начала политики реформ и открытости (1978 г.) последовательно состоялся ряд административных преобразований: в 1954, 1958—1959, 1960—1965 гг.
3. *Мамаева Н.Л.* Партия и власть: Компартия Китая и проблемы реформы политической системы. М., 2007. С. 31—32.
4. *Тао Сюэжун, Тао Жуй.* Чжунго синчжэн тичжи гайгэ янцзю [Исследование реформы административной системы Китая]. Пекин, 2006. С. 95.
5. *Дэн Сяопин Вэньсюань* [Избранные произведения Дэн Сяопина]. Пекин. Т. 2. С. 396—397.
6. *Тао Сюэжун, Тао Жуй.* Там же. С. 232.
7. Там же. С. 233.

8. <http://www.gov.cn/info.net> и <http://www.govb.cn>.
9. Тао Сюэжун, Тао Жуй. Там же. С. 233. Ср. кит. “баньши чуанькоу” — “окна для оформления формальностей”.
10. Чжунго чжэнфу ванчжань цзяньшэ юй инюн [Создание и использование интернет-сайтов правительства Китая]. Пекин, 2006. С. 83.
11. Чжэнфу гуаньли юй фуу фанши чуансинь [Правительственное управление и инновации в способах обслуживания]. Пекин, 2008. С. 17—18.
12. Там же. С. 113.
13. Там же. С. 113.
14. Там же. С. 57.
15. Там же. С. 57.
16. Там же. С. 58.
17. Чжунго чжэнфу ванчжань цзяньшэ юй инюн [Создание и использование интернет-сайтов правительства Китая]. Пекин, 2006. С. 197.
18. Чжэнфу гуаньли юй фуу фанши чуансинь [Правительственное управление и инновации в способах обслуживания]. Пекин, 2008. С. 58.
19. Чжунго чжэнфу ванчжань цзяньшэ юй инюн [Создание и использование интернет-сайтов правительства Китая]. Пекин, 2006. С. 196.
20. Там же. С. 200—201.
21. Там же. С. 201.
22. Там же. С. 202.
23. Там же. С. 205.
24. <http://www.mofcom.gov.cn/>.
25. Чжэнфу гуаньли юй фуу фанши чуансинь [Правительственное управление и инновации в способах обслуживания]. Пекин, 2008. С. 168.
26. Там же. С. 168.
27. Там же. С. 169.
28. Подробнее см.: <http://www.thebeijingnews.com/comment/shelun/2008/10-12/008@064840.htm> и <http://www.cmssc.xm.gov.cn/gb/articles/2007-04-05/news20070405091746.shtml>.

Положение женщин и гендерный вопрос в современном Тайване

© 2009

Е. Степанова

Статья посвящена изменениям в социально-экономическом и политическом положении женщин на Тайване в конце прошлого — начале нынешнего века, а также состоянию женского движения на острове и основным проблемам, которые ему приходится решать.

Ключевые слова: феминизм, гендерное равенство, финансовая независимость, образование, защита прав женщин, социально-политическая активность.

Актуальность данной темы обусловлена, во-первых, повышением роли женщин в экономической и политической жизни острова в процессе модернизации, проходившем во второй половине XX в.; во-вторых тем, что на роль женщин в тайваньском обществе, на осознание ими своего социального статуса оказывает заметное влияние глубокое втягивание Тайваня в процесс глобализации, особенно в сфере образования, культуры и информации; в-третьих, представляет интерес процесс адаптации традиционного восточного общества к ускоряющемуся социально-экономическому развитию и его возрастающей открытости внешнему миру; в-четвертых, представляется важным выявить новые социальные проблемы, с которыми сталкиваются женщины на современном этапе эволюции тайваньского общества, и пути их решения, а также основные направления и перспективы развития женского движения на Тайване; наконец, интерес для исследователя представляет сравнительный анализ изменений положения женщин в тайваньском обществе на протяжении последнего полувека в сопоставлении со странами Восточной и Юго-Восточной Азии, а также и с континентальной частью Китая¹.

1949 г. — отправная точка, когда на Тайване возникло авторитарное государство во главе с партией Гоминьдан, проводившей глубокие экономические, а с 1980-х гг. — политические реформы. В результате за 60 лет произошли огромные перемены в экономике, социальной структуре, ценностных представлениях в тайваньском обществе, что не могло не отразиться на статусе женщин, их экономическом положении и активности в общественной жизни. В ходе этих реформ Тайвань развился из традиционно сельского общества в современное урбанизованное с обновленной индустриальной экономикой, ныне входящее в постинду-

Степанова Елена Николаевна — аспирант Института Дальнего Востока РАН.
E-mail: helenstepanova@bk.ru

Статья подготовлена при поддержке Фонда Цзян Цзинго (2008г.)

стриальную эпоху. Также завершен демографический переход от высокого уровня рождаемости и смертности к низкому уровню; население характеризуется массовым возрастанием социальной мобильности; наметился значительный прогресс в уровне квалификации работников, в том числе женщин, на пути обучения высокотехнологичным профессиям. К концу XX в. Тайвань вступил в стадию индустриального общества, основу которого составляет средний класс. Столь быстрое социально-экономическое и индустриальное развитие Тайваня обусловлено, по мнению А.В. Островского, “проведением экономических реформ, начавшихся еще в 1950-е гг., в ходе которых проводились поэтапные мероприятия по стимулированию производительного труда, развитию мелкого и среднего бизнеса, повышению экспортного потенциала, а также поощрению денежных накоплений населения посредством процентной ставки на вклады. В результате уже в 1980-е гг. Тайвань построил общество “среднего достатка” (*сяокан шэцхуэй*) и по основным показателям жизненного уровня населения вышел в первую двадцатку стран и районов мира. Основные социальные проблемы Тайваня связаны “не только с быстрым экономическим ростом, обуславливающим высокий уровень урбанизации, перегруженность транспортных магистралей и рост загрязненности окружающей среды, но и с традиционно китайскими проблемами: перенаселенностью, усилением бюрократии и снижающейся эффективностью управления, относительной обособленностью от внешнего мира, связанной как с географической отдаленностью, так и с искусственной изоляцией, созданной руководством КНР”².

Экономическое развитие острова объективно способствовало повышению социоэкономического и политического статуса женщин. Индустриализация принесла им возможность быть занятыми вне дома, что ослабило оковы патриархальных норм и повысило интерес женщин к сфере общественной деятельности, вплоть до участия в политике.

Рост общественно-политической активности женщин в модернизирующемся обществе неизбежен уже потому, что индустриализация сама по себе несет с собой преодоления неравенства полов в сфере занятости и в общественной жизни в целом. Так, изучение западных индустриальных обществ обнаружило, что, несмотря на быстрый рост участия женщин в трудовом процессе, гендерная сегрегация на рабочем месте оставалась почти повсеместным явлением, проявлявшимся в использовании женщины на “вторичном рынке труда”, на низкооплачиваемых работах со слабыми возможностями карьерного роста, при отсутствии профессионального обучения, предоставления специальных знаний и квалификации. Если классические социологическая и экономическая теории объясняли гендерную сегрегацию причинами индивидуальных характеристик женщин или предпочтений работодателя, то новые “институциональные” подходы ставят акцент на структуре рынка труда внутри обществ, где доминируют патриархальные социальные и капиталистические экономические ценности. При изучении положения женщин в развивающихся странах также было обнаружено, что индустриализация порождает значительный гендерный разрыв в социоэкономическом статусе. Более широкая институциональная теория объясняет гендерную сегрегацию в продвинутых индустриальных обществах на основе “тезиса маргинализации женщин”, согласно которому в результате индустриализации развивающегося мира будет снижаться социальный статус женщин, ограничиваться время пребывания женщин дома, им уготовано подчиненное положение на работе и участь быть трудовым резервом³. Гендерная сегрегация подразделяется на

горизонтальную и вертикальную. Первая относится к различным секторам экономики, где женщины и мужчины заняты непропорционально к общему числу работников. Вторая предполагает стратификацию по “рангу” в производственной иерархии.

Женская маргинализация проявляется жестче в конфуцианских обществах (таких как тайваньское), где женская подчиненность внутри традиционной семьи наиболее ощутима⁴. Как отмечает Ширли В. Ю. Го в книге “Экономическая политика Тайваня. Тайваньский опыт 1945—1995”⁵, традиционное разделение труда между мужчинами и женщинами на острове состояло в том, что мужчина зарабатывал на жизнь, тогда как женщина вела бесплатно домашнее хозяйство (исключение составляло земледелие). За последнее время в современном тайваньском обществе привычная картина поменялась. Все большее число женщин покидает домашний очаг и приходит в экономику, хотя об отсутствии дискриминации в таких сферах как социальный статус, образование, профессиональное обучение и продвижение по службе говорить рано. Подобное положение обусловлено тремя группами факторов: материнским долгом; традициями и культурой, ориентированными на мужчину; дискриминацией женщины в таких сферах, как обучение, профессиональная подготовка и служебная карьера. Чтобы переломить существующие тенденции, обществу необходимо осознать важность “женского” вопроса и признать его актуальность. В настоящее время женщина стремится играть активную социальную роль — и не только для того, чтобы зарабатывать деньги и улучшать материальное положение: она нуждается в признании ее социально значимой личностью, вне зависимости от ее принадлежности к “слабому полу”.

40 лет назад, когда значительная часть населения страны была занята в сельскохозяйственном секторе, а высшее образование не была так распространено, как сегодня, доля женщин в составе рабочей силы была относительно высокой. По статистике на ноябрь 2008 г., уровень их занятости составлял 49,83% (при 67,06% занятости мужчин), в том числе в сельскохозяйственном секторе из 538 тыс. занятых 166 тыс. составляли женщины. Пик женской занятости приходится на возраст 25—29 лет, но все более снижается уровень занятости женщин в возрасте после 29 лет. Для сравнения, по данным за 2006 г., из 10,5 млн чел. занятого населения Тайваня 4,5 млн (42,4%) составляли женщины, а из 7,6 млн незанятого населения женщины составляли 4,7 млн (61,6%). Уровень занятости женщин возрос на 3,73% по сравнению с 2002 г. (3,9 млн) и сейчас он выше, чем в Японии, но немного ниже, чем в Южной Корее. Трудовая занятость женщин стабильно растет, среднемесячные заработки женщин-работниц в несельскохозяйственном секторе выросли с 32 тыс. новых тайв. долл. в 1997 г. до почти 39 тыс. (в среднем, учитывая карьерный сегмент) в 2007 г. — то есть выросли на 22,2% и составили 79,2% относительно заработка мужчин (48,7 тыс. тайв. долл.) По последним данным отчета Совета по труду, на 18,36% предприятий сохраняется дискриминация в оплате труда женщин. Все возрастающее число женщин становится служащими. Так, за последние годы, по данным Экзаменационного Юаня (2007), они составляют 37,26% из общего числа служащих (336 842 чел.)⁶.

В современном Тайване женщины по сравнению с мужчинами в меньшей степени участвуют в жизни общества и имеют меньшие экономические возможности. До некоторой степени это можно объяснить большей “биологической нагрузкой” женщины, многовековыми культурными традициями, а также неравными правами в сфере образования, повышения квалификации и продвижения

по службе. В настоящий момент меньше женщин (1,8%) работает в качестве избранных представителей, директоров предприятий и управленцев, чем мужчин (6,5%)⁷.

Еще один фактор улучшения социального статуса женщин на острове — их участие в производстве. Произшедшее в ходе индустриализации Тайваня быстрое приумножение предприятий по производству разнообразной продукции, представленных как фирмами с тысячами рабочих, так и семейным бизнесом, обеспечили множеству молодых женщин возможность заработка, которые ранее были им недоступны. Зарабатывание женщиной денег влечет изменение ее статуса внутри семьи и осознание ею этого статуса. Обусловленные экономической необходимостью эти изменения оказывают непосредственное влияние на жизнь женщин — даже в большей степени, чем сам по себе доход⁸. Все больше женщин рассматривают работу на предприятии как средство для получения образования (обычно высший уровень школы). Некоторые женщины воспринимают ее прежде всего как возможность покинуть родительский дом. В целом же можно сказать, что вне зависимости от удовлетворенности работой на предприятии, она обеспечивает многим женщинам процесс социализации, начинающийся с раннего детства в семье, далее — посредством образования, воздействия средств массовой информации, участия в различных социальных группах, а также через участие некоторых из них впоследствии в общественно-политической жизни и через иностранную культуру.

В результате получения образования, в том числе высшего, за последнее десятилетие переобозначилась социальная роль тайваньских женщин, так как все больше их пополняют кадры работников, конкурируют с мужчинами за рабочие места и становятся материально независимыми (в настоящее время более половины тайваньских женщин имеют регулярные заработки и помогают содержать свои семьи). Положение женщин в сфере образования характеризуют следующие цифры. В конце 2001 г. они составляли 47,78% студентов университетов и колледжей, тогда как 20 лет назад эти цифры были 37,27 и 36,45% соответственно. Количество женщин, окончивших университет, колледж и школу, увеличилось за 20 лет на 50%⁹.

Количество женщин, получивших образование на Тайване (тыс. чел.)

Высшее и послевузовское образование	1998-1999 уч. г.	2006-2007 уч. г.
Начальные колледжи	53	16
Колледжи и вузы	84	147
Студенты начальных колледжей	452 346	153 978
Студенты колледжей и вузов	463 575	1 160 015
Студенты с незаконч. высш. образованием	43 025	163 585
Аспиранты	10 845	29 839

Источник: Министерство образования Тайваня¹⁰

При сопоставлении статистики, характеризующей положение женщины в тайваньском обществе за 1990—2000 гг., обнаруживается преобладание женщин среди студентов. Число женщин с высшим и университетским образованием оставалось в 2006 г. на том же уровне, что и в 1996 г. А вот среди преподавателей вузов женщин заметно меньше, чем мужчин. В 2006 г. среди преподавателей, работающих на полную ставку в университете или колледже, женщин было лишь

около 30%, среди профессоров — 16,3%, среди доцентов — 26,9%, ассистентов профессоров — 31%¹¹.

Улучшения в образовании и доходах женщин в свою очередь повлекли изменения в состоянии института брака и в динамике разводов. Пока точно неясно, какой механизм может связывать образование с браком или разводом. С одной стороны, существует очевидная взаимосвязь между образовательным уровнем женщины и вероятностью того, что она отложит брак и будет работать где-то вне семейного бизнеса. Однако неясно, что именно в образовании обеспечивает социальную мобильность: навыки, знания, информированность или изменившиеся индивидуальные стремления¹².

Женщинам в настоящее время, которые впервые вступают в брак, в среднем около 26,4 года (в 1990 г. было 25,8 лет). Продолжает снижаться количество браков. Многие женщины — особенно в возрасте моложе 21 года — откладывают замужество. Все больше женщин остается вообще незамужними. В наибольшей мере эти изменения обусловлены окрепшей экономической самостоятельностью женщин, а также их возросшей уверенностью в себе, каковую подкрепляет новая ситуация на рынке труда. Данные, обнародованные Департаментом населения при Министерстве внутренних дел, указывают, что за последние 25 лет уровень разводов на Тайване вырос более чем в 4 раза¹³.

Другая важная тенденция в институте брака относится к формам его заключения и к практикуемому типу. Браки больше не устраиваются семьей или третьими лицами. Предпочтительная структура брака сейчас — семья, содержащая “ядро” — мать, отец и ребенок, в противопоставление ранее популярным расширенным и родовым структурам. Женщины все чаще заключают браки с мужчинами со схожим уровнем образования, а не с теми, чье образование ниже или выше¹⁴.

Хотя уровень разводов на Тайване пока еще низкий по сравнению с современными западными обществами, проблема становится критической. Низкие уровни количества разводов наблюдались в период с 1946 г. до поздних 1960-х гг., что было связано с общим презрительным отношением общества к разводам. Обычно женщины разводились по причине неверности супруга. Однако с возросшим участием в трудовом процессе женщины получили больший доступ к информации и идеям об альтернативных образах жизни. Таким образом, они имеют и знания, и финансовую независимость для того, чтобы выбраться из дисфункциональных семей. По статистике, рост с 500 до 600 ежегодного количества рабочих часов у женщины увеличивает риск развода на 1%¹⁵. При этом женщины все еще сталкиваются с социальными и правовыми препятствиями при разводе. Несмотря на внесенные в 1980—1990-е гг. изменения в законодательство, уравнивающие в правах разведенных женщин с мужчинами, тайваньское общество все еще мало симпатизирует разведенным женщинам. В ответ на это были организованы группы взаимопомощи, как например, Ассоциация комфортной жизни для женщин.

Все вышеперечисленные изменения привели к тому, что в последнее время, как отмечает Е.В. Бирюлин, рождаемость на острове упала до рекордно низкого уровня. Это явление пока, казалось бы, нельзя отнести к самым важным текущим угрозам, но оно серьезно угрожает благосостоянию населения острова в перспективе¹⁶. В то же время прослеживается зависимость между уровнем материального благосостояния женщины и количеством рожденных ею детей. В 2006 г. замужние женщины от 15 лет и старше, не имеющие собственного дохода

(включая членов семьи, не получающих какого-либо содержания, безработных, незанятых) в среднем родили 2,96 ребенка. Число рожденных детей уменьшается с ростом дохода матери. Те, у которых доход составляет более 60 тыс. тайв. долл., произвели на свет 1,83 ребенка. Эти две цифры (2,96 и 1,83) уменьшились на 0,29 и 0,34 соответственно по сравнению с данными за 1993 г.¹⁷

Социально-политические принципы Тайваня, в значительной степени ориентированные на нормы западной демократии, относят решение задач семьи и ее численных характеристик непосредственно к индивидууму. Навязывать кому-то решения такого рода непродуктивно. Однако, с другой стороны, означенная позиция не дает ответа на вопрос о роли государства в решении данной проблемы. Должно ли государство воздействовать на такие решения, может ли оно реально воздействовать? Результаты такого “либерализма” весьма неутешительны. Например, к началу нового учебного года в сентябре 2006 г. в большой начальной школе г. Фули (уезд Хуалянь), основанной более 50 лет назад, впервые не оказалось ни одного вновь поступающего ученика. И это не единственный пример. В последние годы из-за отсутствия учеников пришлось закрыть ряд начальных школ, включая известную на весь остров продвинутую школу “Юйгуань” в Тайбэе. В 2005 г. на Тайване появилось на свет в общей сложности 206 тыс. новорожденных, что на 4,9% меньше аналогичного показателя 2004 г. Коэффициент рождаемости на острове при этом составил только 0,91%, став рекордно низким за всю историю острова¹⁸.

Наряду с резким падением рождаемости на Тайване в последние годы наблюдается неожиданно резкое возрастание детской смертности. Впрочем, по данным на 2007 г. наблюдается снижение уровня смертности новорожденных детей до года и младенцев (моложе 4 недель) соответственно на 2,9 и 4,7 на 1000 чел. С 1970-х гг. неуклонно сокращается численность населения в возрасте от 0 до 14 лет. Количество женщин детородного возраста также имеет тенденцию к уменьшению с 2001 г., а общий рост численности населения остается на одном и том же уровне. Когда сегодняшняя молодежь вступит в фазу детородного возраста, рост численности населения прекратится и будет отрицательным. По оценкам Совета по экономическому планированию и развитию Тайваня, население страны достигнет пика в 2018 г. и далее будет снижаться. Показатель уровня рождаемости на Тайване составил 1,23 ребенка на одну женщину в 2003 г., поэтому Тайвань относится к числу стран и районов с самым низким уровнем рождаемости. Еще более низкий уровень — 1,12 был зафиксирован в 2006 г.¹⁹

Население Тайваня

- в 1905 г. — 3,12 млн ;
- в 1945 г. — 6,62 млн ;
- в конце ноября 2008 г. — 23 027 672 чел.;
- коэффициент прироста населения на Тайване в 1957 г. — 3,5%;
- в 1982 г. — 1,8%;
- в 2006 г. — 0,47%;
- пик населения — 23,23 млн (нулевой прирост) будет достигнут в 2018 г.;
- сокращение численности населения на 4 млн до 18,6 млн ожидается в 2051 г.

Источник: Министерство внутренних дел²⁰.

Среднее количество детей, рожденных женщиной в ее детородный период на Тайване (TFR—the total fertility rate)

- 5 в 1960 г.
- 2 в 1980 г.
- 1,12 в 2006 г.
- Для сравнения:
- 1,3 в 2006 г. — Япония, Сингапур, Испания, Италия
- 1,9 в Франция
- 2 в США

Источник: *Министерство внутренних дел*²¹.

Падение уровня рождаемости на Тайване обусловили следующие проблемы:

- 1 — уменьшение числа замужних женщин;
- 2 — негативное отношение женщин к замужеству и материнству;
- 3 — поздние браки становятся нормой;
- 4 — возросли расходы на заключение брака, ведение совместного хозяйства, воспитание детей;
- 5 — низкая социальная поддержка семей;
- 6 — возросшие расходы на образование молодежи, которые становятся непосильными для большинства населения.

Рассчитывая радикальным образом переломить неблагоприятную тенденцию, правительство Тайваня разработало новую социальную политику, предусматривающую стимулирование более активного деторождения в семьях под девизом — “больше малышей во имя национального благосостояния”. Но современные тайваньцы все чаще говорят “три нет в семейной жизни” — не вступать в брак, не заводить детей и не воспитывать детей. Департамент поддержки здоровья населения теперь ежегодно проводит опрос не состоящих в браке граждан в возрасте от 20 до 39 лет по поводу их намерений создать семью. Налицо тенденция постоянного роста числа граждан, решительно отвергающих намерение вступать в брак. Так, в 2005 г. число отрицательных ответов выросло по сравнению с 2004 г. на 16%, достигнув почти четверти опрошенных²².

Стремясь повысить уровень рождаемости, правительство в лице Исполнительной палаты объявило о введении новых субсидий семьям с низким и средним доходом. С 2000 г. дети до 5-ти лет, посещающие частные детские учреждения, получают ежегодную стипендию 10 000 тайв. долл. Начиная с 2007 г. женатая пара, где оба родителя работают — если их совокупный годовой доход не превышает 600 000 тайв. долл. (18 270 долл. США) — имеют право на бесплатное посещение их ребенком детского сада. Дети с замедленным умственным или физическим развитием также получают помощь для лечения на ранней стадии и для получения образования.

В свое время правительство добивалось “улучшения” социально-экономической структуры производства, и в этих целях большие массы населения были перемещены из сельской местности в города, что и стало одним из важнейших факторов низкой рождаемости, а отправить переселившихся обратно в деревню теперь невозможно. Надежды на иммигрантов (каковые обеспечивают относительно высокий уровень рождаемости в США и во Франции) на Тайване не реализуются. На острове насчитывается 210 тыс. замужних женщин, иммигрировав-

ших из Восточной Азии. Самые высокие показатели рождаемости у вьетнамок — 1,5 ребенка в семье, что тоже не соответствует желаемой норме, у китайок из континентального Китая — всего 0,9, т.е. заметно ниже показателя 1,2—1,3 для тайваньских женщин²³.

В июне 2006 г. правительство Тайваня интенсивно обсуждало демографические тенденции, сосредоточив внимание на мерах, могущих принести материальные выгоды тем, кто обзаводится детьми. В первую очередь потребовалось изучить, что именно сами граждане хотели бы изменить для облегчения проблем, связанных с рождением и воспитанием ребенка. По мнению специалистов, это — устранение всякой дискриминации на работе по отношению к тем, кто обзавелся детьми, создание благоприятного климата на рабочем месте для молодых матерей, возмещение возможных материальных потерь матерей. Кроме того, семьям с низкими доходами правительство должно сверх этого предоставлять субсидии на содержание няни или на ежедневный уход за ребенком. В дополнение к материальным выплатам по линии работы необходимо предпринять определенные усилия для улучшения качества воспитания детей, их занятий после окончания уроков и решения жилищных проблем, с которыми родители не в состоянии справиться сами. Профессор Линь Ваньи предупреждает о недопустимости экономить средства на демографических программах, ибо это — важнейшее вложение будущее Тайваня²⁴.

В настоящее время на Тайване активно обсуждается проблематика конкретного планирования семьи — какое количество детей является оптимальным, в каких случаях оправдано решение вообще не заводить детей и прочие “количественные” факторы демографии. Дети сводятся к уровню дорогостоящих бытовых вещей — личных автомобилей, видеомагнитофонов, телевизоров, холодильников и т.д. Тайваньские специалисты едины в необходимости однозначно признать, что вопрос демографического планирования лежит в плоскости личного свободного выбора конкретного человека и конкретной семьи. Однако за такой формулировкой часто скрывается нежелание некоторых государственных инстанций принимать на себя ответственность за решение тяжелых социальных проблем²⁵.

С другой стороны, принимая во внимание, что старение населения влияет на экономику (сокращение числа налогоплательщиков) и обороноспособность как следствие, правительство предпринимает попытки решения проблемы, продвигая новую политику в сфере народонаселения, нацеленную на дальнейшую популяризацию следующих методов решения демографических вопросов:

- улучшение качества жизни посредством образования;
- усиление мер по улучшению обстановки, способствующей вынашиванию ребенка и помощи ребенку;
- медицинская помощь в до- и в послеродовой период;
- медицинская профилактика;
- установление понятно действующей социальной системы поддержки;
- дальнейшие меры по защите окружающей среды;
- устойчивое развитие;
- формирование соответствующей иммиграционной политики.

В последнее время происходит усиление защиты прав женщин, расширение государственной помощи им. Был создан ряд соответствующих учреждений. Городские правительства утвердили специальные бюджетные статьи по женскому вопросу. Многие местные правительства помогают женщинам довести до общественности гендерные вопросы, обеспечить им медицинскую, юридическую, психологическую, образовательную, финансовую и профессиональную помощь.

При финансовой помощи Министерства внутренних дел в 1998 г. был учрежден Фонд защиты и усиления прав женщин. Одна из основных его задач — изучение и пересмотр законов, касающихся женщин, и разработка инструкций для подготовки правительством новых законов. Было образовано 46 общеобразовательных центров для предоставления юридических услуг, повышения квалификации, проведения семинаров и т.д.²⁶

В мае 2000 г. правительство обнародовало законодательный акт о помощи семьям женщин, находящихся в трудном положении. Финансовая помощь им включает жизненно необходимые субсидии, медицинские страховки и детсадовские дотации. Органы власти любого уровня предоставляют женщинам помощь в подаче судебных исков. В соответствии с этим документом Министерство образования предлагает субсидии выпускникам вузов, чьи матери неожиданно оказались в трудной жизненной ситуации. Совет по трудовым делам также предоставляет кредиты под низкий процент для этих женщин, чтобы они смогли начать свой собственный бизнес. Анализ кредитов, выданных молодым предпринимателям для этой цели, показывает, что они составили лишь 20% по сравнению с числом кредитов, предоставленных мужчинам²⁷.

В июне 1998 г. был обнародован Закон о предотвращении домашнего насилия. В соответствии с его положениями учрежденный в апреле 1999 г. Комитет по предотвращению сексуального насилия при Министерстве внутренних дел работает с больницами, адвокатскими фирмами, полицейскими участками и частными социальными организациями в целях создания сети защиты женщин. Предлагаемые услуги включают юридическую помощь, консультации, экстренный приют.

В 2006 г. количество зарегистрированных жертв домашнего насилия составило 38 354, из них — 92,9% — женщины, остальные — мужчины (в основном жертвы запугивания, тяжких телесных повреждений, похищения). Число жертв, обращающихся за помощью (а это в основном супруги, в т.ч. разведенные) за последние годы возросло. Число зафиксированных случаев в 2002 г. составило 26 329, в 2006 г. — 38 354 случая.

Комитет по предотвращению домашнего насилия помогает окружным и городским правительствам повсеместно открывать центры по предотвращению домашнего насилия. Таковые были открыты при 25 окружных и городских правительствах. В конце 2008 г. были открыты 18 центров при районных судах, которые предоставили услуги 277 600 чел. С 2003 г. по 2008 г. 1 029 142 чел., жертвы насилия, получили субсидий на общую сумму 590 714 212 тайв. долл. Все ресурсы юридических, полицейских, медицинских, образовательных и волонтерских организаций интегрированы в эффективную систему профилактики. Были распространены брошюры по вопросам насилия в семье и указания по организации информирования общественности о возможной помощи со стороны правительственных ведомств. По причине возрастающего числа браков с иностранными гражданами и с жителями материкового Китая МВД рассмотрело мнения соответствующих правительственных ведомств и организовало специальное обсуждение, посвященное подготовке мер по решению проблем домашнего насилия в смешанных семьях²⁸.

Демократизация Тайваня сопровождалась постепенным, но неуклонным расширением политического участия женщин, использовавших различные стратегии по улучшению своего политического статуса. Успех женщин в тайваньской политике имеет политические и социокультурные основания. Политические реформы проводились постепенно, тамошнюю демократизацию можно рассматривать как трехступенчатый процесс, протекавший на протяжении почти 40-летнего периода.

В 1950—1960-х гг., когда власть была сконцентрирована в руках выходцев из континентального Китая, местные выборы представляли собой соревновательный процесс между местными фракциями и политическими группами преимущественно в рамках правящей партии Гоминьдан. Политические репрессии сдерживали оппозицию, но местные выборы создали ценное основание для будущей реформы по двум причинам: во-первых, они стали законным и упорядоченным соревновательным процессом; во-вторых, политические фракции и политические группы китайцев, обитавших на Тайване в нескольких поколениях, были интегрированы в нижние уровни режима.

Далее, период реформ Цзян Цзинго с момента его премьерства (1972 г.) отразил политику постепенной либерализации, которая включала расширение роли выборной политики, поднявшей больше островитян и образованных технократов на позиции высокого уровня, и создавшей более открытую оппозицию. Это последнее было важно, т.к. допускало формирование групп активистов борьбы за права человека и социальных движений, начавших оказывать значительное давление на режим.

Наконец, третий этап был связан с демократическими реформами, с признанием в 1986 г. Демократической прогрессивной партии (ДПП). До этого формирование новых партий не допускалось по Указу о чрезвычайном положении, введенном в 1950 г. (хотя не-гоминьдановцы могли участвовать в политической жизни в качестве независимых кандидатов). В 1987 г. этот Указ был отменен, “верховным законодателям”, выбранным от избирательных округов континентального Китая в конце 1940-х гг. и обеспечивавшим Гоминьдану гарантированное большинство в Законодательном юане и в Национальной ассамблее, пришлось уйти в отставку, были сняты запреты на создание новых политических партий и открытие новых печатных органов.

Общественные движения на Тайване шли тремя волнами, каждая из которых отражала важную стадию в процессе перехода острова от элитизма к гражданскому обществу. Первая волна организованных социальных выступлений пришлась на период между 1980—1986 гг. — до отмены военного положения в июле 1987 г. За годы “первой волны” сформировались 7 самостоятельных движений, в том числе женское. При этом были образованы Комитет по правам женщин, Комитет по предотвращению насилия в семье, Комитет по защите женщин от сексуального насилия, Отдел по благосостоянию женщин при Департаменте по социальным проблемам при МВД, Фонд защиты и укрепления прав женщин, финансируемая правительством некоммерческая организация, основанная в 1998 г., Ассоциация комфортной жизни для женщин.

В 1982 г. Гу Яньлин и группа ее единомышленников, выступавших за равноправие мужчин и женщин, основали журнал “Функой синчжи” (“Пробуждение женщин”), с помощью которого стремились способствовать формированию женского самосознания и привлекать внимание общественности к проблемам женщин. Позднее, в 1987 г. в целях более широкого привлечения женщин к общественным делам, улучшения их социальных условий и защиты их прав и интересов они учредили фонд “Пробуждение”. Ныне женщины занимают значительное число постов в правительстве, также занимают лидирующие позиции в некоторых общественных движениях, борющихся за права человека.

Женщины заняли ведущее положение в оппозиционных структурах, при этом они удерживали значительное число законодательных мест во времена авторитаризма — эта комбинация позволила женским организациям одновременно проводить работу “внизу” и “наверху”. Благодаря историческим условиям, сло-

жившимся на острове, женщины оказались на переднем крае оппозиционного движения в ключевой момент, когда конфронтация с режимом привела к процессу глубокой политической либерализации. Женщины были также допущены к лидирующим позициям в различных социальных движениях, которые стали распространяться в конце 1970—1980-х гг., в результате ослабления авторитарного политического контроля. Эти два феномена помогли значительному числу женщин подготовиться для лидирующих ролей в тайваньской оппозиции.

Чтобы понять, как женщины получили возможность обрести эти позиции, нужно проследить историческую эволюцию политической оппозиции режиму Гоминьдана. Когда правительство Чан Кайши прибыло в 1949 г. на Тайвань, оно подавляло всех подозреваемых в поддержке китайских коммунистов или тайваньских националистов, но мирилось с “демократической” оппозицией, состоящей изначально из интеллигентов, покинувших континентальный Китай. Попытки демократической оппозиции объединиться с политиками острова и образовать оппозиционную партию тоже преследовались — лишь незначительная открытая оппозиция допускалась на протяжении 1960-х гг. С началом политической либерализации постепенно возникла оппозиция (*дан-вай*), молчаливо отстаивавшая демократию и тайваньский национализм, открывалось пространство для политического диссидентства. Однако после инцидента с разгоном большой демонстрации в Гаосюне в декабре 1979 г., за которым последовали аресты и заключение в тюрьму главных оппозиционных лидеров, женщины — родственницы политзаключенных стали символическими лидерами *дан-вай*, выступив в качестве политических активисток. В обстановке репрессий им не оставалось иного, как баллотироваться кандидатами на посты в общественные учреждения. Отсутствие мужчин в оппозиционном лидерстве по причине их арестов заставило женщин взять на себя большую ответственность за оппозиционное движение. Они рассматривали выборы как символические и использовали выборные платформы как политические форумы для демонстрации негодования против политического преследования оппозиции Гоминьданом. Голоса в их пользу рассматривались как выражение симпатии заключенным лидерам, солидарность против несправедливости. Выборы 1980 г. стали водоразделом в истории оппозиционного движения, когда две жены защитников Гаосюна провели удачные кампании. Выбранным кандидатам удалось продвинуть демократию с помощью создания Демократической прогрессивной партии (ДПП).

После отмены в 1987 г. режима чрезвычайного положения лидеры-мужчины, выпущенные из тюрьмы, вновь обрели контроль над различными фракциями в ДПП²⁹, и проблема женского движения отошла в деятельность этой партии на второй план. К тому же, глубоко патриархальная политическая культура Тайваня создавала значительный барьер для женщин в осуществлении таких нетрадиционных карьер, как политическая. Тем не менее, в партии оставались женщины — политические активистки, использовавшие свои прежние достижения в качестве трамплина. В 1996 г. ДПП удалось выдвинуться при поддержке женщин на первый план именно благодаря тому, что она одобрила предложение выдвинуть в кандидаты на национальных выборах 25% женщин.

В период “жесткого авторитаризма” с конца 1940-х гг. до середины 1970-х существовали различные женские организации, официально созданные правящим режимом. Они представляли собой консервативные социальные и профессиональные организации, поддерживавшие *status quo* и воздерживавшиеся от вызовов патриархальной культуре Тайваня. Сиу-льен Аннет Лю (Hsiu-lien Annette

Lu) начала движение феминисток на Тайване выступлением в 1972 г. в Международный женский день и публикацией в 1974 г. книги под названием “Новый феминизм”, в которой описывается западный феминизм.

Эта книга содержит историческое видение позиции женщин в китайском обществе, и доказывает, что значительное гендерное неравенство все еще существует на Тайване. Хотя автор стремилась не обострять свой анализ и аргументы, режим быстро увидел в ее ветви феминизма угрозу “социальному порядку” острова, поскольку она противоречила политике, нацеленной на сохранение патриархальной традиции. Фонд Нового пробуждения женщин, образованный в 1982 г., продолжил работу Лю в 1980-х гг. (когда она была в тюрьме), оставаясь единственной женской группой, открыто продвигавшей феминизм и права женщин вплоть до отмены военного положения, произошедшего в конце 1980-х гг. Хотя Конституция в то время гарантировала гендерное равенство, многие законы военного времени дискриминировали женщин, особенно закон о собственности (не дававший замужним женщинам экономической самостоятельности).

Начало демократизации Тайваня в конце 1980-х гг. открыло широкие возможности как для деятельности феминисток, так и для образования новых независимых женских организаций. “Новый феминизм” Лю нашел свое продолжение. В 1986 г., например, был создан Домашний союз, который выступал в защиту окружающей среды и занимался широким спектром социальных вопросов³⁰.

Стабильно росло женское участие в проведении официальных выборов. В 2006 г. женщина впервые стала мэром второго по величине города Гаосюна, женщины выиграли высокий процент мест на выборах членов городских советов Тайбэя — 37% и Гаосюна — 36%, в провинциальных и городских советах — 26% (2005) и т.д. В целом процент женщин, выигравших на выборах мэров городов и глав администраций уездов, сравнительно мал, 9% и 8% соответственно (2005). Женщины не победили на президентских выборах (2004) и выборах в мэры Тайбэя (2006). В 2008 г. женщин-законодателей насчитывалось 30,09% от всех избранных (34 из 113). По сравнению с предыдущими выборами их число возросло на 21%. В президентских выборах принимало участие 77,65% женщин-избирательниц — немного больше, чем мужчин³¹.

20 мая 2008 г. вновь избранный “Президент Китайской республики” Ма Инцзю принимал присягу в новом кабинете, основанном на критериях “интеграции, соревновательности и опыта”. Почти четвертая часть членов кабинета — женщины. В демократическом цикле вновь избранное правительство привнесло надежды на новый старт и прогресс по пути решения долгосрочных проблем, преодоления долгосрочных политических и экономических трудностей³².

В заключение можно отметить, что в целом женщинам на Тайване удалось заметно повысить свой социальный и экономический статус — главным образом, благодаря собственным индивидуальным усилиям и организованному движению за освобождение женщин. В результате борьбы за равенство возможностей и прав и за справедливое распределение национального богатства женщины добились немалых успехов и уже не являются группой, подвергаемой дискриминации. Однако, несмотря на эти достижения, женское движение имеет не слишком добрую репутацию в тайваньском обществе. Главное недоразумение здесь сводится к мнению, будто женское движение стремится расширить права женщин за счет мужчин, хотя в действительности цель феминизма состоит в том, чтобы общество лучше понимало проблемы и нужды женщин, а отношения между полами строились на основе равенства.

Гендерные вопросы стали в тайваньском обществе частью национального процесса демократизации и либерализации. Больше возможностей предоставляется женщинам благодаря широкому доступу к получению высшего образования, достижению финансовой независимости, предоставлению им большего социального пространства. Многие женщины переопределяют роль брака в своей частной жизни, стремясь обладать большим равенством в браке. Если не добиваются этого, то предпочитают оставаться одинокими, создать семью позже или развестись в случае несчастливого брака. Принцип гендерного равенства — равные права мужчин и женщин — постепенно укореняется в тайваньском обществе. Женщины требуют равноправия не только на рабочих местах, но и в браке и в доме³³. В будущем активистки женского движения, вероятно, сосредоточат свои усилия на борьбе с дискриминацией женщин на рабочих местах³⁴.

1. О положении женщин в КНР см.: *Почагина О.В.* Модели семейной организации в Китае и на Филиппинах. М., 1997.; *Почагина О.В.* Новая редакция закона КНР о браке // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 3. С. 22—33; *Почагина О.В.* Китайская молодежь: отношение к семье и браку // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 6. С. 109—124; *Манухина О.В.* Институт семьи и брака в Китае в период реформ и открытости (исторический аспект). Автореф. дис. М., 2007. С. 3—12.
2. *Островский А.В.* Тайвань накануне XXI века. М., 1999. С. 63—67.
3. *Chou Bih-er, Clark C., Clark J.* Women in Taiwan Politics. Overcoming Barriers to Women's Participation in a Modernizing society // Lynne Rienner publishes. 1990. P. 33—96, 103—108, 187—195.
4. *Ibid.* P. 33—96, 103—108, 187—195.
5. *Го Ш. В. Ю.* Экономическая политика Тайваня, 1945—1995. М., 1999. С. 76—85.
6. *Taiwan Review.* 2008. Vol.58, № 1; CEDAW. Convention on the Elimination of all Forms of Discrimination Against Women // Initial Report of Republic of China (Taiwan)/ 2009. 27 March. P. 197—199, 210.
7. См.: *Го Ш. В. Ю.* Указ. соч. С. 76—85; CEDAW. Convention on the Elimination of all Forms of Discrimination Against Women... P. 174.
8. Об отношении женщин к работе см.: *Wolf M.* A Thrice-Told Tale: Feminism, Postmodernism, and Ethnographic Responsibility -1992 Stanford, 1992. P. 184—211.
9. *Taiwan Yearbook 2003*, published by the Government Information Office. P. 233—249.
10. *The Republic of China Yearbook.* Ch. 17. — <http://www.gio.gov.tw/taiwan-website/5gp/yearbook/ch17.html#InternationalEducationExchanges>.
11. 2008 Images of Women. pdf-Adobe Reader. Ch. 5.(statistics)
12. *Celia R.M.* Development and demographic change in Taiwan (1945—1995) // *World of Science.* 2004. P. 10—41.
13. *Taiwan Yearbook 2008*, published by the Government Information Office. Ch. 14, 17.
14. *Taiwan Journal.* 2008. 30 May. P. 2. В соответствии с поправкой к статье Гражданского Кодекса, вступившей в силу 23 мая 2008 г., требуется регистрация брака в местном отделе регистрации, чтобы считать брак законным. До принятия этой поправки проведения брачной церемонии с более чем двумя свидетелями было достаточно, чтобы придать браку официальный характер.
15. *Taiwan Yearbook 2008*, published by the Government Information Office, гл. 14, 17.
16. *Бирюлин Е.В.* Демографические проблемы Тайваня // Современный Тайвань. Справочно-аналитические материалы ИДВ РАН. М., 2008. Вып. 10(18). С. 47—56.
17. 2008 Images of Women. Ch. 2. Marriage and family // Source: Directorate General of Budget, Accounting and Statistics (DGBAS), Executive Yuan.
18. *Бирюлин Е.В.* Указ. соч. С. 47—56, <http://russian.people.com.cn/31516/4174087.html>

- 1:9. "A lesson for Asia? Maintaining socio-economic security in old age: a European perspective" // International Institute for Asian Studies "News Letter". 2008. № 49. P. 11; CEDAW. Convention on the Elimination of all Forms of Discrimination Against Women... P. 190, 232.
20. 2008 Images of Women. Ch. 1. (statistics); CEDAW. Convention on the Elimination of all Forms of Discrimination Against Women... P. 102.
21. Ibid. Ch. 2 (statistics).
22. Taiwan Panorama. 2006. Vol. 31, № 12. P. 83.
23. The Republic of China Yearbook. Ch. 14, Society. — <http://www.gio.gov.tw/taiwan-website/5gp/yearbook/ch17.html#InternationalEducationExchanges>.
24. Taiwan Yearbook 2008, published by the Government Information Office. Гл. 14.
25. Конвенция по правам ребенка. Бюро по благосостоянию ребенка при Министерстве внутренних дел Тайваня. Обновлено 2008-5-5. Ст. 9;10. — (http://www.cbi.gov.tw/CBI_2/)
26. Бирюлин Е.В. Указ. соч. С. 47—56.
27. Taiwan Journal. 2008. 6 June. P. 1. В качестве примера можно привести Фонд "Сад Надежды", организованный в 1988 г. как некоммерческая организация для предоставления приюта и юридической помощи девушкам и молодым женщинам, особенно тем, кто был насильственно использован в секс-индустрии. При Фонде также действуют курсы по повышению образования и квалификации. Комментируя свое участие в деятельности Фонда за последние 10 лет, министр юстиции Ван Цинфэн, первая женщина, назначенная на этот пост, сказала, что Фонд является убежищем для женщин-жертв, также это место для каждого, кто пожелает помочь положить конец насилию в отношении женщин. Более 100 000 женщин получили поддержку от Фонда. С момента своего основания в 2007 г. Фонд обеспечил кровом и услугами более 8 000 чел. В соответствии со статистикой Министерства внутренних дел в 2003 г. было зафиксировано около 4900 случаев сексуального насилия, число которых возросло до 7700 в 2007 г. Число зарегистрированных случаев домашнего насилия также возросло с 41 000 в 2003 г. до 72 000 в 2007 г.
28. CEDAW. Convention on the Elimination of all Forms of Discrimination Against Women... P. 199.
29. Taiwan Journal. 2008. 19 Sept. P. 2. По данным Департамента бюджета и статистики, среди 10 133 зарегистрированных браков с января по июль 2008 г. 1604 (15.83%) были смешанными. Это число новых пар включает 892 пары, в которых невеста из Гонконга, Макао или континентального Китая, все остальные включают невест из иностранных государств (CEDAW. Convention on the Elimination of all Forms of Discrimination Against Women... P. 235).
30. Clark C., Clark J. The social and political bases for women's growing political power in Taiwan. Maryland Series in Contemporary Asian Studies // School of law / University of Maryland. 2002. № 3; Taiwan Yearbook 2008, published by the Government Information Office. Гл. 14, 17.
31. Taiwan Journal. 2008. 6 June. P. 2.
32. Taiwan Review. 2008. Vol. 58 № 1, articles. CEDAW. Convention on the Elimination of all Forms of Discrimination Against Women... P. 147.
33. Taiwan Review. 2008. July. P. 1. 29. <http://www.gio.gov.tw/info/nation/russia/2002/02/p28.htm>
34. Tsai-Wei Sun. Gender Representation in Politics and Public Administration: Taiwan and Asian Countries Singapore. 2004. P. 148—151.
35. <http://www.gio.gov.tw/info/nation/russia/1999/03/p12.htm>, <http://www.eduzone.net/show/50031.html> (информационная)

Русские консульства в Монголии в российско-китайско-монгольском политическом взаимодействии начала XX в.

© 2009

А. Сизова

Статья посвящена политическому измерению деятельности русских консульств в Монголии в 1861—1917 гг. и их роли в осуществлении российской "дальневосточной стратегии". Императорский консульский институт внес существенный вклад в разрешение "монгольской проблемы", будучи эффективным механизмом посредничества России в процессе достижения Монголией автономии, а также "кобдоского" и "алтайского" вопросов начала XX в. Анализируется работа консульств по укреплению позиций России во Внешней Монголии и сохранению баланса сил в конкурентной региональной международной подсистеме данного периода.

Ключевые слова: русские консульства, российская дипломатия, Россия и Китай, Россия и Монголия, "монгольский вопрос", международные отношения в АТР.

Одним из наиболее значимых и насыщенных периодов в истории развития монгольской государственности является конец XIX — начало XX вв. Именно в это время на фоне общего "пробуждения Азии" страна преодолела зависимость от Китая, обрела автономный, а впоследствии и независимый статус. Решающим в процессе отделения Монголии от Китая стал российский фактор, поскольку Северная Монголия (Халха) в соответствии с установлениями дальневосточной политики России, выработанной в условиях жесткой конкуренции великих держав, Китая и Японии за доминирование в Восточной и Центральной Азии, входила в зону российского влияния¹.

Защита политических интересов империи, заключавшихся в сохранении политического status quo и увеличении своего экономического влияния в регионе, привлечение симпатий монгольских правящих кругов и народа, регулирование противоречий между сторонами, стремившимися реализовать свои сценарии решения "монгольского вопроса" (Россия, Китай, Монголия, Япония), ложилась на

плечи российских дипломатов в Китае и, прежде всего, глав консульских учреждений в Монголии — Урге (современный Улан-Батор, основан в 1861 г.), Улясутае (Улиастай, 1906 г.), Кобдо (Ховд, 1911 г.), Шара-Сумэ (г. Алтай, в 1907 г. выделен из консульства в Кобдо). Являясь проводниками линии МИДа, консулы одновременно обладали значительной автономностью в выполнении задач по обеспечению интересов России. Степень российского влияния в Монголии и эффективность претворения в жизнь российской политики во многом зависела от них.

Несмотря на то, что по проблемам российско-монгольско-китайских отношений и “монгольскому вопросу” выполнено большое количество работ отечественных и зарубежных авторов², отдельного исследования, посвященного специфике функционирования российских консульств в Монголии во второй половине XIX — начале XX вв. и их участию в международных отношениях в регионе в указанный период, предпринято не было. Наиболее изученным аспектом данной темы за последние годы стала деятельность Генерального консульства в столице Монголии — Урге в период работы консула Я.П. Шишмарева, освещенная в работе ряда российских историков³. При этом остается мало изученной работа преемников Я.П. Шишмарева и роль консульства в политических отношениях России, Китая и Монголии. За пределами данных публикаций остаются также проблемы участия консульств Западной Монголии (в частности, Кобдо и Шара-Сумэ) в решении важнейших вопросов российско-монгольских и российско-китайских отношений.

Целью настоящей работы является анализ политического измерения деятельности российских консульств в Монголии, их роли в решении “монгольского вопроса” и проблем, сопутствовавших борьбе монголов за независимость.

До 1910-х гг. Генеральное консульство в Урге занималось преимущественно торговыми делами русских в Монголии. Русско-монгольская приграничная торговля имела для России большое значение еще с XVII в.⁴ С ускорением развития российского капитализма с середины XIX в. Халха представлялась правительственным и деловым кругам России выгодным рынком сбыта промышленной продукции, источником сырья, а впоследствии — важнейшей транзитной территорией для русско-китайской торговли. В этот период значительно выросла русская колония в Монголии и соответственно объем работы консульств⁵. В начале XX в. Монголия приобрела для России и политико-стратегическое значение — в качестве “буферной” зоны между Россией и Китаем для сохранения “баланса сил” в регионе, по мере роста международных противоречий в Восточной и Центральной Азии. Более серьезное внимание на Монголию Россия обратила только после русско-японской войны, когда вступила в борьбу за преобладание здесь не только с Китаем, но и с Японией⁶. Россия не могла проникать далее в Южную Маньчжурию и Внутреннюю Монголию, что было закреплено договорами с Японией 1907 и 1910 гг. Приоритетными зонами для России стали Северная Монголия и Северная Маньчжурия⁷. В связи с этим П. Тан писал: “Только с началом русско-японской войны в 1904 г., который ознаменовал появление Японии как новой победоносной державы на Дальнем Востоке, царская Россия была вынуждена бросить свои интересы в Южной Маньчжурии и обратить большую долю внимания на Монголию”⁸.

В отличие от Синьцзяна, в Монголии русским консулам не приходилось заниматься активной разведывательной и политической деятельностью, поскольку иностранцы здесь стали появляться только к 1880-м гг., а китайская колонизация в Халхе началась в последней трети XIX в. Более того, договорами с

Англией и Японией конца XIX — начала XX вв. Внешняя Монголия была признана сферой специальных интересов России, и союзники не стремились распространить здесь свое влияние. Исключение составляло “тибетское” направление разведывательной работы ургинского консульства, необходимой для ведения “Большой игры”. Она осуществлялась еще с 1870-х гг. Я.П. Шишмаревым и проявлялась в сборе информации у паломников и торговцев, путешествовавших из Монголии в Лхасу, содействии русским военным и ученым экспедициям⁹. Однако в полной мере активность ургинского и западно-монгольских консульств проявилась в период борьбы монголов за национальную независимость 1910-х гг. Консулы содействовали успеху движения монгольской элиты за сохранение национальной самобытности и суверенитета страны, а после 1911 г. — поддержанию в Монголии административного и военного баланса¹⁰. Активная деятельность консульств в Монголии стала важнейшим фактором упрочения торгово-экономических и политико-стратегических позиций царской России в Монголии.

В начале XX столетия в Монголии, ставшей к этому времени “придатком” мировой капиталистической экономики и испытывавшей все более серьезный гнет маньчжурской “метрополии”, развернулось национально-освободительное движение за отделение от Цинского Китая¹¹. С провозглашением так называемой “новой политики”, призванной стать инструментом сохранения авторитета правящей династии в условиях системного кризиса, цинский двор приступил к коренным административным и военным преобразованиям, поощрял ханьскую колонизацию с целью превращения Монголии в рядовую китайскую провинцию. На специальном совещании в Пекине 1909 г. цинское правительство и ряд представителей монгольской аристократии подписали план колонизации Монголии и специальное соглашение, по которому пригодные для земледелия участки последней отчуждались в пользу цинского двора при условии уплаты половины стоимости земли дзасакам соответствующих хошунов¹². Угроза ассимиляции и потери национальной самобытности, бедственное экономическое положение толкнули монгольское население на освободительное движение, вступившее в наиболее активную фазу после Синьхайской революции. По мере развития освободительного движения его лидеры выдвигали панмонгольские лозунги, призывая к объединению всех монголов, в том числе и восточных, и восстановлению утраченной государственности¹³.

В силу объективных причин и ввиду долгих дружественных отношений с Россией, помощи в этой ситуации монгольская аристократия могла ждать только от “белого царя”. Россия поддержала монголов, однако лишь в той мере, в которой это на тот момент отвечало интересам империи. На фоне обострявшейся на рубеже XIX — XX вв. международной обстановки в Европе особую важность для царского правительства имели спокойствие на восточных границах, status quo на Дальнем Востоке, в том числе равновесие в отношениях с Китаем, старательно формировавшееся на протяжении трех веков¹⁴. Независимость Монголии, которую пришлось бы отстаивать в вооруженном столкновении с Китаем, не отвечала насущным внешнеполитическим целям России, и она согласилась на содействие Северной Монголии только в достижении автономного статуса, при сохранении сюзеренитета Китая¹⁵.

Именно с провозглашением независимости Монголии в декабре 1911 г. русские консульства вышли на авансцену российско-китайско-монгольских политических отношений. По словам Дж. Фриттерса, резкая перемена курса китайского правительства во Внешней Монголии в 1907 г. заставила российских дипло-

матов в Пекине, Урге и Западной Монголии первыми осознать, что через несколько лет Пекин навяжет свою волю в этом пограничном с Россией регионе, и это станет не только барьером для экономического развития, но и представит военную угрозу для российского государства на данной территории¹⁶. Тонкая дипломатическая игра в треугольнике интересов, проводимая консулами, заключалась в выработке стратегического компромисса между Ургой, пытавшейся “отложиться” от Китая и объединить монгольские народности Китая и России в рамках “Великой Монголии”, Пекином, настаивавшим на исторической принадлежности Монголии Поднебесной, и Петербургом, стремившимся сохранить Внешнюю Монголию в качестве сферы влияния и не желавшим видеть ее ни независимой, ни китайской¹⁷.

В последнее десятилетие XIX в. социально-экономическая и внутриполитическая ситуация в Цинской империи становилась все более напряженной. Симоносекский мир, подписанный с Японией в апреле 1895 г. по результатам японо-китайской войны 1894—1895 гг., наложил на Цинов тяжелые экономические обязательства и изменил международную ситуацию в регионе¹⁸. Победа Японии вызвала опасения у великих держав, обострила соперничество за сферы влияния в Китае. Воспользовавшись слабостью Цинского государства, Германия, Франция, Великобритания и Россия в 1895—1899 гг. заняли новые порты, расширили свои концессии в Китае, значительно увеличив экономические возможности в стране¹⁹.

Очередное проявление бессилия китайского правительства питали рост антииностранных и антиправительственных настроений среди населения, в том числе, на окраинах страны. Поэтому уже во время “боксерского восстания” 1899—1901 гг. монгольские князья в Урге, чувствуя слабость центральной власти, высказывали желание выйти из-под власти маньчжуров и создать собственное государство под протекторатом России, обсуждая данный вопрос с российским консулом²⁰. Стремясь добиться расположения российского правительства, монгольские власти оказали содействие консулу в решении вопроса защиты “Монголора” — первого российского акционерного общества рудного дела (основано в 1900 г.), которое цинское правительство пыталось закрыть, пользуясь смутной периодом восстания “ихэтуаней”. Выжидая время для выработки четкой линии в “монгольском вопросе” и сохраняя уверенность в необходимости сохранения центральной власти Пекина над Монголией, МИД России в 1905 г. приказывает ургинскому консульству взять под контроль локальные антицинские выступления в городе²¹.

Документальное закрепление китаизации национальных окраин и революционные события в Цинской империи ликвидировали последние барьеры, сдерживавшие освободительное движение монголов, и 1 декабря 1911 г. Урга провозгласила независимость. Российское консульство в Урге оказало содействие монголам в совершении данного акта. Управляющий консульством В. Лавдовский в ноябре 1911 г. договорился с военным министром В.А. Сухомлиновым о выдаче ургинским лидерам 15 тыс. винтовок и шашек. После изгнания цинского амбана Сань До из Урги В. Лавдовский отказался помочь ему восстановить власть в городе. Однако, руководствуясь “Консульским уставом”, генконсул спас жизнь высокому маньчжурскому чиновнику, укрыв его в консульстве и переправив под казачьим конвоем в Китай²². Во время переворота консул взял под охрану русское и китайское население Урги, китайский телеграф и отделение Дайцинского банка.

29 декабря 1911 г. Джебцзун-Дамба-хутухта взошел на трон великого хана Монголии, было образовано новое монгольское государство. С образованием теократического государства монголов задачей В. Лавдовского стало убедить хутухту, что Россия не поддержит его устремления к независимости, но обеспечит помощь в достижении автономии и выполнение Китаем особых условий сосуществования с Монголией. За полгода до объявления монголами независимости Россией была отвергнута просьба о принятии Монголии под свой протекторат, высказанная прибывшей 15 августа 1911 г. в Петербург делегацией монгольских князей²³. Особое совещание по делам Дальнего Востока под председательством П.А. Столыпина 17 августа 1911 г. отказалось поддерживать монголов силой оружия, но разрешало пополнение консульского конвоя в Урге на 200 казаков, а также сформулировало “три требования” к Китаю²⁴.

В целях недопущения прямых сношений Урги с Пекином и принятия монголами поспешных и несогласованных с Россией решений консулы активно участвовали в переговорах с китайским правительством. Ведя переговоры с Китаем, Россия продолжала оказывать монголам финансовую и военную помощь. Ургинский консул В.Ф. Люба контролировал поступление оружия и работу русских инструкторов.

После 1911 г. Монголия превратилась в новую площадку для деятельности российского капитализма на Дальнем Востоке, который развивался здесь в обновленных и более организованных формах. Консулы активно участвовали в мероприятиях правительства, призванных закрепить международно-правовое положение данной “буферной” области, в том числе организации русского военного инструктажа, упрочении финансовой стабильности страны (создание Русско-Монгольского банка, обеспечение монгольской элиты ссудами и пр.). В задачи российских дипломатических представителей также входила работа по привлечению симпатий монгольской аристократии к “русскому царю”, что подготавливало в ее лице некий оплот для расширения влияния России в Монголии. Роль такой работы еще в 1890-х гг. подчеркивал П.А. Бадмаев, ориентируя российскую власть на необходимость обратить пристальное внимание на “монголо-тибетско-китайский” Восток, вплоть до разработки плана присоединения к России некоторых частей распадавшейся Цинской империи²⁵.

В этот период внимание российской общественности увлекла новая волна обсуждения вариантов поведения правительства относительно Монголии. Правое крыло, представленное в основном военными (А.Н. Куропаткин, Ю. Кушелев, В. Томилин), настаивало на необходимости присоединения Халхи. Либералы, социал-демократы осуждали идею аннексии Монголии. Слышались и голоса поддерживавших идею независимости Монголии (А.П. Свечников, Д. Позднеев, А.В. Бурдуков, Д.П. Першин)²⁶. Несмотря на наличие в российских политических кругах сторонников радикального решения “монгольского вопроса” в пользу России, существовавший в конце XIX — начале XX вв. на Дальнем Востоке международный баланс сил и реконфигурация региональной политической структуры после японо-китайской и русско-японской войн не сулили России успеха в реализации “силового варианта”, тем более, в присоединении Монголии²⁷. Наиболее приемлемым было выстраивание с последней отношений прагматического характера, основанных на учете жизненно важных интересов обеих сторон. Такая позиция высказывалась сторонниками умеренных государственных и деловых кругов²⁸. Эта стратегия и была поддержана российским монархом и осуществлялась МИДом с помощью консульских работников в Монголии и посланника в Пекине.

13 февраля 1912 г. Юань Шикай стал Президентом Китайской Республики, объявив Монголию и Тибет рядовыми провинциями Китая, а решение “монгольского вопроса” — “внутренним делом” Республики. Русский консул и императорский посланник в Урге называли эти действия “направленными против России”, настаивали на необходимости игнорировать телеграммы Пекина ургинским хутухтой, проводили разъяснительные беседы с монгольскими правителями.

В этот период консулы Западной Монголии решали задачи сдерживания панмонгольского движения в других частях Китая, где проживало монгольское население. Главы консульств в Улясутае и Кобдо внесли большой вклад в предотвращение попыток объединения под властью Урги Барги (Хулунбуира) и Урянхая (Сойоти) в январе 1912 г.²⁹ и содействовали урегулированию локальных восстаний в Халхе, препятствуя их соединению с волнениями в Восточной Монголии. Одно из таких восстаний проходило под предводительством владетельного князя Удая (хошуна Чжасакту), который, как и многие князья Внутренней Монголии, хотел примкнуть к Халхе для создания единого национального государства, для чего просил помощи у России³⁰.

На фоне бурных событий в Монголии 1911—1912 гг. генеральный консул В.Ф. Люба и глава миссии в Пекине И.Я. Коростовец прилагали все усилия к убеждению хутухты оставить на тот момент идею независимости, угрожая отказом от какой-либо помощи в освободительной борьбе монголов. Совместно с ургинским правительством они разрабатывали проект соглашения, которое оформило бы автономный строй Монголии, запретило бы размещение китайских властей, войск и ханьскую колонизацию на ее территории.

При этом в июле 1912 г. царскому МИДу стало известно, что Пекин не собирался сотрудничать с Петербургом по решению “монгольского вопроса”, тайно переговариваясь с Ургой. Поэтому переговоры с Юань Шикаем были прекращены, и внимание посланника и генконсула переключилось на правительство богдо-гэгэна. Запугивание монголов Пекином и “великомонгольские” идеи хутухты делали переговоры крайне трудными. Ургинское правительство отвергало российские проекты соглашений, поэтому Россия даже пошла на словесную уступку, назвав в документе Внешнюю Монголию “Монголией”. Под давлением В.Ф. Люба с поста был смещен председатель Совета министров Монголии и влиятельный политический деятель Да-лама, горячий сторонник монгольской независимости³¹.

В результате изнурительных переговоров, дипломатического торга, кропотливого труда В.Ф. Любы и И.Я. Коростовца правительство Урги согласилось временно признать Монголию автономной. 21 октября (3 ноября) 1912 г. были подписаны русско-монгольское соглашение и соответствующий протокол³². Русские получали широкие права и экономические привилегии в Монголии. Помимо того, “подписание 21 октября 1912 г. соглашения между Россией и Монголией, по которому русское правительство брало на себя обязательство оказывать Халхе помощь в сохранении автономии, давало России правовые основания вмешательства в события в Западной Монголии”³³. Китай не признал соглашение, и до 1915 г. Внешняя Монголия оставалась, по сути, независимой, однако, под “присмотром” России.

В начале 1913 г. ургинское правительство все еще не оставляло надежд на воссоединение Халхи и Внутренней Монголии и просило поддержки России. Консулы в Урге сыграли большую роль в получении правительством богдо-гэгэна

российских займов и в контроле над их использованием. В 1913—1914 гг. Россия по настоянию генконсулов выдала Монголии три крупных займа в 100 тыс., 2 млн руб. и 3 млн руб. на организацию армии, административное реформирование и т.д. Для обеспечения надлежащего использования займов в 1914 г. в Монголию был направлен финансовый советник С.А. Козин, который наряду с консулом должен был предостерегать монголов от закупки оружия для вторжения во Внутреннюю Монголию и иных нецелевых трат³⁴.

По вопросу о перевооружении монгольской армии Генконсул В.Ф. Люба вел переговоры с начальником отдела Дальнего Востока МИД. В сентябре 1912 г. ему удалось получить разрешение военного ведомства на поставку в Монголию 6 тыс. винтовок, 3 млн патронов, 2 тыс. драгунских шашек и нескольких орудий. Консулу поручалось проследить, чтобы монголы использовали их именно для защиты Халхи и не приобретали иностранное оружие³⁵. Нельзя было допустить военного перевеса монголов над китайцами, что могло повлечь необратимые последствия. И.Я. Коростовец подписал соглашение на один год об организации в Урге военной бригады с помощью русских советников³⁶. Однако осуществление контроля над использованием средств и оружия консулами и посланником было весьма затруднено, а панмонгольские идеи на фоне ослабления Китая к этому времени прочно укрепились в умах местных князей, и национальное движение продолжалось.

Поскольку Китай не признал русско-монгольское соглашение, министр иностранных дел России С.Д. Сазонов в ноябре 1912 г. предложил Юань Шикаю “обоюдоприемлемый выход” из “монгольской проблемы” — подписание договора об автономии Халхи на началах соглашения с ургинским правительством, подготовку которого и начали российские дипломаты. Этот процесс, одной из центральных фигур которого был генконсул В.Ф. Люба, отражен в документах “Красного архива” за 1913 г.³⁷ В ходе обсуждения условий договора с правительством Юань Шикая, консулам также приходилось пресекать попытки недовольных результатами соглашения 1912 г. монголов вести сепаратные переговоры с Пекином и поиски союзников для создания “Великой Монголии”. В частности, вице-консульство в Хайларе (Внутренняя Монголия) не допустило выезда из страны премьер-министра Да-ламы для переговоров в Японию. Ярким примером также является случай с перехватом письма Намнан-Сурэна японскому императору³⁸. Генеральному консулу удалось разоблачать и китайских разведчиков в среде монголов³⁹.

23 октября (5 ноября) 1913 г. в Пекине была подписана русско-китайская декларация. Россия признавала суверенитет Китая над Монголией, а Китай признавал автономию Внешней Монголии. Стороны обязались не вмешиваться во внутренние дела Монголии, не вводить туда войска, не колонизовать ее. Китай также соглашался не содержать на территории страны военные и гражданские власти. Специальная нота утверждала обязательство Пекина согласовывать с Петербургом позиции по территориальным и политическим вопросам, касающимся Монголии⁴⁰. Несмотря на недовольство монгольской аристократии условиями соглашения (“Лучше пусть не будет никакой независимости, чем половинчатая”⁴¹), оно послужило шагом к будущему трехстороннему договору об автономии Монголии.

Подписание Кяхтинского русско-китайско-монгольского соглашения 1915 г.⁴² стало логическим завершением процесса установления монгольской автономии. Конференция в Кяхте явилась триумфом царской дипломатии и ре-

зультатом напряженной работы императорских консульств. Главную роль на ней сыграл генеральный консул А.Я. Миллер, являвшийся главой российской делегации на Кяхтинской конференции. Российская сторона не была заинтересована в проведении тройственных переговоров по “монгольскому вопросу”, поскольку закрепила механизмы реализации своих интересов в предыдущих документах с Монголией и Китаем. Однако неудовлетворенность монголов результатами русско-китайского соглашения выразилась в попытках заключить сепаратный договор с Пекином. В августе 1913 г. Пекин направил в Ургу телеграмму с предложением начать переговоры, которую монгольские власти скрыли от А.Я. Миллера. В августе 1913 г. он воспрепятствовал приезду китайского представителя в Ургу для тайных переговоров с правительством хутухты, проведя с министрами Намнан-Сурэном и Ханда-Доржи “большую работу”⁴³. Данная ситуация ставила перед новым генеральным консулом А.Я. Миллером и посланником в Пекине М. Крупенским серьезную задачу нейтрализации тайных китайско-монгольских сношений и окончательного закрепления достигнутых договоренностей по проблеме автономности Халхи. Несмотря на сопротивление русского консула и посланника в Пекине, ургинские власти добились проведения трехсторонних переговоров. Таким образом, решение о созыве трехсторонней конференции было принято с целью нейтрализовать неудовлетворенность монголов условиями декларации 1913 г. и пресечь их попытки заключить сепаратное соглашение с пекинским правительством. В результате консультаций А.Я. Миллера с ургинскими министрами и М. Крупенского — с Сунь Баоци, местом для переговоров была выбрана Кяхта.

Переговоры в Кяхте были исключением из общей дипломатической практики политических переговоров. Это был один из редких случаев, когда переговоры от лица правительства по политической проблеме вел не глава дипломатической службы в стране, а консул, что в данном случае подчеркивало статус и широту полномочий главы генерального консульства в Урге А.Я. Миллера⁴⁴.

В китайской историографии Кяхтинский договор описывается как “грабительский” и “агрессивный” акт “военно-феодальной” России⁴⁵, а поведение генконсула на переговорах характеризуется как “агрессивное”. Историк Лю Цунькуан пишет: “Россия ожесточенно угрожала Китаю и оказывала давление, действовала грубо и бесцеремонно, с нарушением данных слов, в агрессивной манере завоевания все больших преимуществ, прибегая даже к остановке переговоров как к методу принуждения, и закончила переговоры только после безоговорочного принятия китайской стороной ее необоснованных требований”⁴⁶. Хо Ханьвэнь назвал Монголию после 1915 г. “полузависимым государством под российским протекторатом”⁴⁷, так как она переходила в фарватер политики России. Исследователи КНР полагают, что Россия добилась “автономии” Халхи, потому что она “в наибольшей степени удовлетворяла царским агрессивным интересам в Монголии — изоляции и контроля, превращения ее в монополизированный протекторат и объект грабежа”⁴⁸.

Главная заслуга А.Я. Миллера в Кяхте состояла в том, что он сориентировал монгольских и китайских переговорщиков именно на русский проект соглашения, и позиция России об автономном статусе Монголии оказалась определяющей. На протяжении 40 раундов переговоров А. Миллеру пришлось разбираться с китайцами и вопросы уртно-почтовой связи, строительства Россией в Монголии железных дорог и телеграфных линий и т.д. Ему также удалось одержать победу в споре о торговых пошлинах (повышение обложения иностранных товаров,

ввозимых в Халху), для чего пришлось даже прерывать переговоры. Под нажимом В. Крупенского и А. Миллера китайская делегация уступила и в трудном вопросе о колонизации Халхи. Полоса между Внутренней и Внешней Монголией оставалась районом кочевков местного населения, а не китайских поселений. Китай также согласился амнистировать всех уроженцев Внутренней Монголии, перешедших на сторону Урги в борьбе за независимость. Основным достижением России стало получение по соглашению широчайших торгово-экономических преимуществ на территории страны. Для Монголии же документ ознаменовал начало нового периода — широкой автономии в составе Китая.

По мере разворачивания панмонгольского антицинского движения в Китае в 1910-х гг. важную роль в российско-китайско-монгольских отношениях сыграли и русские консульства в Западной Монголии. В то время как Пекин, Урга и Петербург вели переговоры о судьбе Халхи, китайское правительство пыталось предотвратить отторжение “мятежных” северо-западных окраин. Стремление “центра” сохранить суверенитет над Халхой натолкнулось на острое противостояние населения Кобдоского и Алтайского округов, требовавшего воссоединения с Ургой⁴⁹. По просьбе монгольских властей российский МИД решил содействовать вхождению двух округов в состав Халхи, так как они являлись ее продолжением в этническом, этнографическом и географическом смысле, представляя собой “заслон” от Китая. Особое значение в борьбе монголов за Кобдо и Алтай имела деятельность главы консульства в Кобдо М.Н. Кузминского.

В ответ на попытки Юань Шикая в мае 1912 г. создать регион “Западная Монголия” и увеличить войска в Кобдо, Урга решила бороться за Кобдоский округ. М. Кузминский посредничал на переговорах китайцев и монголов во время осады и разорения Кобдоской крепости и даже подвергся нападению. После взятия монголами Кобдо 20 августа 1912 г. российское консульство укрыло в своих стенах 699 китайцев, в том числе военнотружущих, организовало их отправку на родину через Кош-Агач⁵⁰.

М. Кузминский пытался урегулировать конфликт мирным путем. Он предотвратил наступление цинских войск на город осенью 1912 г., но не смог противостоять желанию военного губернатора Синьцзяна Ян Цзэнсиня отомстить и отправить отряды в округ вновь. Консул ходатайствовал перед МИДом о вводе русских войск в Кобдо, ставших весомой силой в борьбе округа за самостоятельность в конце 1912 — начале 1913 гг. Вхождение Кобдо в состав Халхи было закреплено в соглашении с Палта-ваном 1913 г. и Кяхтинском трактате 1915 г.

Русские консульства в Урге и Кобдо содействовали устранению из Монголии легендарного Джа-ламы⁵¹. В сентябре 1913 г. 4 тыс. кобдоских казахов, доведенных его режимом до нищеты, вынуждены были откочевать в Россию. Консул в Кобдо В.Ф. Люба хлопотал о предоставлении им пастбищ по возвращении на родину и запретил китайским войскам, преследовавшим беглецов, переходить границу с Россией. В конце 1913 — начале 1914 г. жалобы на самоуправство Джа-ламы вынудили генконсула А.Я. Миллера арестовать его и выслать из страны.

Решение “алтайского” вопроса также потребовало от российских дипломатов в Кобдо, Шара-Сумэ⁵² и Урге больших усилий, хотя и не вполне удовлетворило ургинское правительство. Осенью 1912 г. китайское правительство направило в Алтайский округ дунганские войска, и до лета 1913 г. они вели ожесточенные бои с монголами. В июле 1913 г. М. Кузминский начал разрабатывать с правителем Алтайского округа Палта-ваном условия перемирия. По просьбе М.Н. Кузминского и В.Ф. Любы в сентябре 1913 г. в Шара-Сумэ было

командировано подразделение Верхнеудинского полка, в результате чего дунганские войска вернулись в Или. Однако российский МИД убедился в невозможности присоединения Алтая к Халхе, и вскоре русские войска были выведены. По договору 21 декабря 1913 г. стратегический пункт Цаган-Тункэ был очищен от китайских войск, Кобдо признавался частью Халхи, была определена временная граница между китайскими и монгольскими войсками Алтайского и Кобдоского округов⁵³. Примечательно, что договор подписал именно русский консул в Шара-Сумэ М.Н. Кузминский.

Алтайский округ не был объединен с Халхой, но в начале 1914 г. М.Н. Кузминскому удалось договориться с управляющим Алтайским округом Лю Чанбином и Ян Цзэнсином, желавшими восстановить позиции в Западной Монголии, оставить округа в прежних пределах на условиях невторжения китайцев и монголов на территории друг друга⁵⁴. Стремясь ввести Алтай в состав Синьцзяна, М.Н. Кузминский отстаивал интересы России, практически, явочным порядком, сочетая управление округом с опорой на военный контингент казаков. Благодаря ему Россия усилила здесь политическое и экономическое влияние (только русским позволялось заниматься торговлей, разведкой полезных ископаемых и т.д.). Однако ситуация с увеличением степени физического присутствия русских (в том числе незаконного) в Китайском Алтае и установленным “де-факто” протекторатом над округом требовала срочного разрешения, вариантом которого могли стать “исправление” границы или все-таки отход Алтая к автономной Монголии⁵⁵. Мировая война и революционные события в России отодвинули проблему подписания мирного договора с Китаем и заставили Россию забыть о планах возможной аннексии Восточного Туркестана. Тем не менее, до 1917 г. Алтайский округ оставался самой “пророссийской” частью Синьцзяна⁵⁶.

Дипломатические усилия российских дореволюционных консулов, направленные на защиту национальных интересов государства и получение Монголией автономного статуса в период освободительной борьбы ее народа, заслуживают высокой оценки. Их профессионализм, проявившийся в грамотной реализации указаний МИДа, и собственная инициатива в оперативном принятии стратегически важных решений, имели результатом достижение российской дипломатией всех поставленных целей в отношениях с Монголией и Китаем и оптимальных на тот момент результатов для всех участников решения “монгольской проблемы”. Россия усилила политическое и экономическое влияние в Монголии и обрела таким образом некий “буфер”, отделяющий ее от китайской территории. Усилиями главного российского переговорщика генконсула А.Я. Миллера Россия четко обозначила и документально закрепила собственные интересы в дальневосточном регионе. В свою очередь, Кяхтинское соглашение 1915 г. способствовало сохранению целостности Китая и не нанесло серьезного ущерба российско-китайским отношениям, в то же время закрепило первый серьезный шаг Халхи на пути к восстановлению государственности и достижению независимости.

Решения относительно “кобдоского” и “алтайского” вопросов, принятые консулами в Урге и Западной Монголии и поддержанные правительством, также можно назвать эффективными, поскольку российские дипломаты выступили гарантами компромисса между лидерами желавших воссоединения с Ургой округов, богдо-гэгэновским правительством и республиканским Китаем, а также соблюдения всех достигнутых договоренностей. Они смогли предотвратить гибель гражданского, в том числе китайского населения в Кобдо во время борьбы монголов за город и боевых действий между повстан-

цами и правительственными силами Китая в Алтайском округе, осуществляя всестороннее гуманитарное содействие районам, охваченным конфликтом. Российские консулы в Кобдо, Шара-Сумэ и Урге употребили все усилия для того, чтобы отторжение Кобдоского округа от Китая в пользу Монголии и соглашение о сохранении status quo в Алтайском округе не нарушило существовавшего в регионе международного равновесия и одновременно способствовало укреплению позиций России в Северо-Западной Монголии и Синьцзяне.

Симпатии народа и правящих кругов Монголии, привлеченные Россией в результате активной и разносторонней деятельности императорских консульств по развитию двусторонних отношений в исследуемый период, во многом определили особо теплый и сотруднический характер отношений России и Монголии в последующие периоды межгосударственного взаимодействия.

1. *Tang P. Russian and Soviet Policy in Manchuria and Outer Mongolia, 1911—1931.* Durham, 1959. P. 288.
2. *Белов Е.А.* Россия и Монголия (1911—1919 гг.). М., 1999; *Воскресенский А.Д.* Китай и Россия в Евразии: Историческая динамика политических взаимовлияний. М., 2004; *Горохова Г.С.* Очерки по истории Монголии в эпоху маньчжурского господства (конец XVII — начало XX вв.). М., 1980; *Даревская Е.М.* Сибирь и Монголия: Очерки русско-монгольских связей в конце XIX — начале XX веков. Иркутск, 1994; *Дацышен В. Г.* История российско-китайских отношений в конце XIX — начале XX вв. Красноярск, 2000; *Единартова Н.Е.* Русские в Монголии: основные этапы и формы экономической деятельности (1861—1921 гг.). Иркутск, 2003; *Лузянин С. Г.* Россия — Монголия — Китай в первой половине XX в. Политическое взаимоотношения в 1911—1946 гг. М., 2000; *Майский И. М.* Монголия накануне революции. М., 1960; *Муссеев В.А.* Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX — 1917 г.). Барнаул, 2003; *Старцев А.В.* Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX — начало XX в.). Барнаул, 2003; *Чимитдоржиев Ш. Б.* Россия и Монголия. М., 1987; *Fritters G.* Outer Mongolia and Its International Position. L., 1951; *Paine S.C.M.* Imperial Rivals, China, Russia and Their Disputed Frontier. M.E. Sharpe Inco, 1996; *Jindai guoji guanxi shi* [История международных отношений в Новое время]. Хэфэй, 2003; *Dong Ya shi.* История Восточной Азии с древности до конца XX в. Чанчунь, 2006; *Diplomacy of China* [Дипломатия Китая. Энциклопедия]. Пекин, 2000; *Sha E qinlue Hua shi* [История агрессии русского царизма в Китае]. Т. 1-4. Пекин, 1978—1990; *Sha E qinlue Zhongguo xibei bianjia shi* [История агрессии царской России в северо-западных районах Китая]. Пекин, 1979. и др. (См. примечания 1-5 к ст: *Старцев А.В., Старцева (Сизова) А.А.* “Монгольский вопрос” начала XX в. в современной китайской историографии // Сибирь и Центральная Азия: проблемы этнографии, истории и международных отношений. Материалы международ. науч. конф. 18 мая 2007 г. Барнаул, 2007. С. 194—212).
3. *Андреев А.И. Я.П. Шишмарев* — дипломат, путешественник, исследователь Монголии // *Mongolica*, VI. СПб., 2003; *Единартова Н.Е.* Русский консул в Монголии. Иркутск, 2001; *Она же.* Русское консульство в Урге и Я.П. Шишмарев. Иркутск, 2008; *Кузьмин Ю.В. Я.П. Шишмарев* — генеральный консул России в Монголии: 1861—1911 // *The IAMS News Information on Mongol Studies Bulletin.* Ulaanbaatar. 1997. 2 (20); 1998. №№ 1 (21); *Ломакина И.И.* Монгольская столица, старая и новая (и участие России в ее судьбе). М., 2006.
4. *Мясников В.С., Шепелева Н.В.* Империя Цин и Россия в XVII — начале XX вв. // *Китай и соседи в новое и новейшее время.* М., 1982. С. 138—141.
5. Учреждение российских консульств и факторий в Монголии было осуществлено в соответствии со статьями Пекинского (1860 г.) и Петербургского (1881 г.) договоров.

6. *Единархова Н.Е.* Из истории пребывания русских в Монголии (до 1917 г.) // Диаспоры. 1999. №№ 2-3. С. 98.
7. *Лузянин С.Г.* Россия — Монголия — Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911—1946 гг. М., 2000. С. 40; Секретная конвенция, заключенная между Россией и Японией о Маньчжурии, Корее и Внешней Монголии // Русско-китайские договорно-правовые акты, 1689—1916. М., 2004. С. 538—539; Русско-японская конвенция о разграничении сфер их “специальных интересов” в Маньчжурии и Внутренней Монголии, 25 июня 1912 г. // Там же. С. 549—550.
8. *Tang P.* Op. cit. P. 288.
9. *Андреев А.И.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб., 2006. С. 67-72.
10. Письмо МИД С. А. Сазонова, 15 авг. 1912 г. // Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и временного правительств (1878—1917 гг.). Серия 2. М.; Л., Вып. 1. Т. 20. 1940. С. 8.
11. *Богословский В.А., Москалев А.А.* Национальный вопрос в Китае (1911—1949). М., 1984; *Дылыков С.Д.* Демократическое движение монгольского народа в Китае. М., 1953; *Златкин И.Я.* Очерки новой и новейшей истории Монголии. М., 1957; История Монгольской Народной Республики. М., 1983; *Ишжамц Н.* Национально-освободительное движение в Монголии в конце XIX — начале XX вв. Улан-Батор. 1975; *Калинников А.* Вооруженная борьба за освобождение Монголии. Улан-Батор. 1928; *Лузянин С.Г.* Проблема возрождения Монгольского государства и позиция России 1911-1921 гг. // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. М., 2001. С. 17-30; *Нацагдорж Ш.* Из истории аратского движения во Внешней Монголии. М., 1958; *Попова Л.П.* Общественная мысль Монголии в эпоху “пробуждения Азии”. М., 1987; *Сандаг Ш.* Важный этап борьбы монгольского народа за свободу и независимость страны 1911—1919 гг. // Современная Монголия. 1989. №№ 4; *Ширендыб Б.* Монголия на рубеже XIX—XX вв. Улан-Батор, 1963; *Lattimore O.* Nationalism and Revolution in Mongolia. Leiden, 1955; *Ripen R.* The Mongols of the Twentieth Century. Pt. 1-2. Bloomington, 1964; *Он же.* How Mongolia is Really Ruled. A Political History of the M.P.R. (1900—1978). Stanford, 1979; *Gu Mingyi.* Zhongguo jindai waijiao shilue [Очерки внешних сношений Китая в новое время]. Чанчунь. 1987; *Guo Tingyi.* Jindai Zhongguo shigang [История Китая в новое и новейшее время]. Гонконг, 1982. Т. 2.; *Menggu zu jianshi* [Краткая история монгольского народа]. Пекин, 1984.
12. История Монголии. XX век. М., 2007. С. 17.
13. *Белов Е.А.* Россия и панмонгольское движение в 1911—1919 гг. // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. 3-я Международ. конф. Челябинск. 1995. Ч.1.
14. *Воскресенский А.Д.* Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 1999. С. 162-184.
15. *Белов Е.А.* Россия и Монголия (1911—1919 гг.) М., 1999. С. 41.
16. *Fritters G.* Op. cit. P. 54.
17. *Старцева (Сизова) А.А.* Русские консульства в Монголии и их роль в русско-монголо-китайских отношениях в конце XIX — начале XX вв. // Сб. тезисов III междунард. науч. конф. студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых “Актуальные проблемы гуманитарных наук”. Томск, 2006. С. 73.
18. *Паркер Э.* Китай, его история, политика и торговля с древнейших времен до наших дней.: Пер. с англ. СПб., 1903. С. 206—210; *Roberts J.M.* The Penguin History of the World. 5th ed. L., 2007. P. 837—838, 847—848.
19. *Jindai guoji guanxi shi.* Хэфэй, 2003. С. 322—323, 368—369.
20. Царская Россия и Монголия в 1913—1914 гг. // Красный архив. 1928. Т. 7. С. 4.
21. Там же. С. 4—6.
22. Ст. 142 “Устава консульского” Российской империи (1903 г.) гласила: “Подданным дружественных с Россиею держав, находящихся в местах пребывания Российской Миссии и Консульств, где нет начальств тех держав, оказывается всякое благоприятство и

- возможная защита". См.: "Устав консульский". С. 2303; Мясников В.С., Шепелева Н.В. Китай и Монголия // Китай и соседи в новое и новейшее время. М., 1982. С. 144.
23. Белов Е.А. Россия и Монголия. С. 39—45, 48—49.
 24. Требования России к Китаю: 1. Не заселять Халху китайцами. 2. Не посылать в Халху китайские войска. 3. Не вводить в Халхе китайское управление. Подробнее см.: Белов Е.А. Россия и Монголия. С. 41—42.
 25. Бадмаев П.А. Россия и Китай. СПб., 1905. С. 17, 51.
 26. Кузьмин Ю.В. Русско-монгольские отношения в 1911—1912 годах и позиция общественных кругов России // *Mongolica-III*. СПб., 1994. С. 75-79.
 27. История Монголии. XX век М., 2007. С. 20.
 28. Кузьмин Ю.В. Позиция демократической интеллигенции России в "Монгольском вопросе" после Синьхайской революции // XXIII науч. конф. "Общество и государство в Китае". Тез. докл. М., 1991. Ч. 2. С. 68—72.
 29. Богословский В.А., Москалев А.А. Указ. соч. С. 26—29; Белов Е.А. Проблема Урянхайского края в русско-китайско-монгольских отношениях (1911-1914 гг.) // Восток. 1995. №№ 1. 56—67.
 30. Белов Е.А. Антикитайское восстание князя Удая во Внутренней Монголии (1912 г.) // Восток. 1996. №№ 3. С. 39—44.
 31. Белов Е.А. Россия и Монголия (1911—1919 гг.). М., 1999. С. 82.
 32. Россия обязалась оказывать помощь Монголии. Монголия сохраняла автономный строй, могла содержать войско. На ее территорию не допускались китайские войска, запрещалась китайская колонизация. Русские получили права свободного проживания и передвижения по территории страны, занятия торговыми, промышленными делами и промыслом, беспошлинной торговли товарами любых стран, покупки земли в любых городах и хошунах, эксплуатации горных и лесных богатств, любых транспортных артерий страны. См. подробнее: Русско-китайские отношения, 1689—1916.: Официальные документы. М., 1958. С. 122—126.
 33. Моисеев В.А. Указ. соч. С. 278.
 34. Старцев А.В. Указ. соч. С. 101—102.
 35. Международные отношения в эпоху империализма. М., 1940. Т. 20, Ч. 2. С. 303.
 36. Хишигт Н. Монголо-российское сотрудничество в военной области (1911—1916 гг.) // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX в. Сб. статей. М., 2001. С. 31-42.
 37. Царская Россия и Монголия в 1913—1914 гг. // Красный архив. 1928. Т. 7
 38. Белов Е.А. Россия и Монголия. С. 113—114.
 39. Международные отношения в эпоху империализма. М., 1940. Т. 20. Ч.2. С. 238.
 40. Моисеев В.А. Указ. соч. С. 285.
 41. Белов Е.А. Указ. соч. С. 111.
 42. Кяхтинское трехстороннее соглашение России, Китая и Монголии об автономии Внешней Монголии, 25 мая 1915 г. // Русско-китайские договорно-правовые акты. С. 420—426.
 43. Белов Е.А. Россия и Монголия. С. 117.
 44. Китайскую делегацию возглавил Би Гуйфан (губернатор Хэйлуцзянской провинции), монгольскую — министр внутренних дел Беликтгун (с ноября 1914 г. — заместитель министра юстиции Ширнин — Дамдин).
 45. Liu Cunkuang. Zhong E guanxi yu Wai Menggu zi Zhongguo de fenli (1911—1915) [Китайско-российские отношения и отделение Внешней Монголии от Китая (1911—1915 гг.)] // Zhong E guanxi de lishi yu xianshi [История и современное состояние китайско-российских отношений]. Кайфэн, 2004; Jindai guoji guanxi shi. Хэфэй, 2003; Dong Ya shi. Чанчунь, 2006; Diplomacy of China. Пекин, 2000; Menggu zu jianshi. Пекин, 1984.
 46. Liu Cunkuang. Op. cit. С. 158.
 47. Tang P. Op. cit. P. 340.
 48. Liu Cunkuang. Op. cit. С. 161.

49. В начале XX в. Кобдоский округ занимал всю территорию Западной Монголии и граничил с Халхой на востоке и Тарбагатаем на западе. В рамках политики заселения пограничных с Россией территорий для укрепления центральной власти на окраинах, в 1907 г. цинское правительство выделило из него Алтайский административный округ с центром в Шара-Сумэ (Чэнхуа) и приступило к строительству крепости, военных поселений и проч.
50. Белов Е.А. Царская Россия и Западная Монголия в 1912-1915 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 1996. №№ 1. С. 98.
51. Джа-лама — военачальник, руководивший осадой Кобдо, и впоследствии захвативший власть в округе. Вышел из-под управления Урги и желал создать собственное государство. Отличался жестокостью, свирепствовал в отношении казахов Кобдо. Однако большая часть населения Кобдоского округа считала его святым, воплощением Амурсаны, и после высылки Джа-ламы из страны ждала его возвращения, которое должно было «спасти» Монголию.
52. К этому времени уже существовало два отдельных консульства в Кобдо и Шара-Сумэ.
53. Прелиминарный договор о демаркационной линии между китайскими и монгольскими войсками Алтайского и Кобдоского округов, 8 декабря 1913 г. // Русско-китайские договорно-правовые акты. С. 413—415.
54. Моисеев В.А. Указ соч. С. 290.
55. Красильников В.Д. Синьцзянское притяжение. М., 2007. С. 123.
56. Белов Е.А. Царская Россия...С. 102—103.

Культура

Особенности "движения 4 мая 1919 года" на Северо-Востоке Китая и развитие новой литературы региона

© 2009

Н. Лебедева

В статье анализируются особенности "движения 4 мая 1919 года" на Северо-Востоке Китая, обусловленные спецификой исторического и социального развития региона, значение идей "4 мая" для формирования новой литературы. Также рассматриваются формы и методы их распространения в регионе: манифестации, забастовки, бойкот японских товаров, создание литературных объединений с собственной периодикой. Характеризуются первые произведения новой литературы, созданные на Северо-Востоке.

Ключевые слова: "движение 4 мая 1919 года", Северо-Восток Китая, китайская литература, литературные общества.

Двадцатый век оказался для китайской истории богатым на события, повлекшие за собой глубокие перемены в судьбах страны. Одним из таких событий стало "движение 4 мая 1919 года", девяностолетие которого отмечается в этом году. Юбилеи хороши уже тем, что они предоставляют повод и возможность заново оценить явления, достаточно далеко отстраненные от сегодняшнего дня, успешные остыть от накала политических страстей.

По-прежнему очевидно, что, хотя политические задачи движения были довольно ограниченными, его историческое значение велико. Бесспорно, что это движение изменило ход истории Китая, повлияло на развитие его культуры. Оно затронуло многие вопросы жизни китайского общества — от социально—экономических до проблем формирования национального языка.

В конце XX в. оценивая события его начала, в ходе дискуссии “Национальные традиции и социалистическая модернизация страны” китайские историки отмечали некоторую односторонность антиконфуцианской борьбы “движения 4 мая”, а иногда и нигилистический подход к проблеме освоения национальной культуры, некритическое воспевание западной культуры¹.

Китайская литература 80-х годов (“литература нового периода”) в поисках новых тем и форм тоже обратилась к “движению 4 мая” как культурному проекту, во многом определившему состояние китайской литературы в XX в. Получило дальнейшее развитие реалистическое направление, наследовавшее традиции литературы “4 мая”. В этот период оно было представлено “литературой ран и шрамов”, “литературой дум о прошедшем”, “литературой реформ”².

Литература “поиска корней”, или “литература корней”, возникшая в середине 1980-х гг., связана с возвращением к национальным культурным традициям. Поиск возможных причин потери корней привел многих писателей к переосмыслению “движения 4 мая”. Статья А Чэна “Культура обуславливает человечество” (“Вэньхуа чжюэчжу жэньлэй”), опубликованная в 1985 г., была одной из первых работ, в которой указывалось, что проблемы китайской литературы вызваны культурным разрывом. Этот разрыв, по убеждению автора, явившийся катастрофой для нации, был спровоцирован “движением 4 мая”, а “культурная революция” оказалась лишь радикальным расширением “движения 4 мая”.

Хань Шаогун в статье “Корни литературы” (“Вэньсюэ дэ гэн”), ставшей манифестом движения, писал, что эрозия региональной культуры началась еще до начала XX в., была усилена “движением 4 мая” и “культурной революцией”³.

Таким образом, при разнообразии мнений очевидно, что “движение 4 мая” было не только крупным социальным потрясением, пробудившим страну, но и явлением, во многом определившим облик китайской литературы XX в. Его влияние на китайскую художественную культуру не исчерпано до сих пор.

Развернувшись в центре Китая, “движение 4 мая” волнами разной силы докатилось практически до всех уголков страны. Не стал исключением и Северо-Восточный Китай (другие названия — Дунбэй, Маньчжурия). Цель данной статьи — проанализировать особенности этого движения в указанном регионе, отличающемся заметным своеобразием развития, показать, как под влиянием идей “движения 4 мая” в противостоянии со старой культурой формировалась новая китайская литература XX в.

Региональные особенности “движения 4 мая 1919 года” на Северо-Востоке Китая

Одна из заметных особенностей “движения 4 мая” на Северо-Востоке была связана с хронологией и состояла в том, что здесь оно предшествовало движению за новую культуру, тогда как в центре Китая было наоборот. В центре страны движение за новую культуру развернулось в середине второго десятилетия XX века, на Северо-Востоке же начало развиваться в период, когда по всему Китаю оно уже близилось к завершению. На Северо-Востоке время наиболее интенсивного развития пришлось на конец 20-х гг., завершающий этап оказался связан с началом японской агрессии в 1931 г.

Восприимчивость к новым идеям, которые несло в себе “движение 4 мая”, в регионе была подготовлена особенностями его социально-политического развития. С нашей точки зрения, среди них можно выделить две определяющих: постоянно усиливавшаяся милитаризация и рост японского экономического и поли-

тического присутствия. В известной степени эти две тенденции переплетались, поскольку японская сторона “проводниками экспансии в северо-восточных провинциях стремилась сделать местных милитаристов. Клика Чжан Цзолина, укрепляя свой режим с помощью японских займов и капиталовложений, японского оружия, японских советников и инструкторов в армии, расплачивалась за это экономической и политической зависимостью Северо-Востока страны от Японии”⁴.

С середины 20-х годов притязания Японии на Маньчжурию резко усилились.

Очевидно, что такая обстановка создавала условия для формирования в кругах интеллигенции настроений недовольства, готовности к протесту. Уже в начале века раздавались голоса в поддержку замены старой феодальной морали новой, о которой становилось известно благодаря все расширявшемуся влиянию западной культуры. Активно высказывались и сторонники замены древнего языка *вэньянь* на близкий к разговорному язык *байхуа*.

Поэтому не покажется странным тот факт, что протест против феодальной системы, ставшей одним из главных объектов критики “движения 4 мая”, и призыв аннулировать “21 требование” Японии на Северо-Востоке слились с местными антияпонскими выступлениями.

На Северо-Востоке, как и в центре страны, особенно активной силой движения были учащиеся. На родину возвращались выпускники столичных университетов, принося с собой энтузиазм новой молодежи и новые идеи. Именно они и становились проводниками новых веяний, распространяли их среди местных сверстников.

Так, группа учащихся г. Фэнтянь (так тогда именовался Шэньян, по сути ставший центром движения в регионе) издала манифест, в котором провозглашалось: “Потеря Циндао приведет к утрате Северо-Востока, а утрата Северо-Востока создаст опасность для всего Китая. Ситуация крайне опасна и висит на волоске”⁵.

Учащиеся Чанчуня провели собрание по спасению родины, а после него вышли на демонстрацию. В Харбине был создан “Объединенный комитет учащихся”, действовавший под лозунгами “Отобьем Циндао”, “Бойкот японским товарам”.

Кроме учащихся в выступлениях участвовали рабочие КВЖД, Харбинского локомотивного депо, фабрики по производству спичек в Чанчуне, горняки Фэньтяня, угольных шахт Бэньси и других предприятий. Подобные акции антияпонской борьбы затронули более 40 городов и уездов Северо-Востока и стали беспрецедентными по размаху и силе воодушевления участников.

Хотя “движение 4 мая 1919 года” в регионе не было подготовлено движением за новую культуру, как это случилось в центре Китая, а развивалось практически в одно время с ним или чуть его опережая, оно было усилено антияпонскими настроениями местной интеллигенции, сформировавшимися в связи с угрозой национально-порабощения в ходе укрепления японских позиций в Маньчжурии.

2. Роль литературных обществ Северо-Восточного Китая и их периодических изданий в распространении идей “движения 4 мая 1919 года”

Одной из форм, в которых реализовывались и развивались идеи “движения 4 мая 1919 года”, было создание большого числа различных литературных группировок со своими литературно-художественными изданиями.

Среди наиболее известных в Северо-Восточном Китае историки литературы называют общество Белого Тополя (“Байяншэ”), созданное в 1920 г. в г. Цилинь Му Мутянем (1900—1971), Лю Чжэнтунем и другими. Это общество

выпустило семь номеров одноименного журнала, в котором пропагандировались идеи движения и произведения новой литературы.

В июле 1920 г. в Даляне Фу Лиюй, Янь Жэнтао, Лю Хэцин, Цзян Чуцяо, Шэнь Чайтунь и другие создали Даляньское общество китайской молодежи (“Далянь чжунхуа циннянь хуэй”). Они выступали за преобразование Китая, изменение социальной системы. Члены общества начали с распространения среди заинтересованных лиц своих докладов, а с февраля 1923 г. появилось и собственное издание — “Синь вэньхуа” (“Новая культура”), которое редактировал Цзян Чуцяо. Основные задачи общества и журнала декларировались следующим образом: развивать и реформировать культуру, выступать за единство мира против разобщенности людей, бороться за единение севера и юга, формировать дух демократизма, способствовать выявлению духа китайской древней культуры, использовать суть западной культуры.

В апреле 1924 г. члены общества ощутили необходимость усилить свое влияние непосредственно на молодежь, и журнал “Синь вэньхуа” был преобразован в ежемесячное издание “Циннянь и” (“Молодежный фланг”), просуществовавшее до конца 1925 г. Всего было издано более 30 номеров, которые распространялись не только на Северо-Востоке, но и в Пекине, Тяньцзине, Циндао, Ухани, Шанхае, Гуанчжоу и других городах.

В 1922 г. Гао Чунминь, Мэй Фогуан, У Чжуцунь, Су Цзыюань и другие учредили в Фэнтяне научное общество и ежедекадный журнал “Цимин” (“Утренняя звезда”). Кроме того, было создано Фэнтяньское общество молодых христиан (“Фэнтянь цидуцзяо циннянь хуэй”), издавался журнал “Фэнтянь сюэшэн” (“Фэнтяньский студент”).

История этого общества весьма показательна и характерна для работы подобных организаций в регионе. Оно образовалось на основе старого общества по изучению религии, существовавшего еще со времен Цинской династии. Члены общества ставили спектакли, играли в шахматы и настольный теннис. Когда на Северо-Востоке начали распространяться идеи движения за новую культуру, общество стало именоваться Обществом по изучению литературы. В этот период ставились пьесы на *байхуа*, например, “Веер молодой госпожи” (“Шао найнай дэ шаньцзы”) Хун Шэня (1894—1955), “Ночь в кафе” (“Кафэйдянь дэ ие”) Тянь Ханя (1898—1968). Знаменитые драматурги приезжали помочь поставить эти спектакли. Члены общества самостоятельно поставили спектакль в жанре пекинской оперы “Драгоценная лотосовая лампа” (“Баолянь дэн”).

Следует отметить, что в 20-е годы центром развития литературы и искусства на Северо-Востоке был Фэнтянь, здесь же были созданы наиболее влиятельные литературные общества. Среди них — “Внутреннее общество” (“Гуаньнэй шэ”), “Колокол” (“Мудо шэ”), “Новый прилив” (“Синьчао шэ”), “Северное государство” (“Бэйго шэ”). Периодика этих объединений также сыграла важную роль в распространении новых идей. Под их влиянием в Северо-Восточном университете началось издание журнала “Бинхуа” (“Ледяные цветы”). Подчеркнем, что в начальный период своего существования “Внутреннее общество” проповедовало идею “литература для выражения жизни”, публиковало прогрессивные антифеодалские, антиимпериалистические произведения, статьи по проблемам литературной теории. Затем общество стало местом подпольной связи провинциального комитета КПК Маньчжурии, а большинство членов редколлегии журнала “Внутренний Китай” были коммунистами-подпольщиками. В связи с этим классовая и политическая ориентация и журнала, и общества становилась все более

отчетливой. Всего было издано 17 номеров, последний номер вышел в 1928 г. В журнале были опубликованы произведения пролетарской литературы и статья в поддержку этого направления, что вызвало большой резонанс в читательских кругах. После этого номера журнал был закрыт под давлением военной цензуры.

Журнал “Бэйго” (“Северное государство”) пропагандировал идеи о классовом характере литературы, об ее актуальности, о необходимости революционной литературы служить революционному классу. В нем перепечатывались статьи из центральных изданий, вызывавшие большой интерес у читателей.

Основными авторами журнала “Бинхуа”, за исключением нескольких профессоров, была учащаяся молодежь.

В первом номере была опубликована статья “О влиянии перемен на литературной арене страны на литературу Северо-Восточного Китая” (“Лунь гонэй вэньтаньдэ чжуаньбянь дуй дунбэй вэньсюэдэ инсян”), в которой анализировалось воздействие общенационального движения за новую культуру на региональную литературу и рассматривалась современная ситуация. Журнал призывал писателей создавать произведения, отражающие дух эпохи: “Не следует забывать, что произведение, не несущее духа эпохи, не является великим. Анализируя ситуацию в литературе Северо-Восточного Китая, следует признать, что в современных литературных произведениях описываются бедствия народных масс. Если бы литература не пошла по этому пути, невозможно было бы привлечь внимание общенациональных литературных кругов”⁶.

В провинции Цзилинь наиболее влиятельным и популярным был журнал “Холи” (“Трактор”), издаваемый одноименным обществом. Вышло 11 номеров журнала. Существовали также журналы “Хуэйсин” (“Комета”), “Хуан юань” (“Заброшенный источник”) и другие.

В Харбине выходили “Шугуан” (“Рассвет”), “Хань лю” (“Холодное течение”), “Бэйлэй” (“Бутоны”) и другие.

Следует отметить, что кроме литературных обществ и периодики, заметный вклад в дело распространения новой китайской и зарубежной литературы на Северо-Востоке внесли и небольшие книгоиздательства, которые работали при книжных магазинах. В Чанчуне — это “Прогресс Цзилиня” (Цзилинь цзиньбу шудянь), в Харбине — книжный магазин Сяо Шаня (Сяошань шудянь), книжный магазин Хань Лю (Ханьлю шудянь), магазины в районах Даоли и Даовай. В г. Цицикар Ло Фэн открыл книжный магазин “Китай”⁷.

Литературные общества, создававшиеся в регионе под влиянием “движения 4 мая”, использовались для распространения новых идей в среде учащихся и городской интеллигенции посредством публикации в периодике обществ публицистических статей и художественных произведений.

3. Дискуссия по вопросам развития новой литературы на Северо-Востоке Китая

В рамках созданных литературных обществ и на страницах издаваемой ими периодики разворачивалась полемика по острым вопросам развития современной культуры. В ходе дискуссии, развернувшейся на Северо-Востоке, происходило неизбежное размежевание различных политических сил, уточнение требований к новой литературе, определение деятелями культуры собственных идеологических позиций.

С точки зрения китайской критики, первой попыткой выразить поддержку “революционной литературе” на Северо-Востоке была публикация в газете

“Дабэй синьбао” (“Большой Север”) статей Ань Хуайиня “Литература и современная обстановка” (“Вэньсюэ юй шиши”) 21 августа 1923 г. и “Литераторы и революционеры” (“Вэньсюэцзя юй гэминцзя”) 1 октября 1923 г.

В этих статьях автор подчеркивал связь литературы и общества, ставил перед писателями задачу отражать современность, создавать революционную литературу. Он заявлял: “Наша самая главная надежда — это литераторы-революционеры, а не консерваторы или романтики”. Резкой критике подверглись сторонники вновь воспрянувшего направления “уток и бабочек” Сюй Юй, Ван Чуньгэнь и другие. “Такого рода произведения потакают психологии мещан и бездельников, одурманивают сознание народа, играют разрушительную роль... Нынешний Китай — это определенно не общество, где воспевают ветер и луну, это не общество гармонии для романтических поэтов. Это время, когда необходимо активно взращивать ростки революции... Нужны революционные произведения, нужны произведения, обращенные в будущее”⁸.

Ань Хуайинь отмечал, что для создания революционной литературы писатели должны придерживаться революционной идеологии и нести ответственность за общество. Писатель должен стать правдивым глашатаем народных масс. “Писатели должны идти в народ, идти в общество, действовать вместе с народными массами, понимать их мысли и чувства, правдиво отражать их борьбу и жизнь”⁹.

Как отмечают китайские литературоведы, важной особенностью этого периода было смыкание интересов империалистической и полуфеодалной культуры, усиленных японской культурной агрессией, в борьбе против новой китайской культуры¹⁰.

Вслед за дискуссией между сторонниками старой и новой литературы, развернувшейся по всей стране с начала движения за новую культуру, на Северо-Востоке тоже вспыхнула горячая полемика о надеждах этого движения. Она проходила с конца 1920 до начала 1921 г. 1 января 1921 г. в газете “Чэнцзин шибао” был опубликован материал “О надеждах движения за новую культуру” (“Дуйюй синь вэньхуа юньдунчжи сиван”), составленный из статей шести авторов — Чжоу Шоуи, Чэнь Хуна, Дао Чэнсаня, Чжао Цзинфу, У Цзиндэна, Ли Ина. В этой публикации содержалась попытка проанализировать причины подъема движения за новую культуру в связи с “движением 4 мая”. Авторы писали: “Пришла новая эпоха, изменилась ситуация. Старая идеология, мораль, общественная система, сама жизнь не соответствовали новой эпохе, стали необходимы решительные перемены”¹¹.

Молодые литераторы были очень экспрессивны и эмоциональны. Чэн Хун, например, в своей статье горячо восклицал: “Движение за новую культуру — это аромат нового Китая XX века, наша любовь, наша глубокая любовь, наши надежды!”¹²

Однако в вопросе о соотношении старой и новой культуры они были не столь категоричны, как многие другие сторонники преобразований. Они признавали, что культура сохраняет свою ценность независимо от того, старая она или новая, хотя новая больше соответствует потребностям времени. Идеи Конфуция и Мэнцзы тоже можно наследовать и критически использовать. Поэтому, считали они, полное пренебрежение старой культурой — детское заблуждение, невежественный прием несведущего. Что касается западной культуры, то надо объективно оценить западные учения, изучить реальную ситуацию в Китае и сформировать новые идеи, которые следует практически использовать.

Кроме того, авторы этой публикации, которую можно рассматривать как манифест новых сил на Северо-Востоке, ставили перед собой две задачи.

1. Для создания широкого фронта движения за новую культуру необходимо объединяться, чтобы сообща добиваться успехов. Поэтому следует создавать различные группы, общества, объединения.

2. Для создания новой морали, нового социального строя, новой жизни одних разговоров недостаточно, необходимы практические действия. Для пробуждения масс нужно увеличивать тиражи книг, газет, журналов, необходимо заниматься идейным перевоспитанием интеллигенции.

Авторы осознавали, что главным препятствием на пути прогресса в Китае является феодализм, в их регионе усиленный милитаристской идеологией и японским колониальным влиянием. Ли Ин вопрошал: "Раз наше движение за новую культуру выступает против старой культуры, как же старая культура может не ненавидеть нас?" Чжоу Шоуи утверждал, что в своем движении они должны идти до самого конца.

Ситуацию идеологического "самоопределения" осложнило начавшееся в центре страны сворачивание движения, где ряды борцов были расколоты сторонниками направления "учись уравнивать" ("сюэхэн") Ху Сяньсу (1894—1968), Мэй Гуанди (1890—1978), У Ми (1894—1978). Ху Ши (1901—1962) и его единомышленники развернули движение "упорядочим [наследие] прошлого [нашей] страны" ("чжэнли гогу"). Их идеи о восстановлении старой культуры в своих правах дошли и до Северо-Востока. Вновь появились произведения на *вэньяне*, стихи старой формы.

Сюда с лекционным турне приезжал сам инициатор движения Ху Ши. В июле 1924 г. Ху Ши был приглашен с выступлениями в Далинь и Фэнтянь. 30 июля в Далине в Обществе молодежи состоялась его лекция "Движение за новую культуру". В другой своей лекции "Еще раз поговорим о том, как привести в порядок прошлое страны", прочитанной в Северо-Восточном университете, Ху Ши говорил, что неупорядоченное прошлое страны делает невозможной учебу молодежи. Те, кто рассчитывает на сотрудничество с массами и стремится избежать полного уничтожения национальной культуры, постепенно адаптируют трудные для чтения и понимания старые книги, сделают их доступными.

В периодических изданиях Шэньяна, Далиня, Чанчуня и других городов был опубликован манифест Ху Ши, в котором он признавал антиимпериалистический, антифеодальный характер движения за новую культуру, называл его движением, которое сможет заново оценить самобытную китайскую культуру.

Представители интеллигенции из левого лагеря, ориентированные на марксизм, ответили Ху Ши серией статей в местных изданиях.

В статье Линь Гэня "Литература и искусство вновь расцветут?" ("Вэньи фусин?") анализировались причины спада "движения 4 мая" и повсеместного сворачивания литературной революции. Главная из этих причин — сплоченные действия сторонников феодализма, милитаристских кругов и международных империалистов, направленные на раскол и дискредитацию движения.

В статье Чжао Ячи "Соответствует ли новая культура положению нашей страны" ("Синь вэньхуа юй вого цинши фоу") исследовались пороки феодальной системы в Китае, утверждалось, что демократия способна радикально исправить эти пороки. "Демократия может показать людям, что у них есть права, подвигнуть их на свободное развитие личности и всех своих возможностей, демократия может защитить мир на планете, создать счастье народов и уничтожить все зло,

создать прекрасный “изм”. Новая культура поняла самую суть нашего народа, а это и есть демократия. Нужно думать о том, как защищать Китай, для этого следует использовать новую культуру и осуществлять демократию... Новая культура! Демократия! Я горячо сочувствую вам, я надеюсь, что вы пораньше придете в Китай. Сейчас уже многие с радостью встретят вас”¹³.

Оценивая эту дискуссию, следует отметить, что она находилась на магистральном направлении движения за новую культуру, в русле идей “движения 4 мая”. Ее положительное значение состояло уже в том, что многие разобрались в сути происходящих процессов, оказались вовлечены в них. При этом полемика обнаружила также неопределенность и некоторую противоречивость взглядов части ее участников, недооценку идейных течений Запада.

4. Первые достижения новой литературы Северо-Восточного Китая в контексте идей “движения 4 мая 1919 года”

Новые идеи “движения 4 мая” привели и к пониманию необходимости создания новой литературы, вдохновленной этими идеями и отражающей их. В недрах китайской культуры зрела так называемая “литературная революция”, под которой мы понимаем всю совокупность изменений, произошедших в китайской литературе в начале XX в.

Большая китайская энциклопедия определяет это явление как изменения, произошедшие в литературе в период между началом 1917 г. и “движением 4 мая 1919 г.”, направленные против старой литературы в поддержку новой. Отметим, что этот процесс именуется “усы вэньсюэ гэмин” — литературная революция “4 мая”¹⁴.

Авторы нового справочника по китайской литературе (Е.А. Серебряков, А.А. Родионов, О.П. Родионова) выделяют два этапа в ходе литературной революции: два года до и два года после патриотического “движения 4 мая”¹⁵.

Говоря о литературной революции, мы имеем в виду не только появление новых тем и героев, но и масштабные преобразования в традиционной литературной структуре. Новая литература была связана с качественно иным типом художественного мировосприятия и новыми способами отражения жизни в литературных произведениях.

Одним из важных аспектов литературной революции стал лингвистический, состоявший в замене древнекитайского языка *вэньянь* на близкий к разговорному письменный язык *байхуа*. Как указывают исследователи, “движение за национальный язык было важной частью революционно-демократического движения “4 мая”. “Литературная революция” и “революция письменности” в значительной мере и выражали, и формировали ту революционную атмосферу, те политические движения, которые привели к революционным событиям 1919 года”¹⁶.

Замена одного языка другим способствовала демократизации культуры и образования, изменениям в иерархии литературных жанров, появлению в литературе новых тем, героев, художественно-образительных приемов, новой лексики.

Развитие новой литературы на Северо-Востоке было частью общенационального процесса. Для этого уже была подготовлена почва: существовали многочисленные периодические издания, литераторы в бурных дискуссиях определили свои позиции. Подчеркнем, что произведения новой литературы создавались непосредственно в период “движения 4 мая” и под его влиянием.

Важную роль играла информация из центра страны. В газетах и журналах публиковались статьи лидеров движения за новую культуру Ли Дачжао,

Чэнь Дусю, Ху Ши, рассказы Лу Синя, Е Шэнтао, Се Бинсинь, Ван Тунчжао, стихотворения Го Можо, Лю Дабая, Кан Байцина и других. Читатели вовлекались в круг актуальнейших проблем современности — произведения новой литературы выражали протест против феодальной морали и феодальной схоластики, призывали выступать за прогрессивные идеи в образовании, за свободный выбор в браке.

Заявили о себе и местные литераторы, сторонники новой литературы. Среди них Ван Чжожань, Мэй Фогуан, Бянь Цзунмэн, Му Мутянь, Лю Чжитун, У Чжуцунь и другие. В основном, проблематика их произведений касалась конфликтов в семье, связанных с феодальными пережитками. Преобладающими литературными формами этого периода были новые стихи, бессюжетная проза *самъ-вэнь* и короткая драма. Авторами произведений новой литературы, как правило, становились учащиеся, еще не обладавшие литературным мастерством, но преисполненные искренности и веры в свои силы. Литераторы Северо-Востока начали писать на *байхуа*. Одним из первых стал писатель и переводчик Му Жугай. Литератор Мэй И создал интересный роман “Мечта” (“Хуаньсян”). Герой этого произведения Чжоу Жэньгун испытывает неудовлетворенность нравами общества, в котором живет, поэтому он улетает на Луну, где создано идеальное государство пролетарской справедливости. Извечная китайская мечта о царстве равенства, о современном Персиковом Источнике, переплетаясь с сюжетами романов Уэллса, уже известных в Китае, давала читателям надежду на то, что и в самой мрачной, гнетущей обстановке найдутся новые, активные силы.

Лозунг “Искусство ради жизни и ради того, чтобы переделать жизнь”, провозглашенный членами Общества изучения литературы (Вэньсюэ яньцзю хуэй), воплощался в литературных произведениях и на Северо-Востоке. К ним можно отнести рассказы Вэй Ваня “Утешение в болезни” (“Цзибин чжундэ аньзэй”), Дани Те “Человек и собака” (“Жэнь юй гоу”), Чоу Тяня “Юный косарь” (“Ицао тунцзы”).

Рассказ Чоу Тяня посвящен одному из аспектов проблемы социального неравенства — недоступности образования для детей бедняков. Рассказ продолжает тему, поднятую произведениями современников — повестью Лу Синя “Записки сумасшедшего” с финальным вопросом “Может, есть еще дети, не евщие людей? Спасите детей!” и рассказом Ван Тунчжао “Мальчик на берегу озера”. Чоу Тянь вместе с Лу Синем и Ван Тунчжао отстаивает право каждого ребенка на образование и счастливое детство.

Дополнительным фактором поддержки движения за новую культуру на Северо-Востоке стало распространение в регионе произведений советской литературы, которое явилось частью мероприятий III Интернационала, активно развернувшего свою деятельность в Маньчжурии. Китайский читатель мог познакомиться с книгами советских авторов благодаря усилиям переводчиков Цзинь Жэня, Жэнь Гочжэня, Те Сяня. Переводы публиковались в газетах “Дабэй синьбао” и “Чэнцзин шибао”. Знакомство с советской литературой на данном этапе оказало существенное влияние на формирование новой литературы Северо-Востока как в идейном, так и в художественно-эстетическом плане.

Необходимо отметить, что в этот период литературные силы Северо-Востока были весьма разнородными. Кроме сторонников левых идей, борцов за новую культуру и прогрессивные перемены в обществе, выделялась группа приверженцев “национальной чистоты”, ратовавших за возврат к старому, за сохранение традиционных конфуцианских ценностей. Своеобразие литературной ситуации в регионе состояло в том, что в одно и то же время в местной периодике

публиковались произведения старой и новой литературы, находящиеся в идеологическом и эстетическом противоборстве. В этом отражалась основная тенденция времени — в условиях острой идейной борьбы происходила смена литературных эпох.

Рассматривая особенности “движения 4 мая” 1919 г. в Северо-Восточном Китае, отметим, во-первых, что “движение 4 мая” в регионе распространялось практически одновременно с движением за новую культуру, даже несколько опережая его, что отличалось от ситуации в центре страны. Во-вторых, на Северо-Востоке наблюдалось усиление противоречий между сторонниками старого и нового вследствие японского идеологического давления и угрозы агрессии. В— третьих, на становление новой литературы региона ощутимое влияние оказала советская литература. Формы и методы, в которых реализовывались основные этапы литературных и общественных движений, в основном совпадали с общенациональными. К ним можно отнести создание многочисленных литературно-художественных обществ с собственной периодикой, в рамках которых разворачивались теоретические дискуссии и публиковались литературные произведения. Также имели место антияпонские манифестации и забастовки. Основной силой движений была городская интеллигенция и учащаяся молодежь. “Движение 4 мая 1919 г.” сыграло важную роль в развитии новой литературы Северо-Восточного Китая.

1. Делюсин Л.П. Сквозь призму десятилетий (К 70-летию “движения 4 мая”) // Проблемы Дальнего Востока. 1989. № 2. С. 149.
2. Сорокин В.Ф. Меняющаяся действительность в зеркале литературы КНР // Проблемы Дальнего Востока. 1986. № 1. С. 128—139, № 2. С. 158—167.
3. Хузиятова Н.К. Литературные эксперименты в Китае 1980—х гг. в контексте “поиска культурных корней” // От национальной традиции к глобализации. от реализма к постмодернизму: Пути развития современной китайской литературы. Материалы международного синологического семинара. СПб., 2004. С. 85—99.
4. История Северо-Восточного Китая 17—20 вв. Кн. 2. Северо-Восточный Китай, 1917—1949 гг. Владивосток, 1989. С. 35—36.
5. Дунбэй сяньдай вэньсюэ ши [История современной литературы Северо-Востока]. Шэньян, 1989. С. 12.
6. Там же. С. 35.
7. Дун Синцюань. Усы синьвэньхуа юньдун юй дунбэй вэньсюэ [“Движение 4 мая” и литература Северо-Восточного Китая] // Дунбэй сяньдай вэньсюэ яньцзю [Изучение литературы Северо-Восточного Китая]. 1989. № 1. С. 31—36.
8. Дунбэй сяньдай вэньсюэ ши [История современной литературы Северо-Востока]. Шэньян, 1989, С. 20—21.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же. С. 22.
12. Там же.
13. Там же. С. 24—25.
14. Чжунго вэньсюэ [Китайская литература]. Пекин, 1998. С. 997.
15. Серебряков Е.А. Справочник по истории литературы Китая (12 в. до н.э. — начало 21 в.). М., 2005. С. 158.
16. Софронов М.В. Движение “4 мая” и проблемы национального языка // Проблемы Дальнего Востока. 1989. № 3. С. 151.

Загадка "династии Ся" и символика сельскохозяйственного цикла

© 2009

Н. Мартыненко

В статье показана связь этимологии иероглифа ся, обозначающего древнее самоназвание китайцев и имя легендарной первой китайской династии, с подсечно-огневым способом земледелия и древним сельскохозяйственным календарем. Эта связь, по мнению автора, во многом объясняет логику культурного сознания, выработавшего традиционные версии древней истории Китая, которые ученые КНР стремятся подкрепить результатами археологических и текстологических изысканий.

Ключевые слова: династия Ся, лунно-солнечный календарь, китайская иероглифика, подсечно-огневое земледелие.

В 1996 г. в КНР на государственном уровне была инициирована серия широкомасштабных исследований, получившая название "Проект хронологии [династий] Ся — Шан — Чжоу" ("Ся Шан Чжоу дуань дай гунчэн"). Целью проекта было уточнение датировок и периодизации истории Китая с конца III тысячелетия до н.э. до середины III в. до н.э. На протяжении почти пяти лет более 170 экспертов в области истории, палеографии, археологии, астрономии, радиоуглеродного датирования проводили исследования в рамках девяти направлений, которые включали 44 темы¹. Китайскому научному сообществу предложено опираться на хронологические рамки, понятия и концепции, уточненные и выработанные в ходе осуществления указанного проекта². Органичным его продолжением стала исследовательская программа, разработанная "Центром изучения цивилизации", созданным в 1999 г. под эгидой факультета археологии Пекинского университета. Она состоит из 11 тем и предполагает дальнейшее изучение поселений городского типа культур позднего неолита типа Луншань (луншаноидных), неолитических поселений в южной части пров. Шаньси и на севере пров. Хэнань.

Специфика названных проектов заключается, в частности, в том, что они предполагают использование традиционной китайской историографической модели. В том числе в исторический контекст вводится эпоха "Пяти первопредков" (*У ди*), именуемых в западной науке "культурными героями". Этой эпохе посвящен начальный раздел первого китайского историографического свода "Ши цзи" ("Исторические записки", конец I — начало II в. до н.э.), носящий название "У ди бэнь цзи" ("Основные записи о Пяти первопредках"). На смену данному периоду, по представлениям китайских историографов, пришла эра правления династий-чао, первая из которых — династия Ся — на Западе считается мифической. Между тем проект "Центра изучения цивилизаций" прямо предполагает исследование поселений, датирующихся временем правления династии Ся. Указанные пе-

риоды охватывают те этапы социального и политического развития, к которым принято применять такие термины, как “трибализация” (от лат. *triba* — “племя”) и “вождизм” (“*chiefdom*”)³.

Проект “Центра изучения цивилизации” призван проверить свидетельства древнекитайской историографической традиции, правдивость излагаемых в ее рамках сведений о ранней истории китайской цивилизации⁴.

Фактически идет речь о целенаправленном формировании официальной концепции истории нации.

В общекультурном сознании китайцев древние мифы и легенды давно переплелись с реальной историей событий. Этому способствовала эвгемеризация (историзация) мифа в традиционной историографии. Китайские мыслители со времен Конфуция стремились понять мифы и предания исторически, давая им рационалистическое толкование. Древние божества и культурные герои часто выступают как правители государств, а их помощники и окружение воспринимаются в качестве императорских сановников, хотя действие относится к настолько далекому времени, что для него трудно представить наличие подобной государственной иерархии. На территории КНР до сих пор сохранились храмы и гробницы, в которых, согласно преданиям, покоятся останки легендарных героев. Яркое свидетельство тому — остающиеся до наших дней объектами поклонения усыпальницы легендарных Хуан-ди (“Желтого Императора”) и Великого Юя. Принципиальная новизна нынешней ситуации — подкрепление прежних культурных стереотипов авторитетом точного научного знания. В официальном издании “Чжунго лиши цзинянь бяо” (“Хронология истории Китая”, 2001) история китайской государственности начинается с дат правления Хуан-ди (Сюань-юаня — 2697—2599 гг. до н.э.), а Великий Юй фигурирует как основатель первой в китайской истории династии Ся, правившей с 2207 по 1766 гг. до н.э.⁵

Результаты сопоставительного анализа данных письменной традиции и археологических исследований рассматриваются при этом как свидетельства за или против историчности сведений, изложенных в древнекитайских текстах. В данной связи делаются попытки отождествить некоторые останки протогородских поселений с известными из древнекитайских текстов столицами древних царств. Например, с главными районами, в которых протекала деятельность Хуан-ди, связываются руины Сишань и Гучэнчжай у г. Синьми (пров. Хэнань). Обнаруженное вблизи г. Линьфэнь уезда Сянфэнь пров. Шаньси поселение городского типа идентифицировано как столица упоминавшегося в памятниках царства, основанного “совершенномудрым” правителем Яо (традиционная версия — XXIV—XXIII вв. до н.э.). В качестве самого раннего участка, иллюстрирующего наступление эпохи правления династии Ся, рассматривается стоянка Вадянь у г. Ючжоу в пров. Хэнань. В стоянке Ванчэнган близ уездного центра Хэнани г. Дэнфэна китайские ученые видят Янчэн — столицу Великого Юя, а стоянку в Синьчжай у г. Синьми полагают местом расположения Хуантай, столицы сына Великого Юя — Ци, ставшего первым наследственным правителем династии Ся⁶. Результаты археологических исследований должны подкреплять свидетельства древнекитайской письменной традиции, сохранившей самобытную концепцию истории.

Эта задача отражает специфику культурно-идеологической ситуации, складывающейся в нынешнем Китае. Однако использование для историописания хронографических моделей, содержащих явно “доисторические” или мифологические включения, отнюдь не является изобретением китайцев. Временная шка-

ла, апеллирующая к легендарным правителям или героям древности, — распространенное явление для многих культур, ведущих отсчет своей истории от неких событий или лиц. В этом ряду можно назвать даты правления древнейшего фараона Египта, династий древнейшей Вавилонии, основания Рима и т.п. В современном мире самой распространенной точкой отсчета Новой эры выступает год Рождества Христова, принимаемый в качестве хронологического рубежа подавляющим большинством людей независимо от их воззрений на христианское предание.

В этой связи спор о реальности легендарных китайских первопредков и правителей правомерно уподобить выяснению даты рождения Иисуса Христа: возможно, существенное для части богословов и историков церкви, оно вряд способно повлиять на сложившуюся культурную практику. Что же касается следов ранней и поздней мифологии, то их можно обнаружить в любой историографии, и китайская не является исключением.

Предметом обсуждения здесь может и должно быть то, что позволяет выявить закономерности отражения исторической реальности в причудливой мифологической гиперболе. Например, то, какие именно смыслы носили понятия традиционной китайской историографии — такие как *у ди* (“пять первопредков”) и прочие — в разные периоды. В архаическую эпоху указанное понятие могло иметь один смысл, в текстах II тысячелетия до н.э. — несколько иной, в памятниках конца I тысячелетия до н.э. — уже существенно другой. Сведения, сохранявшиеся в доциньских текстах, во времена династии Хань могли быть переосмыслены и введены в новый исторический контекст⁷.

Рассмотрим данную проблему на примере понятия, обозначающего иероглифом *ся*. Он фиксирует, в частности, древнее самоназвание китайцев. *Чжун ся* и *хуа ся* называли себя насельники древней центральной культурной зоны Китая в I тысячелетии до н.э. Эти понятия стали синонимичными понятию *чжунго-жэнь* — “люди срединных царств”, затем, в имперский период, — “люди срединного государства”; до сих пор данные этнонимы являются самоназваниями китайской культурной общности. Иероглиф *ся* стал и обозначением династии, традиционно считающейся первой в истории Китая.

Тот же иероглиф использован в названии традиционного лунно-солнечного календаря — *Ся ли*, в течение тысячелетий задававшего ежегодный цикл государственных ритуалов, сельскохозяйственных работ и являвшегося одной из основ китайской культуры. Первое, что рекомендовал Конфуций ученику Янь Юаня, вопрошавшему о том, как следует управлять государством: “Введи календарь *Ся*” (“Лунь юй”. XV.10). Помимо этого, иероглиф *ся* применяется для обозначения жаркого времени года — лета. Сочетание знаков *ся чжэн* — “установление *ся*” обозначает первый месяц по традиционному календарю. Календарь *Ся сяо чжэн* (“Малое установление *Ся*”) — это самая ранняя из письменно зафиксированных китайских систем счисления времени. До нашего времени он дошел в одноименной главе в составе текста “Да Дай ли цзи” (“Записки о ритуале Старшего Дая”)⁸: там содержатся сведения о разделении года на 12 месяцев с учетом кругового движения созвездия Ковша (Большой медведицы) и положения созвездий, приведены сведения климатического и фенологического характера, записи о календарных занятиях и деяниях власти, соответствующих каждому месяцу года⁹. В “Ши цзи” говорится о том, что Кун-цзы (Конфуций) “выправил [исчисление] сезонов *Ся*, многие ученые истолковывали календарь *Ся сяо чжэн*”¹⁰.

В своих древнейших формах, представленных в надписях на костях (конец II тысячелетия до н.э.), иероглиф ся изображал человека, держащего в одной руке топор (верхний элемент — “глаз с ресницами” — символизирует голову). В дальнейшем в надписях на бронзовых сосудах и в надписях в стиле чжуань иероглиф видоизменился, но здесь еще сохранялись элементы первоначальной формы, в совокупности изображавшие стоящего человека, две руки и топор. В дальнейшем начертание еще более изменилось, и в современном написании трудно угадывается абрис прежней фигуры¹¹. Однако древнее значение знака — “внушающий уважение мощный воин” — оставалось известным и в последующие времена, свидетельством чему является соответствующий комментарий к иероглифу ся в словаре “Шовэнь цзецзы” (начало II в. н.э.)¹², а также словосочетание ся гуань, в эпоху Чжоу (XI—III вв. до н.э.) обозначавшее начальника военного приказа, военного министра¹³.

Как уже отмечалось, в текстах I тысячелетия до н.э. иероглиф ся входил в словосочетание хуа ся, ставшее самоназванием китайской нации. Иероглиф хуа и сам по себе стал обозначать такие понятия как “Китай”, “китайский”. В древнейших начертаниях, известных по надписям на костях, знак хуа изображал “раскидистое дерево” ; отсюда производные значения “цвести”, “цветущий”, “процветать”, “плод”. В дальнейшем в надписях на бронзовых сосудах , в стилях гувэнь , чжуань он несколько трансформировался в процессе стилизации и унификации иероглифики¹⁴. Во времена своего возникновения название хуа ся могло иметь вполне конкретное значение, отраженное в древнем рисунке — первооснове древнейших форм начертания этих иероглифов в надписях на гадательных костях: . Он может быть истолкован как наглядное изображение “стоящего рядом с деревом человека с топором”. Этот натуралистический смысл древних знаков помогает понять, почему иероглиф ся мог стать также обозначением “установления Ся” — ся чжэн как первого месяца по лунно-солнечному календарю, теплого сезона — лета, календарного цикла и сельскохозяйственного календаря, и каким образом данный смысловой ряд связал знак ся с обозначением культурной общности, государственной системы и именем династии.

В древнем контексте понятие хуа ся могло наглядно отражать ситуацию вырубки деревьев и фиксировать начало календарного цикла, сопряженного с подсечно-огневым земледелием. В текст конфуцианского трактата “Мэн-цзы” (IV в. до н.э.) включено повествование о том, как по приказу Юя, основателя династии Ся, выжигались леса на склонах гор. Герой И должен был выжечь леса и низины, чтобы дать возможность народу обрабатывать землю и избавить его от нападения диких зверей¹⁵. Эта практика в древние времена была широко распространена на территории Китая, покрытой густыми лесами. Таким образом понятия ся и хуа ся и могли стать самоназванием этнической общности древних земледельцев, которые противопоставляли себя населению окружающих регионов, имевших иные уклады жизни и ритуалы.

Формы подсечно-огневого земледелия, поныне сохраняющиеся в развивающихся странах влажных тропиков, аналогичны тем, которые повсеместно возникали при зарождении обработки земли на любых лесных территориях¹⁶. До сих пор эта экстенсивная форма землепользования кормит сотни миллионов человек¹⁷. В настоящее время в Китае она применяется в некоторых горных районах острова Хайнань, в других областях на юге и юго-западе. Там и сегодня мо-

жно видеть, как люди выходят с топорами на поля вырубать кустарник и сдирать кору с деревьев, повторяя из года в год то, что столетиями делали их предки. Еще чаще эту картину можно наблюдать в странах Юго-Восточной Азии.

Процесс формирования ассоциативных рядов, связующих данную форму хозяйствования с календарным циклом, можно проиллюстрировать на примере ряда иероглифов, имеющих к ней прямое отношение.

В первую очередь это знак *си*, состоящий из графем “топор” и “дерево” и имеющий значение “рубить топором дерево”. Его древнее начертание наглядно изображало соответствующую ситуацию. Несколько иная, производная от него форма *синь* имеет древнее глагольное значение “расколоть древесину”, а как имя существительное означает “хворост”, “дрова”. При этом он приобрел производные значения “новый”, “свежий”, в которых и используется в современном китайском языке. На этимологию этого знака прямо указывают его древние формы: . В современном начертании этот знак для значения “дрова” был дополнен сверху уточняющим детерминативом “травы”: : ¹⁸. В свою очередь, понятия года и урожая, годового и земледельческого циклов обозначаются в китайском языке одним иероглифом — “нянь”, имеющим значения “год”, “новый год”, “урожайный год”, “урожай”, что и зафиксировано в его древнейших начертаниях: они изображают “человека, который несет на спине спелый колос, символизирующий снопы злаков нового урожая”: ¹⁹. При этом сочетание иероглифов *синь нянь*, в современном китайском языке означающее “новый год”, в древней форме наглядно отображает начало и конец земледельческого цикла: , где знак обозначает действие — “рубить древесину”, а иероглиф — “человек несет на спине спелый колос” — символизирует новый урожай.

Подобным образом можно объяснить и семантику иероглифа *ци* (“моление”, “поклонение”), который входит в название храма Циняньдянь (“Храм моления урожаю года”). Этот знак состоит из графем *цзинь* — “топор” и *ши* — “каменный столик”, “алтарь” ²⁰. Вплоть до XX в. неотъемлемым элементом наиболее значимой в Китайской империи церемонии вознесения жертв императором в храме Неба и моления об урожае в храме Циняньдянь являлся танец с топором. А на юге Китая до сих можно увидеть, как представители народности яо молятся о новом урожае во время весеннего праздника, знаменующего начало нового сельскохозяйственного цикла. Центральной церемонией обряда является танец человека с топором в руках, на лицо которого надета маска. Эту пляску, или пантомиму можно понимать и как воспроизведение сцены из жизни первопредков. Примечательно, что к языковой группе мяо-яо часто относят и народность *шэ* — этот этноним восходит к названию подсеčno-огневого способа обработки земли ²¹.

При применении данной системы земледелия чрезвычайно важно было точно определить срок начала сельскохозяйственного цикла, так как ошибка в установлении дня выхода на работы могла быть фатальной. Примером может послужить история, которая произошла на другом континенте в XX в., но вполне могла случиться и в Китае в древние времена. В 1950 г. многие мексиканские газеты сообщили об отчаянном положении индейцев-лакандонов, которым грозила голодная смерть: умер Панчо Вьехо — последний из лакандонов, кто разбирался в тайнах календаря и мог по звездам определять сроки основных полевых работ. После его смерти у племени было два урожая только потому, что лесную поляну, которую они выжигали, заливало дождем, и индейцы опаздывали с посевом ²². Поскольку выжигание произво-

дилось в самом конце сухого сезона, даже незначительная затяжка с началом работ становилась роковой и ливневые дожди мешали сгоранию деревьев и кустарников на поле. Успешное земледелие во многом обуславливалось агрокалендарем, строго регламентировавшим и закреплявшим в системе календарных ритуалов сроки и очередность всех сельскохозяйственных работ.

Таким образом, цикл подсечно-огневого земледелия имел календарное воплощение, соблюдавшееся из поколения в поколение. Подобное исчисление годового цикла не вполне потеряло свое значение и сегодня, отразившись в том строгом порядке, в котором вся китайская нация отмечает “Праздник начала весны” — *чуньцзе*. Он приходится на второе новолуние после дня зимнего солнцестояния. В рамках соответствующей этому календарному циклу системы 24-х двухнедельных календарно-сельскохозяйственных периодов солнечного года вслед за соответствующим *чуньцзе* периодом *ли-чунь* — “установление весны” через две недели следует период *юй-шуй* — “дождевые воды”. Две недели по традиции длится и праздник *чуньцзе*, завершаясь и одновременно достигая своей кульминации торжествами “главной ночи года”, называемой также “Праздником фонарей” (*юань-сяо*), когда “на небе поднимается полная луна, на земле зажигается свет фонарей”. Соответствующие празднества некогда сопровождались древним обычаем освещать факелами поля, а среди малых народностей на юго-западе Китая эта ночь до сих пор отмечается как “Праздник факелов”. Данный обычай может быть истолкован как отражение некогда реального сожжения, накануне наступления сезона дождей, деревьев для создания делянок в лесу. В дальнейшем, по мере изменения уклада жизни, сведения лесов и перехода к плужному земледелию первоначальные реалии трансформировались в символические формы календарных празднеств.

В большинстве районов Китая празднование “главной ночи” начиналось непосредственно накануне наступления периода *юй-шуй* — “дождевые воды”. Существует несколько версий происхождения этого праздника, восходящих в основном к преданиям времен правления династии Хань, однако эти версии, вероятнее всего, являются результатом переосмысления древней традиции в соответствии с реалиями имперской эпохи. Обрядовая ночная иллюминация создается множеством масляных светильников всевозможных форм и расцветок. Фонари зажигают поздно вечером, и весь Китай погружается в море огней. В старину существовал обычай в этот праздник прыгать через огонь, к духам местности обращались с молитвой о ниспослании богатого урожая. Также в эту ночь было принято вешать на длинном бамбуковом шесте посреди поля фонарь и по цвету огня предсказывать наводнения и засухи, а также будущий урожай.

Цикл празднования Нового года по лунно-солнечному календарю в Китае можно соотнести с наблюдаемым до сих пор в Юго-Восточной Азии ритмом хозяйственной жизни крестьян, которые применяют подсечно-огневую систему земледелия в холмистых местностях на участках, поросших лесом. В сухой сезон там вырубают кустарник, сдирают кору с деревьев и оставляют их засыхать, а через пару месяцев, в самом конце сухого периода, участки выжигают. После чего на делянках, сдобренных золой, с началом сезона дождей проводят посев, а примерно в октябре собирают урожай. Так исторически формировалась последовательность самых значимых для земледельческого сообщества событий его жизни, календарные даты которых и структурировали систему празднеств, являющуюся средством фиксации и трансляции знаний, технологий и способов исчисления времени.

Французский этнограф, специалист по странам Юго-Восточной Азии Ж. Кондоминас определяет архаический календарь земледельца как "ритуальную технологию".²³ Например, в рукописях древних майя, также занимавшихся прежде всего подсечно-огневым земледелием, отведено значительное место описанию дел земледельческих божеств, особенно богов дождя. Жрецы описывали, чем занимается в определенное время тот или иной бог, а верующим оставалось только следовать примеру своего божества. В дальнейшем многие из этих хозяйственных операций в реальной жизни перестали выполняться или изменились, но память о них как о занятиях богов сохранилась в священной традиции. Календарные сроки, утратившие практический смысл, превратились в некие мистические периоды, о наступлении которых по указанию рукописей знали только жрецы. Астрономические расчеты жрецов майя, отличавшиеся поразительной точностью, отражались в скульптуре, барельефах, древних рукописях и даже архитектуре. Так, исследуя руины древнего города Копана в Гондурасе, археологи обнаружили два каменных монумента (стелы 10 и 12), расположенные друг против друга на вершинах холмов, которые замыкают с запада и востока долину Копана. Если смотреть от стелы 12, то можно установить, что солнце заходит прямо за стелу 10 всего два раза в год: 12 апреля и 7 сентября. Первая дата приходится на самый конец сухого сезона, поэтому ученые предполагают, что 12 апреля начиналось выжигание растительности на полях. Когда вечером 12 апреля солнце заходило за стелу 10, то в древности по всей долине рассылались гонцы, извещавшие земледельцев о том, что боги повелели начать выжигание полей утром следующего дня.

Продолжая данную аналогию, стоит отдельно указать на новейшие археологические открытия на территории Китая, свидетельствующие о древности традиции ведения календаря и наблюдений за светилами. Об этом можно судить, например, на основании итогов изучения стоянки Таосы (пров. Шаньси), датированной примерно 2500—1900 гг. до н.э. Она стала важным объектом исследований в рамках проекта "Центра изучения цивилизации". Раскопки на участке Таосы, впервые проведенные в конце 1970-х — начале 1980-х гг., привели археологов к заключению, что там располагалось крупное обнесенное стеной поселение, относящееся к заключительной фазе позднего неолита²⁴. В 1999—2001 гг. там были обнаружены остатки глинобитной стены, огораживавшей участок в 280 га, на котором в 2100—2000 гг. до н.э. располагалось самое крупное из известных ныне окруженных стеной поселений доисторического Китая. Следующая серия раскопок, осуществленная в 2002 г., привела к открытию глинобитной стены, датированной 2300—2100 гг. до н.э., а также платформы дворцового сооружения, кладбища знатных лиц, общественного хранилища. В 2003—2004 гг. здесь было обнаружено сооружение в виде валов со следами колонн, окружавших полукруглые участки хорошо утрамбованной земли — глинобитные платформы в форме полумесяца. Сооружение располагалось у южной стены и датировалось 2100—2000 гг. до н.э. Реконструкция дает основание предполагать здесь алтарь, размещавшийся на трех уровнях. Первый, внешний, уровень — в форме полумесяца, 23—30 метров от центра алтаря, площадью около 1700 кв. м; второй уровень — аналогичной формы, 19—21 м от центра алтаря, более 1000 кв. м; третий, верхний уровень — полукруг около 13 м от центра алтаря. По заключению археологов, изначально во внутреннем круге были установлены 12 деревянных прямоугольных в сечении колонн на каменных основаниях шириной 1,4 м и высотой не менее 4 м каждая. Стоя в центре алтаря, можно увидеть, что промежутки между колоннами шири-

ной 0,15—0,2 м были обращены на восток и ориентированы на вершину горы Чунфэнь. Было высказано предположение, что данное сооружение предназначалось для наблюдений за восходами и заходами солнца, необходимых для ведения солнечного календаря.

Предполагается, что восходы и заходы солнца наблюдали через просветы между колоннами, определяя таким образом смену времен года. Ежедневные наблюдения обнаруживали, что точка касания солнцем горизонта в течение года смещается сначала в одну, а потом в обратную сторону в пределах одного и того же сектора. В марте солнце восходит почти точно на востоке и каждый день перемещается на диаметр диска влево к северу. Этот суточный ход постепенно уменьшается и к началу лета, в июне, достигает едва заметной величины в одну минуту дуги. К 22 июня суточный ход сокращается до полуминуты дуги, что и называется летним солнцестоянием. Затем начинается движение в обратном направлении, к югу. Оно длится все лето и к сентябрю суточный ход увеличивается вновь до размера диска. После прохождения момента осеннего равноденствия, 21 сентября, точка восхода опять оказывается точно на востоке и ход светила снова замедляется, пока 21 декабря не наступит зимнее солнцестояние. Затем движение снова начнется по направлению к северу. Наблюдая таким образом из центра алтаря за движением солнца, можно вычислить продолжительность года и отдельных сезонов. Наблюдения за 45 восходами Солнца в период между зимними солнцестояниями 2003 и 2004 гг. подтвердили данную гипотезу. Археологи, воспроизводившие наблюдения, убедились, что эта древняя обсерватория позволяла вычислять наступление очередного времени года с погрешностью не более двух дней по сравнению с календарем, широко используемым до сих пор в сельских районах Китая. Вычисленная в ходе наблюдений астрономическая дата 2026(±115)—2050 гг. до н.э. совпала с имеющимися радиоуглеродными датами для данного сооружения — в пределах 2100—2000 гг. до н.э.²⁵ Открытие древней обсерватории в Таосы и проведенный здесь эксперимент стали темой обсуждения на специальном форуме с участием 20 китайских археологов, астрономов и историков²⁶.

Храм-обсерватория, открытый в Таосы, является древнейшим из известных сооружений, предназначенных для календарных вычислений. Его можно рассматривать и в качестве реального прообраза легендарного культового сооружения *мин-тан*. Это название можно перевести как “дворец” или “зал” (*тан*) “рассвета, света, ясности” (*мин*) и истолковать как “Дворец календаря”²⁷. В эпоху Чжоу и раннеимперский период *мин тан* являлся дворцом, в котором правитель Поднебесной осуществлял свои наиболее важные властные полномочия: отмечал наступление нового года, возвещал смену сезонов, что сопровождалось принесением жертв. Обряды, совершавшиеся в храме *мин-тан*, предваряли функционально аналогичные церемонии более низкого уровня, проводившиеся удельными правителями, которым полагалось возвещать в храмах предков о начале каждого месяца, совершая при этом соответствующие жертвоприношения. Все эти церемонии создавали своего рода “систему сигнализации” о начале сезонных работ.

Древние правители Китая, в определенное время года занимая место на соответствующей стороне храма *мин-тан*, тем самым последовательно фиксировали начало следующего периода годового цикла и инициировали начало тех или иных сельскохозяйственных операций. Например, когда правитель, облаченный в зеленые одежды, в середине второго месяца весны останавливался с восточной

стороны храма, это символизировало посещение им Востока в момент весеннего равноденствия. Подавая личный пример своему народу, он воплощал “учение без слов”, транслируя древние знания в ритуальном танце и пантомиме. Регламент предписывал правителю в определенное время года занимать покои в той или иной стороне дворца, употреблять пищу и носить одежду, соответствующие данному сезону, и даже откладывать казни до осени, поры умирания. Нарушение этого порядка рассматривалось как одна из основных причин возможной потери власти правящим домом. Небрежение принципом соответствия сезону могло разрушить алгоритм, лежащий в основании миропорядка и, тем самым, сельского хозяйства — материальной основы существования общества. Таким образом, в системе ритуалов сопрягались этический, экологический и прагматический смыслы. Обладание *мин-тан* было исключительно царской прерогативой, и этот храм являлся не просто символом, а концентрированным воплощением Вселенной²⁸.

Примечательно, что Мин-тан — это также название созвездия, имевшего важное значение в древнекитайской астрономии при определении наступления весны²⁹. Данное созвездие, восходившее весной на небесном своде в центре созвездия Лазурного Дракона (Цин лун), описывалось как “сердце” последнего. В “Исторических записках” Сыма Цяня, в разделе “Трактат о небесных явлениях”, говорится: “Восточный дворец неба (Дун-гун) [сходен с] Синим драконом, [главные его созвездия] — Фан (Дом) и Синь (Сердце). Созвездие Синь — это Мин-тан, а самая крупная звезда в нем — звезда Тянь-ван (Небесный Правитель, в западной астрономии звезда Антарес, альфа Скорпиона. — Н.М.), звезды же впереди и позади нее — его сыновья и подданные... С тех пор, как народился [наш] народ, разве был хоть один правитель, который бы не исчислял движения Солнца, Луны, планет и звезд? Когда наступило [время правления] пяти домов и трех династий, при них осуществлялись подобные наблюдения, приобретшие большую ясность. Срединное государство было разделено на двенадцать областей. Глядя вверх, люди наблюдали [за расположением] звезд на небе, глядя вниз, подражали тому, что находилось на земле. На небе размещались Солнце и Луна, на земле действовали силы *инь* и *ян*. На небе располагались пять планет, на земле действовали пять стихий. На небе находились различные созвездия, на земле имелись области и районы. Три источника света [на небе] [наполняли] внутренней сущностью силы *инь* и *ян*, а жизненная суть этих сил коренилась в Земле, и мудрецы управляли, объединяя все”³⁰.

Развитие земледелия сопровождалось формированием институтов управления, обслуживавших потребности земледельческой общины и интегрировавших все большие массы населения. Деятельность земледельца неизбежно обуславливается циклом климатических изменений и культивации растений. Изучение циклических природных взаимосвязей, начавшееся еще в архаическую эпоху, оформлялось в доктрины календарного характера и стимулировало развитие институтов астрономических наблюдений, которые с древнейших пор имели ключевое значение для китайской мифологии, государственной идеологии, философии, историографии. Древние календарные предписания кодифицировались в системах ритуалов, жертвоприношений, молений о предстоящем урожае. В императорском Китае одной из важнейших задач государя и его власти являлось точное следование циклу сезонных фенологических изменений, что предполагало систематическое изучение астрономических явлений. Эти задачи органически вплетались в государственную идеологию и системы ритуальных предписаний.

Издревле одной из главных функций правителя Китая было утверждение и рассылка календаря, регламентировавшего периоды сельскохозяйственных работ, что символизировало мироустроительную роль его власти³¹. В древнекитайских текстах упоминаются три системы отсчета начала года: при династии Ся — с первой луны, при Инь — с 12-й, при Чжоу — с 11-й. В рамках единой системы отсчета времени по лунно-солнечному календарю данные различия могли иметь отношение, скорее, к ритуальному празднованию начала года, т.е. несли идеологический и религиозный смысл, не означая фактического различия календарных систем. Сакральный статус династии соотносился со священным характером календаря, который являлся одним из важнейших атрибутов власти, ибо соблюдение должных сроков сельскохозяйственных работ обеспечивало урожай — источник жизни всего государства. В “Исторических записках”, в разделе “Трактат о календаре”, календарные установления связывались с велениями высших сил, которым следовало подчинять и обязательное обновление календаря пришедшей к власти династией: “Когда сменяется род правителей, получающий повеление [Неба на правление], то [государь] должен внимательно подойти к установлению начал [года], к перемене первого числа первой луны года, к смене цвета [парадных] одежд, должен доискаться до небесных начал и основываться на них, следовать намерениям [Неба] и принимать их”³².

Летоисчисление осуществлялось по годам правления государей, череда которых как бы и задавала ход времен. В рамках династического правления институт ответственных за хронографию жрецов трансформировался в особый слой чиновничества, являвшийся неотъемлемой компонентой имперского строя. До начала XX в. одной из наиболее важных обязанностей китайского монарха было ритуальное открытие сельскохозяйственного года. В начале весны император совершал церемонию вспашки первой борозды на ритуальном поле в южном предместье столицы. За плугом его сменяли сановники, а вслед за ними — специально призванные крестьяне. Подобные традиции восходили к временам формирования китайской культуры и государственности. Древние ритуалы поклонения Небу соотносились с обрядами определения и провозглашения времен года, являвшимися символической основой всей системы государственного управления.

По-видимому, такого рода календарно-ритуалистический символизм отразился и в широком комплексе значений иероглифа ся, который стал служить для обозначения летнего сезона, календарной системы, первой в истории Китая династии и всего “культурного” древнекитайского сообщества, противопоставлявшего себя “варварам”.

Коннотация иероглифа ся с аграрным циклом прослеживается и в названии “летнего перепела” — ся ху, которое стало обозначением чиновника, собиравшего народ на прополку полей. Здесь мы видим метонимический перенос народной сезонной приметы в контекст хозяйственного управления, осуществлявшегося государственной администрацией. Этот пример хорошо показывает направление, в котором развивалась сфера употребления иероглифа ся: от архаических реалий, связанных с земледелием и его природосообразной организацией (первоначально — самих древних воинов и земледельцев, в среде которых складывался сельскохозяйственный календарь), к социальным, культурным и политическим институтам, возникавшим в процессе эволюции аграрного сообщества, для которого календарное исчисление оставалось символом и условием гармонии мира. Независимо от того, существовала ли в действительности династия Ся, логика культурного сознания,

формировавшая традиционную китайскую концепцию истории Поднебесной, опиралась на чрезвычайно давние и прочные основания.

1. Цао Вэй. Чжоуюань цзягувэнь [Надписи на гадательных костях из Чжоуюань]. Пекин, 2002. С. 1—2.
2. *Li Xueqin*. The Xia — Shang — Zhou Chronology Project // *Journal of East Asian Archaeology/Academic Publishers Brill in Leiden*. Boston; Кцлн. 2002. Vol. 4. P. 321—333; *Lee Yun Kuen*. Building the Chronology of Early Chinese History // *Asian Perspectives: The Journal of Archaeology for Asia and the Pacific*. 2002. Vol. 41, № 1. P. 15—42.
3. Концепция “вождизма” широко применяется ныне при изучении истории Китая как в западных странах, так и в России для объяснения процессов формирования древнейших “протогосударств”. См. например: *История Китая: учебник/Под ред. А.В. Меликсетова*. М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 16—17, 32.
4. *Li Liu*. *The Chinese Neolithic: Trajectories to Early States*. Cambridge, 2004. P. 9.
5. Чжунго лидай цзинянь бяо [Хронология истории Китайского государства] // Чжунхуа лиши вэньку [Собрание классических древнекитайских текстов]. Пекин, 2001. С. 1.
6. Подробнее см.: *Мартыненко Н.П.* Культура как превращение знаков — вэньхуа. М., 2006. Т. 2. С. 159—195.
7. О спорах по поводу содержания понятия *у ди* см., например: *Chang K.C.* *Art, Myth and Ritual: the Path to Political Authority in Ancient China*. Camb. (Mass.), 1983. P. 2; *Id.* *Sandai Archaeology and the Formation of States in Ancient China: Processual Aspects of the Origins of Chinese Civilization // The Origin of Chinese Civilization*. Berk, 1983. P. 495—522.
8. Конфуцианский канон “Ли цзи” известен в двух версиях: Дай Дэ (Да Дай — “Старший Дай”, I в.) изложил версию из 85 пяней (глав), а его племянник Дай Шэн — Сюа Дай (“Младший Дай”) — на этой основе составил текст из 49 пяней, “Сюа Дай ли цзи”, считающийся основой современного текста, включающего то же число глав.
9. Да Дай ли цзи чжуцзы соинь [Записки о ритуале Старшего Дая с познаковым указателем]. Тайбэй, 1993.
10. Сыма Цянь. Ши цзи [Исторические записки] // Эршилю ши. Чжунхуа лиши вэньку [Двадцать шесть [династических] историописаний. Собрание исторической китайской классики]. Пекин, 2001. С. 59.
11. Ханьцзы юаньлю цзыдянь [Этимологический словарь китайских иероглифов]. Пекин, 2003. С. 540.
12. Сюй Шэнь чжуань, Сюй Сюань цзяодин [Сочинение Сюй Шэня, исправленное Сюй Сюанем]. Шовэнь цзецзы [Объяснение знаков-вэнь и толкование знаков-цзы]. Шанхай, 2004. С. 143.
13. Большой китайско-русский словарь в 4 томах/Под ред. И.М. Ошанина. М., 1984. Т. 4. С. 6; Чжоу ли [Церемониал [династии] Чжоу]. Сер.: Чжуцзы байцзы чжи ши сань цзин. Чжунхуа гудянь цзинхуа вэньку [Сочинения авторов всех [философских] школ. Собрание выдающихся памятников китайской классики]. Пекин, 2001. С. 57.
14. Ханьцзы юаньлю цзыдянь [Этимологический словарь китайских иероглифов]. Пекин, 2003. С. 197.
15. Мэн-цзы чжэн и (“Мэн-цзы” в правильном толковании). Сер.: Чжу цзы цзичэн, II. Шанхай, 1935. С. 200.
16. *Горнунг М.Б.* Постоянновлажные тропики: изменение природной среды под воздействием хозяйственной деятельности. М., 1984.
17. *Conklin H.C.* *The Study of Shifting Cultivation // Current Anthropology*. 1961. Vol. 2, № 1.
18. *Се Гуаньхуэй*. Чаньюн ханьцзы туцзе [Иллюстрированное толкование часто употребляемых иероглифов]. Пекин, 1997. С. 182.

19. Это обстоятельство уже отмечали отечественные китаеведы. См., например: *Малавин В.В. Китайцы // Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год. М., 1985.*
20. *Се Гуаньхуэй. Указ. соч. С. 304.*
21. Под этим названием они стали известны, начиная со времен правления династии Южная Сун (1127—1279 гг.). Шэ проживают небольшими компактными поселениями, а также совместно с ханцами в горной местности на стыке провинций Фуцзянь, Гуандун, Цзянси и, в особенности, на стыке Фуцзяни и Чжэцзяна.
22. *Гуляев В.И. Становой хребет “Древнего царства” // Древние майя: загадки погибшей цивилизации. М., 1983. С. 88—106.*
23. *Kondominas G. Ritual Technology in Mong Gar. Swidden Agriculture: Rise Societies. L., 1986. P. 29.*
24. *Gao Tianlin, Zhang Daihai, Gao Wei. Chronological Dates and Phases of Taosi Type of Longshan Culture: Research on Prehistory. Xian, 1984.*
25. Institute of Archaeology Chinese Academy of Social Sciences (IA CASS). Excavation of the Large-sized Structure Foundations in Sacrificial Area of the Taosi City-site in Xiangfen City, Shanxi // *Kaogu (Archaeology). Beijing, 2004. № 7. P. 9?24; Hu Zhongwei, Yan Jiarong. Directory for Star Observation. Nanjing, 2003. P. 47; IA CASS, et al. Tombs of the Middle Taosi Culture Discovered on the Taosi City-site // Kaogu (Archaeology). Beijing, 2003. № 9. P. 3—6.*
26. Chinese archaeologists said they have found the world earliest observatory, dated back to some 4,100 years ago, in North China's Shanxi Province // *Taiyuan, Xinhuanet. 2005. 30 oct.*
27. В русскоязычной научной литературе встречаются разные варианты перевода: “Пресветлый престол”, “Пресветлый зал”, “Зал света”, “Храм света” и т.п.
28. *Гране М. Китайская мысль. М., 2004. С. 73.*
29. *Гудай ханьюй цыдянь [Словарь древнекитайского языка]. Дацзыбэнь [Большое собрание иероглифов]. Пекин, 2002. С. 1075.*
30. *Цит. по: Сыма Цянь. Исторические записки. М., 1986. Т. 4. С. 147, 115—116.*
31. *Конфуциева летопись “Чуньцю” (“Весны и осени”). М., 1999. С. 109.*
32. *Сыма Цянь. Указ. соч. Т. 4. С. 107.*

Активизация изучения русского языка в Китае после образования КНР

© 2009

А. Хохлов

Подписание в мае 1924 г. первого советско-китайского договора привело не только к нормализации дипломатических отношений с советской Россией, но и распространению знаний о ней благодаря переводам на китайский язык произведений русских классиков. Новый импульс изучению в Китае русского языка был дан в период японо-китайской войны 1937—1945 гг. Как показано в статье, особенно широкий размах движение за овладение русским языком получило в первые годы существования КНР, остро нуждавшейся в переводчиках для ознакомления и усвоения опыта приехавших из Советского Союза специалистов, работавших в области промышленного строительства, сельского хозяйства, науки и культуры.
Ключевые слова: изучение русского языка в КНР, роль Общества китайско-советской дружбы, В.Н. Рогов, русско-китайский словарь.

Потребность в знатоках русского языка в Китае впервые была обнаружена в русско-китайском Кяхтинском договоре 1727 г., предусматривавшем ведение межгосударственной дипломатической переписки между российским Сенатом и Лифаньюанем (Палатой по делам внешних сношений). Поначалу подготовка переводчиков велась шинским двором при содействии членов Пекинской духовной (православной) миссии, получившей официальное признание в том же Кяхтинском договоре. В 1861 г. при новом внешнеполитическом ведомстве Цзунлиямэнь (Коллегии по иностранным делам) в столице была учреждена школа иностранных языков — Тунвэньгуань, в которой дети видных чиновников (преимущественно маньчжуры) изучали русский язык под руководством бывшего члена Пекинской духовной миссии А.Ф. Попова (ум. 1870).

С вводом в эксплуатацию КВЖД в крупных городах Китая вслед за Пекином появились первые китайские школы с преподаванием русского языка. Под влиянием роста внешнеэкономических связей Китая заметно возросла потребность в переводчиках, в том числе знакомых с русским языком, особенно после учреждения в 1912 г. Китайской Республики.

Первые серьезные шаги Китая в организации курсов русского языка были предприняты еще в годы антияпонской войны 1937—1945 гг. по инициативе Общества культурных связей между Китаем и Советской Россией. Они стали возможны благодаря нормализации советско-китайских отношений, характеризовавшейся возобновлением деятельности Посольства СССР в Нанкине с последующим его переездом в Чунцин вслед за китайским Центральным правительством. Как видно из сообщения журнала "Интернациональная литература" (1941. № 2. С. 244—245), к этому времени

в Центральном университете Китая, переехавшем из Нанкина в Чунцин, уже в течение двух лет работал студенческий кружок по изучению СССР и особенно русской литературы. В г. Куньмине был вскоре учрежден Юго-Западный университет, где также стал функционировать студенческий кружок по изучению советской литературы, стимулировавший распространение русского языка.

О росте интереса китайской общественности к русскому языку как средству познания соседней страны с новым общественным строем и традиционной культурой свидетельствовал факт организации (по инициативе Общества культурных связей между Китаем и Советской Россией) курсов русского языка в четырех крупных городах Юго-Западного Китая: Чунцине, Гуйяне, Гуйлине и Куньмине, где более 200 чел. специально занимались изучением русского языка, открывавшим путь к познанию характера и особенностей русской литературной классики.

Изучение русского языка в Центральном Китае в годы японской оккупации, довольно активно велось благодаря передачам советской радиостанции “Голос Родины”, работавшей в Шанхае в тесном контакте с известным журналистом, сотрудником ТАСС Владимиром Николаевичем Роговым (1906—1988) и его издательством, выпускавшим в Шанхае журнал “Шидай” (“Эпоха”)¹. Полчасовые радиопередачи на русском языке начинались в 6 час. утра и шли три раза в неделю. Журнал “Шидай” называл эти передачи по-китайски “Эвэнь цзянцзо” (“Лекторий русской письменности”). Дополнением к ним служили передачи на русском языке “Последние новости”, которые велись в дневное и вечернее время: в 2 час. 45 мин., 17 час. 45 мин. и в 10 час. вечера. О содержании и организации радиовещания на русском языке позволяет служить выдержка из письма директора радиостанции В. Валина:

“Большое внимание уделяет наша радиостанция организации уроков русского языка для китайского населения. Эти уроки проводит в эфире преподаватель-китаец, получивший высшее образование в России. От радиослушателей мы получаем много писем с вопросами, касающимися изучения русского языка, что позволяет сделать вывод о том, что аудитория обучающихся русскому языку довольно многочисленная. Тексты уроков печатаются в еженедельно выходящем здесь журнале “Эпоха” [“Шидай”], и это является существенным подспорьем для лиц, [самостоятельно или в организованном порядке] изучающих русский язык” (Здесь и далее курсив мой. — А.Х.)².

Для радиопередач нередко использовались китайские переводы произведений российских писателей, издаваемые “Эпохой” с параллельным русским текстом, облегчавшим знакомство читателей с языком оригинала. Примером такого рода пропаганды русской классики и ее языка может служить китайский текст рекламы, сопровождавшей ранние произведения А.М. Горького в китайском переводе с рекомендацией их читателям. Так, в журнале “Шидай” (1947. № 5) публикация китайского перевода рассказа М. Горького предварялась такой рекламой-рекомендацией: “Это — прекрасный спутник для изучения и прочтения образцов русской письменности”, “Справочник для занимающихся [обратным] переводом”, благодаря чему публикуемые “рассказы могут служить учебным пособием” для занимающихся русским языком.

Более важным инструментом изучения русского языка служил для китайцев при начальном с ним знакомстве учебник русского языка. Один из них представлен в двух номерах журнала “Шидай”, опубликованных в ноябре 1947 г. (№ 3—4).

После образования КНР пропаганда русского языка в Китае приняла более широкие масштабы, причем главным организатором различного рода курсов выступило Общество китайско-советской дружбы, созданное 5 октября 1949 г. Согласно корреспонденции, появившейся в Шанхайском ежемесячном литера-

турно-художественном журнале “Шидай цзачжи” 1 января 1950 г. (№ 182) и озаглавленной “Китайская молодежь изучает русский язык”, Обществом было организовано три школы по подготовке переводчиков, в которых под руководством четырех преподавателей занималось пять групп слушателей. При этом автор статьи отмечал, что с Нового года начнет работать открывающийся при Народно-революционном университете факультет русского языка, ректором которого был назначен знаток русского языка Цзян Чуньфан, тогдашний редактор журнала “Шидай”, которого хорошо знал В.Н. Рогов. Для работы на указанном факультете были приглашены 12 русских преподавателей. Из 2200 абитуриентов после сдачи экзаменов осталось только 300 чел., допущенных к учебным занятиям, что свидетельствовало о строгом отборе будущих студентов.

Как видно из сообщения журнала “Шидай” от 8 марта 1950 г., 19 февраля в Шанхае открылся Институт русского языка, который возглавил проф. Цзян Чуньфан.

В октябре 1949 г. на территории столичного района — на полпути от Пекина до загородного дворца Ихэюань — возник аналогичный институт “Бэйцзин зюй сюэюань”. В него в феврале 1951 г. вошел факультет русского языка Института иностранных языков, а в июле 1955 г. — факультет русского языка Народного университета (“Жэньминь дасюэ”). По данным газеты “Дружба” за декабрь 1955 г. здесь обучалось около 5700 студентов, причем института включал в себя педагогическо-переводческий факультет и двухгодичные курсы усовершенствования. Кроме студентов в этом вузе обучались и аспиранты.

Помимо институтов русского языка в Пекине и Шанхае функционировали семь крупных учебных заведений с преподаванием русского языка. Примечательно, что уже в апреле 1954 г. в Харбине были открыты первые в КНР заочные курсы русского языка, о чем 22 сентября 1955 г. сообщила газета “Дружба”, поместившая статью под заголовком “Изучая русский язык, укрепляем дружбу [с СССР]”. К овладению русским языком настойчиво призывали молодежь руководители КПК и КНР, о чем свидетельствует, например, одна из подборок материалов на эту тему в газете “Дружба”. Так, призыв Чжоу Эньляя к китайской молодежи звучал так: *“Во имя строительства нового Китая налаживайте преподавание и изучение русского языка, усиливайте культурные связи с Советским Союзом”*. Интересным представляется и призыв Чжу Дэ, который обращаясь к педагогам, говорил: *“Улучшайте преподавание русского языка, с любовью выращивайте кадры знающих русский язык. Для нужд строительства в Китае готовьте кадры, способные правдиво пропагандировать передовой советский опыт в области политической борьбы, экономического и оборонного строительства”*.

На важное значение изучения русского языка в КНР в эти годы указывала и Сунь Цинлин, вдова Сунь Ятсена, игравшая важную роль в культурной жизни страны. Особенно интересна ее оценка первого номера газеты “Дружба” на русском языке (15 апреля 1955 г.): *“Выход в свет газеты “Дружба” на русском языке является одним из замечательных событий в области дружественных отношений между великими китайским и советским народами... Китайско-советская дружба основана на общности интересов наших двух стран и пользуется единодушной поддержкой наших народов... Эта дружба способствует общему прогрессу человечества и возведению [нашего] общества на новую, высшую ступень. Таково главное значение китайско-советской дружбы, являющейся великим вкладом народов Китая и Советского Союза в общее дело мира и прогресса человечества... Мы рады каждой новой силе, которая способствует нам в дости-*

жении дальнейших побед во имя этой дружбы. Вот почему мы горячо приветствуем “Дружбу” и желаем ей больших успехов”.

Высокую оценку пропаганде русского языка давал видный китайский общественный деятель — переводчик и пропагандист русской литературы Гэ Баоцюань, называвший Институт русского языка в Пекине любимым вузом китайской молодежи³.

Серьезный вклад в дело распространения русского языка в первые годы КНР внесло Общество китайско-советской дружбы. Об этом позволяет судить, например, корреспонденция из Пекина от 18 апреля 1950 г. о состоявшемся заседании Общества 17 апреля 1950 г. В его работе участвовали видные деятели КПК и общественные деятели: председатель Общества Лю Шаоци, вице-председатель Сунь Цинлин, Линь Боцюй, У Юйчжан, Го Можо, Ли Дэцюань (вдова Фэн Юйсяна), писатель Мао Дунь и поэт Эми Сяо. На этом заседании присутствовали в качестве гостей советские дипломаты, в том числе С.Л. Тихвинский. В данном сообщении приводилась следующая важная информация: “Общество организовало вечерние курсы русского языка, на которых в настоящее время занимаются 228 студентов, а также 37 вечерних школ русского языка в городах Северо-Восточного Китая”. Кроме того, школы русского языка, согласно указанной корреспонденции, функционировали в городах Баодин, Калган (Чжанцзякоу), Шанхай, Ханькоу, Кантон (Гуанчжоу), Ланьчжоу и Циндао⁴.

Надежным индикатором увеличения числа изучающих русский язык при отделении Общества советско-китайской дружбы служил рост численности этой массовой организации, объединявшей различные слои китайского населения. Об этом росте свидетельствуют приводимые ниже архивные материалы и данные тогдашней китайской и русскоязычной прессы КНР. Как сообщало 25 апреля 1950 г. агентство “Синьхуа”, за пять месяцев работы Общества (со дня основания) его численность увеличилась в 3 раза и оно насчитывало в своих рядах 20 749 тыс. (против 7 тыс.)⁵.

Согласно сообщению газеты “Новая жизнь”, в Шанхайском отделении Общества менее чем через два года число его членов <рабочих, крестьян и студентов> увеличилось до 609 497 чел., а к декабрю 1951 г. до 740 тыс., в результате чего каждый восьмой житель Шанхая являлся членом Общества⁶.

В Гуанчжоу Общество китайско-советской дружбы к концу сентября 1951 г. насчитывало 83 836 членов, в том числе рабочие составляли 29 037, учащиеся — 22 847 чел.⁷

Эти факты дают представление о том, какую огромную роль играло Общество китайско-советской дружбы, численность членов которого к началу 1953 г., согласно неполным данным, опубликованным 10 апреля 1955 г. в газете “Дружба”, превышала 68 млн чел. Помимо Центрального правления общества в Пекине, в масштабе всей страны имелось до 2 тыс. провинциальных, городских и уездных отделений на промышленных, горнодобывающих и других предприятиях, в государственных учреждениях, учебных заведениях, кооперативах и других организациях. В программе обучения русскому языку активно участвовали центральные и местные органы радиовещания. Три раза в неделю после позывных Пекинской центральной народной радиостанции диктор объявлял: “Начинаем урок русского языка”. Регулярными курсами русского языка по радио, организованными пекинским Обществом китайско-советской дружбы были постоянно охвачены 8 тыс. слушателей, официально зарегистрированных.

Первые годы КНР ознаменовались появлением на книжных рынках Пекина, Харбина, Дальнего и других городов учебников и учебных пособий по русскому языку, посвященных разъяснению его грамматических форм и правил в научно-попу-

лярном изложении. Наиболее интересные работы были изданы Лю Цзэжуном (1892—1970), блестящим знатоком русского языка, получившим образование в Петербургском университете и в течение нескольких лет после Октября 1917 г. возглавлявшим Союз китайских граждан на основе подписанного В.И. Лениным мандата о соблюдении их гражданских прав. Еще в 1936 г. им была опубликована в Пекине грамматика русского языка (“Эвэнь вэньфа”), которая сначала появилась в г. Дальнем (Дальнянь) в 1949 г. Однако наиболее научно-разработанной публикацией Лю Цзэжуна по этой тематике оказалась его “Русская грамматика на русском и китайском языке” (“Эвэнь вэньфа”), вышедшая в свет в Пекине в 1950 г. в издательстве “Саньянь шудянь”. Она состоит из двух частей: морфологии и синтаксиса, разбитых на параграфы, в соответствии с которыми даны правила и упражнения к ним. В 1956 г. под редакцией Лю Цзэ-жуна вышел в свет “Новый русско-китайский словарь” (“Э хань синь цыдянь”), изданный в Пекине в издательстве “Шидай” (“Эпоха”), за ним последовала публикация в китайской столице “Большого русско-китайского словаря” (“Э хань да цыдянь”), содержащего 105 тыс. слов и выражений.

Ценное пособие по изучению русского языка под названием “Эвэнь фаньи цанькао шуцэ” (“Справочник по переводу с русского языка”) подготовило и издало в 1951 г. местное отделение Общества русско-китайской дружбы в г. Дальнем и Порт-Артуре. В этом справочнике представлена широкая база данных для самостоятельной работы и консультаций.

Несколько ценных учебников и словарей по русскому языку вышло в 1952—1953 гг. в Харбине и среди них учебное пособие “Эвэнь юйфа вэньти цзеда” (“Изучение русского языка в вопросах и ответах”). Оно появилось в серии “Эюй чзачжи цуншу” (“Коллекция материалов из журнала по русскому языку”). Значительно большее распространение в Харбине в начале 50-х гг. получили обычные популярные учебники под названием “Кэбэнь”.

К выборочно взятым, далеко не полным изданиям учебных пособий, изданным в КНР, следует обязательно присоединить вышедший в Пекине в 1953 г. (в издательстве “Шидай”) русско-китайский словарь (“Э хуа цыдянь”), составленный в Москве Чэнь Чанхао и Б.С. Исаенко (Исанькэ)⁸.

Уже в первые годы после образования КНР в связи с ростом политических, экономических и культурных связей с Советским Союзом процесс духовного сближения народов двух соседних стран, ступивших на путь тесного делового сотрудничества, пошел более активно и масштабно. Этому отчасти сопутствовала активизация в различных слоях тогдашнего китайского общества пропаганды русского языка, ставшего в Китае главным иностранным языком в деле технического перевооружения этой страны с помощью советских специалистов. Верными помощниками этих специалистов стали переводчики, в том числе приехавшие из Советской России, принявшие призыв китайской интеллигенции относительно более широкой и целенаправленной организации массовой кампании по овладению русским языком в филологических вузах и специальных языковых группах, организуемых центральными и местными организациями Общества китайско-советской дружбы. Среди приехавших в Китай было немало молодых талантливых китаистов, однако не каждый мог заняться столь сложной и кропотливой работой, какая требовалась при составлении того или иного словаря. Лишь наиболее опытные, с солидным стажем лексикографы могли взяться за подготовку такой работы, и в их числе — известный китаист-журналист Владимир Николаевич Рогов (1906—1988), выпускник Московского института востоковедения. Получив отличную языковую практику во время работы на КВЖД, в период японо-китайской войны он успешно выполнял обязанности корреспондента ТАСС в Шанхае в

годы японской оккупации⁹. После образования КНР он задумал составить словарь, столь необходимый для распространения русского языка, используя переводы произведений русской классики на китайский язык и переводы произведений известного китайского писателя Лу Синя на русский язык. О том, насколько тщательно и скрупулезно велась работа по составлению указанного словаря, позволяет судить приводимая ниже переписка В.Н. Рогова с членом редакции выходившего в Шанхае журнала "Шидай" русским эмигрантом Ю.А. Штраусом¹⁰, активным участником работы по составлению русско-китайского словаря до и после отъезда советского журналиста на Родину в 1951 г.

1. В.Н. Рогов — Ю.А. Штраусу (25 июля 1950 г., Пекин)

"... Самое главное заключается в том, что и составление и издание нашего словаря ведется кустарным способом при очень небольшом аппарате работников и при довольно низкой полиграфической технике... Пожалуй, это единственный словарь, составляемый в наше время не по карточкам, как это теперь обычно делается, а старинным способом — при помощи рукописей [касающихся] отдельных букв. Может быть, В.И. Даль уже мучился от этой старомодной системы, и после 40 лет работы над "Толковым словарем живого великорусского языка" пришел к выводу, что словари должны составляться по карточкам.

И все же мы не можем перепрыгнуть наши скудные возможности. Со всеми этими обстоятельствами приходится мириться и работать методами прошлого столетия...

Время от времени я буду Вам пересылать напечатанные на отдельных листах термины и отдельные примеры, относящиеся к разным буквам. Вместе с тов. Гу Юн-чжунем Вы сразу вносите их в рукописи и в гранки уже набранных букв. Это новое мероприятие мы ввели потому, что критика, которой были встречены первые две буквы нашего словаря, главным образом сводится к тому, что у нас в словаре мало или недостаточно современной политической, юридической, исторической и философской терминологии...

Посылаю Вам копию одного из отзывов, который я получил в Пекине. Это письмо от профессора русского языка в Пекинском университете Лю Цзэжуна, который в настоящее время по поручению китайского правительства приступил к переводу на китайский язык всех четырех томов "Толкового словаря русского языка" Д.Н. Ушакова. Должен с радостью отметить, что вообще все отзывы, которые получил [я] на первые две буквы, очень положительные. Конечно, есть и указания на наши ошибки, но лучше получить их раньше, чем после того, как словарь будет издан. Одно общее мнение во всех отзывах, и оно очень краткое: "Кончайте Ваш словарь!"

Мы решили закончить составление и редактирование нашего словаря не позднее 1 января 1951 г. ... Теперь нужно подумать над тем, как нам нужно работать в оставшиеся пять месяцев"¹¹.

2. Из письма профессора русского языка в Пекинском университете Лю Цзэжуна от 14 июля 1950 г., полученного В.Н. Роговым.

"Поздравляю Вас с близким завершением Вашего многолетнего труда по составлению словаря. По своему прошлому, неудачному, прерванному нашествием японцев, опыту вполне согласен с Вашим определением подобного труда, как "очень интересного, но очень мучительного". Тем большее удовлетворение Вы должны испытывать теперь, когда доводите свою работу уже к завершению.

Я в эти дни очень занят — имею чрезвычайно мало свободного времени. Тем не менее я посвятил несколько часов беглому ознакомлению с любезно присланными Вашими гранками букв "А" и "Б" Вашего словаря.

Впечатление очень хорошее. Видна очень большая работа, проделанная Вами. Насколько можно судить по данным гранкам, это будет словарь, я бы сказал, "среднего объема". В нем должно быть больше материала, чем в вышедшем в прошлом году словаре Го Цзинтяня¹². Да и словарный материал разработан в Вашем словаре полнее. Ваш словарь должен удовлетворить запросам не только начинающим учиться русскому языку, но и переводчиков литературы неспециального характера. Очень интересен данный Вами перевод многих пословиц и поговорок. Видно, что в этом направлении Вами была произведена специальная работа"¹³.

3. В.Н. Рогов — Ю.А. Штраусу (30 октября 1950 г., Пекин)

"Буквы "И" и "К" [следует] начинать набором после отливки бумажных матриц "А" и "Б". Прошу Вас гранки набора делать на более широких листах, чтобы можно было уместить дополнения и поправки.

Да, конечно, [у нас] XIX век! Мы слабы технически, но еще более мы слабы грамотными людьми. Имейте в виду, что у нас больше всего работают китайцы. У них знание русского языка [чаще всего] книжное, [поэтому] живой русский язык они не чувствуют. [У Вас] тяжелая работа, но ее нужно довести до конца.

Прошу также выяснить, вставляются ли юридические термины на правах дополнений? И дополнения из моего письма? Все это нужно вставить [в словарь]! Непременно. Мне можно не присылать гранки с этими добавлениями.

Пока все. Жму руку

Вл. Рогов"¹⁴.

4. В.Н. Рогов — Цзян Чуньфану (10 марта 1951 г., Пекин)

"В заключение я хочу поставить вопрос о том, что пора уже приступить к составлению вводной статьи к словарю, в которой необходимо будет пояснить, во-первых, принципы, на которых наш словарь построен, и во-вторых, — как пользоваться словарем. Я думаю, что нужно одновременно поручить это дело тт. Гу Юнчжуну и Штраусу, а потом сравнить, что они напишут, и составить окончательный текст. Какое Ваше мнение?

Гранки буквы "А" с окончательным моим утверждением, вышлю в понедельник, 12 марта"¹⁵.

5. В.Н. Рогов — Ю.А. Штраусу (10 июня 1951 г., ст. Маньчжурия)

"Как видите, пишу я Вам со станции Маньчжурия. Завтра будем в СССР.

...
Теперь о делах. Опять нет пока необходимости разъяснять китайским товарищам значение Вашей работы. Они это понимают... Прошу Вас продолжайте эту важную работу с тем же вниманием и ответственностью, как и прежде. Перед отъездом [из Пекина] я говорил с тов. Цзян Чуньфаном о дальнейшей работе над словарем, а также о Вашей роли. В частности, Вам придется досоставить недостающие четыре буквы Ч, Ш, Э, Ю. Вы будете у нас главным корректором, а [когда] дело подойдет к изданию [словаря], так, может быть, и техническим редактором. В связи с этим Цзян Чуньфан обещал увеличить Вам зарплату. Мы договорились, что ко мне в Москву Вы будете присылать два-три экземпляра гранок, сверстанных в листах. Я буду их показывать в Москве специалистам и после просмотра подписывать их к изготовлению матриц. Все материалы мне нужно пересылать через Пекин (через тов. В.А. Жилина), а из Пекина авиапочтой [в Москву]. Тот же порядок будет и для моей Вам корреспонденции. Нечего и говорить, что каждый раз нужно будет подтверждать получение ответственных материалов хотя бы коротко.

Ваша дальнейшая работа над словарем должна проходить под руководством тов. Цзяна. Он — изумительный человек, насколько молчалив, настолько же и отзывчивый...

Радости моей нет границ. Трудно себе представить, что через девять дней я буду в Москве... Между прочим, нашими первыми признаками приближения к Родине были харбинские бублики, совершенно такие же, какие мой дедушка привозил с базара, и на ст. Барим в первый раз за многие годы [я] увидел ландыш. Не шанхайский ландыш без запаха, а наш лесной ландыш с тонким ароматом подлинной нежности. Я не удержался и как девица купил у русского паренька большой букет...

Желаю Вам всего хорошего. Пишите и главное продолжайте Вашу важную работу над словарем.

Передайте привет нашему молчаливому певцу Валентину Павловичу [Жилину].

С товарищеским приветом

Вл. Рогов¹⁶.

К сожалению, с отъездом В.Н. Рогова в 1951 г. в СССР на последующей подготовке столь важного для овладения русским языком пособия негативно сказались политические кампании в КНР, помешавшие окончанию работы над словарем. По словам одного китайца, сотрудника издательства "Шидай" в Шанхае (переданным с большим опозданием В.Н. Рогову через Ю.А. Штрауса), частично подготовленный типографский набор для словаря был уничтожен после общественного осуждения нового редактора, обвиненного в "коррупции" в период кампании борьбы "с пятью злоупотреблениями" (*у фань*). Помимо указанного факта в этой истории можно найти другие ее подробности в письмах Ю.А. Штрауса, мечтавшего написать мемуары о своем пребывании в Шанхае. Об этом позволяет судить его письмо от 17 сентября 1962 г., в котором сообщалось:

"Вчера получил Ваше письмо от 13 сентября. Благодарю за любезное доверие. При складывающихся условиях уверен, что воспоминания об издательстве "Эпоха" получатся. Даже несколько открытых данных о сроках Вашей работы... в издательстве делают предстоящую мне работу много яснее, не говоря уже о характере Ваших 8-ми вопросов... Считаю возможным сказать, что *прошедшая у меня на глазах жизнь издательства после передачи его КНР, с первых дней до моего отъезда из Шанхая (15 апреля 1955 г.) может ярко подтвердить, какое большое значение имело для наших китайских товарищей незримо политическое воспитание [со стороны] советского руководства, а отсюда недалеко до одного из основных факторов советско-китайской дружбы.*

В настоящий момент ответу на Ваши 8 вопросов лишь в общих чертах, т.к. более основательное пояснение последует в дальнейшем, может быть, уже в виде фрагментов всей намечаемой мною работы:

...7. Как Вы работали в издательстве "Эпоха" после передачи ее китайским друзьям в июне 1955 г.? И 8. Какова судьба нашего словаря?...

С горечью вспоминаю дни, когда до меня доходили сведения о намечаемом его уничтожении (в металлическом виде матриц с готовыми страницами). Гранки до буквы "С" включительно, возможно, сохранились у моего китайского ученика (в Шанхае), которому я подарил их при прощании... Между прочим *у меня где-то в фотоархиве есть снимок: Вы с кем-то стоите возле памятника Пушкину в Шанхае. Надо поискать. Это и в самом деле яркая страничка прошлого...*

Если это письмо застанет Вас в Москве, обязательно пришлите мне, если можете, адрес останков "Эпохи" в Пекине. Я хотел бы обменяться парой строк с сестрами Сюй, и может быть с Е Шоу-фу. И поймейте в виду, что мой ученик в Шанхае, которому я помогаю в работе и сейчас в переводах с русского на китайский и поддерживаю дружескую переписку) охотно наведет для меня [и Вас] вся-

кую справку в Шанхае. Он прилично владеет русским языком и хорошо английским (жена пишет ему по-английски).

Ну, пока все. *Счастливый Вы человек, которому судьба сохранила крылья. У меня же они, по-видимому, основательно подрезаны. Счастливого пути и всего доброго*¹⁷.

Таким образом, всегда преуспевавшему в делах журналисту Рогову из-за отъезда на родину в 1951 г. и последующей неблагоприятной истории в Шанхае с завершением своего русско-китайского словаря явно не повезло из-за политической кампании в КНР, но с подобной задачей блестяще справились Чэнь Чанхао и Б.С. Исаенко, которым при издании своего труда в 1953 г. в Пекине удалось в весьма корректной форме учесть самые несущественные замечания редакции «Шидай» ради сохранения основного текста оригинала, впоследствии получившего новую жизнь в народном Китае, где так остро ощущалась потребность в добротных учебных пособиях по русскому языку.

1. Подробнее см.: Хохлов А.Н. Журналист-китаист В.Н. Рогов в Китае в период антияпонской войны 1937—1945 гг. // Восточный архив. 2007. № 16. С. 79—86.
2. Там же. С. 62.
3. Дружба. 1955. 26 авг.
4. ГАРФ, ф. 5283, оп. 18, ед. хр. 129, л. 4.
5. ГАРФ, ф. 5283 [1950 г.], оп. 18, ед. хр. 129, л. 7.
6. Новая жизнь. 1951. 15 окт.: Новое слово. 1952. 2 февр.
7. ГАРФ, ф. 5283 [1951—1954], оп. 18, ед. хр. 145.
8. Подробнее см.: Борис Степанович Исаенко (1914—1965) — блестящий знаток китайского языка. талантливый педагог и замечательный переводчик-эрудит // Восточные чтения 2008: Тез. докл. науч. конф., 8—10 окт. 2008 г. М., 2008. С. 28—29.
9. Подробнее см.: Хохлов А.Н. Журналист В.Н. Рогов в Китае в период антияпонской войны (1937—1945) // Китайская философия и современная наука. М., 2008. С. 79—86.
10. Ближайшим помощником В.Н. Рогова в подготовке русско-китайского словаря был журналист Юрий Адольфович Штраус (1892—1963), работавший в течение более 40 лет в различных русских газетах России и Китая. Свою трудовую деятельность в периодической печати он начал в 1907 г. в газете «Голос Москвы». В 1908 г. он состоял корреспондентом петербургской газеты «Новое время» в Тегеране. В 1909—1915 гг. его литературным сотрудничеством отмечены публикации газеты «Раннее утро», «Русское слово», «Утро России». В 1918—1919 гг. он, находясь в Омске, был мобилизован правительством Колчака для работы в газеты «Русская армия». В 1919—1921 гг. его корреспонденции появились в газетах «Новый путь» (Владивосток) и «Уссурийский гудок». В 1921 г. он переезжает в Харбин, где до 1937 г. активно работает в местных русских газетах и журналах. В последующие годы жизни его литературная работа проходит в Тяньцзине и Шанхае, важных центрах российской эмиграции. В 1914—1946 гг. он издает журнал «Сегодня», а с 1943 по 1955 г. работает в Шанхайском отделении издательства «Эпоха» («Шидай»), после чего в 1955 г. уезжает в СССР.
11. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), ф. 2266, оп. 1, ед. хр. 15, л. 26—28.
12. См.: Го Цзинтянь. Э хуа цыдянь [Русско-китайский словарь]. Пекин. 1950.
13. РГАЛИ, ф. 2266, оп. 1, ед. хр. 15, л. 29.
14. РГАЛИ, ф. 2266, оп. 1, ед. хр. 15, л. 36.
15. РГАЛИ, ф. 2266, оп. 1, ед. хр. 15, л. 41—42.
16. РГАЛИ, ф. 2266, оп. 1, ед. хр. 15, л. 47—48.
17. РГАЛИ, ф. 2266, оп. 1, ед. хр. 10, л. 1—5.

Научная жизнь

Заметки о современном американском китаеведении

© 2009

Д. Шамбо

В настоящих заметках изложены некоторые личные размышления относительно целого ряда факторов, затрагивающих сферу исследований современного Китая в Соединенных Штатах Америки за период с 1950-х гг. до начала XXI столетия*. Их необходимо предварить двумя следующими замечаниями. Во-первых, поскольку автор заметок является политологом, несколько большее внимание в его изложении уделяется именно этой научной области, а не экономике, социологии или гуманитарным дисциплинам. Тем не менее, надеюсь, что удастся охарактеризовать общие направления научных изысканий в отношении современного Китая с момента провозглашения в 1949 г. Китайской Народной Республики. Во-вторых, в Соединенных Штатах сфера изучения Китая не ограничивается сегодня лишь рамками академических кругов, выходя далеко за их пределы. Она охватывает американские правительственные круги, банки и корпорации, юридические фирмы и довольно широкий спектр неправительственных учреждений. Таким образом, ниже речь пойдет об основных тенденциях, присущих исключительно академическим кругам — только одной из частей гораздо более представительного на сегодняшний день синологического сообщества США.

Перемены в Китае

Очевидно, что постижение современного Китая в американской научной среде происходит в режиме "реагирования", поскольку выражается в ответной реакции на смену как событий в самом Китае, так и теорий, возникающих в области общественных наук. Во многих случаях такие события влекут появление осо-

Шамбо Дэвид, профессор политологии и международных отношений, руководитель Программы изучения политики Китая в Институте международных отношений им. Эллиота Университета Дж. Вашингтона, приглашенный старший (почетный) исследователь Программы изучения внешней политики в Центре исследований политики стран Северо-Восточной Азии Института Брукингса, г. Вашингтон, округ Колумбия.

* В основу статьи положено выступление автора в Институте Дальнего Востока РАН 8 июня 2009 г.

рых видов новых исходных данных и методов проведения исследований, которые способствуют возникновению их новых направлений. Несомненно, тенденция эта отнюдь не нова, поскольку сама синологическая отрасль всегда реагирует на события внутри Китая и отношения КНР с зарубежными странами, что можно сжато, но наглядно проследить на примере пяти основных периодов или этапов, являющихся предметом внимания американской синологии (и, соответственно, пяти поколений американских китаеведов):

- 1) 1950-е гг. — середина 1960-х гг.;
- 2) конец 1960-х гг. — конец 1970-х гг.;
- 3) 1980-е гг.;
- 4) 1989 г. — середина 1990-х гг.;
- 5) конец 1990-х гг. — 2009 г.

Первый этап

В 1950-е гг. поощрялось изучение нового статуса партии, ее органов и учреждений (институтов), руководства и идеологии. Китаеведы пытались также определить, что во вновь созданной КНР было действительно новым, носило “коммунистический характер” и было навязано Советским Союзом, а что сохранилось из присущего исключительно “китайскому духу”. Такое “первоначальное разграничение” явилось первым важным шагом на пути к пониманию характера нового режима. Роль марксистско-ленинско-маоистской идеологии становилась первостепенным предметом изучения по мере того, как многие ученые погружались в глубины произведений Маркса, Энгельса, Гильфердинга, Ленина, Троцкого, Сталина, Мао, Лю Шаоци, Хо Ши Мина и др.

На протяжении 1950-х гг. тщательно исследовались китайско-советский альянс и “советизация” китайской экономики, политическая система, система образования, военный и другие аспекты. С появлением в конце 1950-х гг. “трещин” в китайско-советских отношениях аналитики начали внимательно отслеживать их признаки.

Дипломатия Пекина в развивающемся мире также заинтересовала определенное, хотя и не столь большое количество ученых. Это было особенно заметно после завершения Бандунгской конференции 1955 года.

Нескончаемая череда экономических, социальных и политических кампаний, развязанных маоистским режимом на протяжении десятилетия, также привлекла внимание большого числа ученых, многие из которых написали свои научные диссертации и первые книги на тему той или иной из них. С возникновением раскола в китайском руководстве после VIII съезда КПК и, особенно, накануне Лушаньского пленума повышенное внимание уделялось изучению движущих сил, определявших политику внутри китайской элиты. Другим важным направлением на протяжении этого периода были выбор некоего крупного муниципального образования или провинции и оценка воздействия каждого из вышеупомянутых факторов на данный конкретный район, на основании которой можно было сделать более широкие обобщения относительно “коммунистического Китая”.

Во всех подобных случаях американская синология предпринимала попытки оценить и понять реальную ситуацию и происходившие в Китае перемены индуктивными методами, поскольку сами ученые не допускались на территорию КНР. По этой причине перед Центром университетского обслуживания в Гонконге встала особая задача — выполнять функцию “авангардного” обеспечения проведения углубленных научных исследований по проблемам Китая. Верно также и

то, что при изучении Китая на протяжении этого периода и в последующем использовались и дедуктивные подходы. Другими словами, некоторые ученые и аналитики рассматривали Китай через призму парадигм, наработанных в процессе изучения других стран и иных политических систем, в частности, бывшего Советского Союза. Китай оценивался ими как еще более яркий пример “тоталитарной” политической системы.

Поскольку Китай оказался закрыт для проведения в нем исследовательской работы и сбора данных, а от дипломатов и студентов СССР и восточноевропейских стран, имевших доступ в КНР, узнать можно было очень немного, у американских ученых не оставалось иного выбора, кроме изучения Китая “на расстоянии”, прежде всего из Гонконга и с Тайваня. Поэтому им приходилось пользоваться довольно ограниченным кругом источников и прибегать к методам исследования, разработанным для анализа Советского Союза: внимательное изучение центральных СМИ, отслеживание выступлений и заявлений руководителей и опросы эмигрантов и редких перебежчиков. Возникла некая разновидность “кремленологии” — “пекинология”. Время от времени появлялись правительственные (как утверждалось) документы или содержательный источник информации, однако, как правило, в распоряжении ученых находился лишь весьма ограниченный набор доступных материалов. Подобные источники и методы исследований в результате обусловили целый ряд последствий: внимание оказалось сконцентрированным на элите (а не на обществе), на внешне централизованной и командной системе, где доминировали руководители, дисциплина и идеология.

Такая направленность исследований сохранялась до середины 1960-х гг., т.е. до начала в 1966 г. “культурной революции”.

Второй этап

“Культурная революция” оказала глубокое влияние на методологию изучения Китая в Соединенных Штатах. Это событие, ставшее катастрофой во внутренней жизни страны, повлекло серьезные изменения в тематике исследований американских китаеведов и ознаменовало начало их второго этапа. Внимание исследователей к политике элиты еще более усилилось, однако прежнее ее восприятие как сравнительно однородной и сплоченной сменилось абсолютно противоположным, базировавшимся на наличии ожесточенной фракционной борьбы и массовых чисток, на потоках информации и обвинений (зачастую ложных), державшихся в “дацзыбао” “красных охранников” (хунвэйбинов). Помимо интереса многих к элите (или тому, что от нее осталось), вторым по значимости объектом исследований в тот период вполне естественно стали массовые беспорядки в процессе самой “культурной революции”. Исследователи ломали голову над вопросом о том, что сигнализировало это хаотическое движение о (переменах в) характере китайского общества. Третьей особенностью этого периода был интерес к Народно-освободительной армии как институту и, в особенности, участнику внутрисполитического процесса.

Эти три объекта исследований были характерны для второго периода изучения Китая в академических кругах США, который продолжался приблизительно до конца 1970-х гг.

Третий этап

Третий этап длился на протяжении десятилетия 1980-х гг. вплоть до событий 1989 г. В течение этого периода, однако, влияние на академические круги

оказали не столько перемены внутри Китая, сколько впервые появившиеся у американцев возможности проводить исследования в самом Китае. В определенной степени верным является то, что тематика исследований американских обществоведов и гуманитариев была отражением новой политики “реформ и открытости” правительства Дэн Сяопина, однако в той же или даже большей степени исследования ученых затрагивали те области, которые впервые оказались для них открыты. В силу запрета американским академическим кругам проводить исследования в самом Китае, наложенного китайским правительством и действовавшего до нормализации дипломатических отношений двух стран в 1979 г., многие их области были недоступны просто по причине отсутствия эмпирических данных. В определенном смысле канадские, австралийские, европейские и японские исследователи имели некоторое преимущество перед американскими, хотя обстановка для проведения исследований, в которой они оказались в Китае в конце 1970-х гг., не претерпела сколь-нибудь значительных перемен.

Таким образом, реформы Дэн Сяопина по воле случая совпали с нормализацией китайско-американских отношений, и американцы, оказавшиеся в Китае, наблюдали появление новых изменений в условиях для ученых и исследователей. Оглядываясь сегодня на предметы многих научных исследований в 1980-е гг., обращаешь внимание не только на сам характер проблем, связанных с тематикой дэнских реформ, но и, как минимум, на те данные, которые имелись в распоряжении, и источники, которые были задействованы.

Это подтверждается возможностью проводить опросы и собирать “комментарии участников”. Для сбора мнений и проведения опросов в одночасье оказались доступными все социальные слои: мелкие предприниматели (гэтиху), промышленные рабочие, крестьяне, мигранты, молодежь, пожилые люди, интеллигенция, студенчество и т.п. Были проведены обследования каждой из этих, а также других групп населения. Столь же важной, особенно для политологов и экономистов, оказалась возможность интервьюировать официальных лиц и чиновников различных звеньев правительственного аппарата.

Это дало возможность обновить или уточнить характеристики официальных институтов Китая, ранее, в 1950-е гг., изучавшихся “с расстояния”, а также гораздо четче и на практическом уровне осознать процесс принятия решений и выработки государственной политики. Путем проведения опросов на разных уровнях государственной системы ученые смогли также отследить осуществление этой политики. Что касается вопросов внешней политики КНР, то исследователям была предоставлена возможность опрашивать чиновников и экспертов среднего звена, способствуя тем самым инициированию ряда исследований о восприятии Китаем зарубежных стран и международных проблем.

Таким образом, характерными особенностями третьего периода были, прежде всего, более тонкое понимание политического процесса, появление ряда исследований, связанных с конкретными социальными слоями, а также новые реформы, развернутые под руководством Дэн Сяопина — Ху Яобана — Чжао Цзяна. Результатом стали значительно более высокая степень конкретности и детализации, более широкий, уже не страдающий однообразием диапазон оценок и мнений, однако в процессе этого было в определенной мере утрачено ощущение “Китая в целом”. Так было положено начало сохранившейся до наших дней долговременной тенденции “изучения Китая по составным частям”, что привело в итоге к более детальной осведомленности относительно конкретных регионов и отраслей, но одновременно — к утрате способности обобщенно оценивать Китай в целом.

В определенном смысле эти акценты сохранялись и в 1990-е гг., однако важные события весной 1989 г. вновь стали причиной изменения направлений исследований.

Четвертый этап

Многие ученые (наряду с журналистами) пытались осмыслить причины и последствия апрельско-майских демонстраций и их насильственное подавление 4 июня 1989 г. Предпринимались также попытки определить, какими соображениями руководствовалось правительство по поводу демонстраций и принятия окончательного решения о введении военного положения и использовании вооруженных сил. Беспрецедентный и непредсказуемый характер демонстраций и участвовавших в них привлек большое внимание и породил многочисленные исследования.

По случайному совпадению, эти события произошли практически одновременно с публикацией в Европе и Америке переведенного на английский язык исследования Хабермаса о гражданском обществе. Такое совпадение побудило многих ученых рассматривать демонстрации в Пекине через призму развития гражданского общества в быстро реформирующемся Китае.

Трагические “события 4 июня” вызвали также новый интерес к изучению военной сферы Китая (Народно-освободительной армии). Не вызывавшая интереса в качестве объекта исследований с момента окончания “культурной революции”, НОАК стала привлекать все более пристальное внимание в 1990-е гг. как сила, действующая внутри страны, а после кризиса 1995—1996 гг. в Тайваньском проливе — и как внешняя сила. В настоящее время исследования, связанные с НОАК, впервые стали реальной составной частью комплексного изучения современного Китая. “События 4 июня” привели также к переменам в китайском руководстве, которые дали новый стимул для изучения политики элиты. Это совпало с неясной ситуацией и закулисными маневрами в связи с определением преемника Дэн Сяопина.

Пятый этап

События в Китае середины — конца 1990-х гг. повлекли еще один заметный сдвиг в исследованиях: с одной стороны, в центре внимания вновь оказались внутренние политэкономические проблемы и возможности государства, сочетаемые, с другой стороны, с упором на внешнеэкономические связи Китая (особенно в связи с его подготовкой к вступлению во Всемирную торговую организацию).

Многие ученые занялись “копанием” в причинах сокращения возможностей правительства на всех уровнях — центральном, провинциальном, муниципальном и местном — обеспечивать население в достаточном объеме “общественными товарами”. Парадокс заключается в том, что с началом экономического бума в Китае после известной поездки Дэн Сяопина на юг то же самое произошло с правительственными вложениями в социальную сферу (что еще больше усугубило сокращение ассигнований, начатое в 1980-е гг.) Такая линия в сочетании с общенациональной тенденцией экспроприации распоясавшимися кадровыми работниками на местах земли у фермеров для коммерческих нужд и введение разнообразных сборов с граждан привела к ряду проявлений общественного недовольства и росту социальных волнений. Это вызывало интерес у нового поколения американских ученых, проводивших исследования в Китае.

Период 1997—2003 гг. также был ознаменован растянутой во времени передачей власти сперва от Дэн Сяопина — Цзян Цзэминю, потом Ху Цзиньтао и (начиная с 2006 г.) — Си Цзиньпину. Политика элиты получила частичную “реабилитацию” в американской синологии. Однако преобладающим, по сравнению с наблюдениями за Политбюро, стал новый всплеск академического интереса к институциональным аспектам деятельности Коммунистической партии. Американских ученых особо интересовала активизация строительства партийных учреждений и органов контроля, поскольку многие открыли для себя “авторитарную эластичность” в КПК в периоды правления Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао. Не все, однако, были согласны с такой преобладавшей оценкой, и некоторые видные ученые утверждали, что КПК “хрупка”, находится в состоянии “разложения” и “разграбления” и обнаруживает ряд признаков истощения и слабости. С приближением XVIII съезда КПК, который состоится в 2012 году, в среде американских китаеведов существует широкий диапазон мнений относительно стабильности, гибкости и стойкости КПК.

Третьим направлением исследований ученых в процессе пятого этапа является внешняя сфера: международные отношения и военные вопросы. В связи со значительной активизацией участия Китая в мировых делах и продолжающейся модернизацией Народно-освободительной армии американские китаеведы сосредоточивают все более пристальное внимание на этих темах. Настоящий шквал интереса у ученых вызвали двусторонние отношения Китая с различными странами и регионами. Только за последние два года увидело свет не менее десятка новых книг по китайско-американским отношениям (авторы некоторых из них не являются гражданами США). Больше внимание стало уделяться также поведению Китая в рамках многосторонних региональных и международных организаций. В то же время резко активизировалось изучение НОАК, хотя им занята относительно небольшая группа ученых и специалистов.

Опасность “не разглядеть за деревьями леса”

Конечным результатом трех последних этапов исследований определенно стало формирование богатого своими оттенками и отличающегося значительным разнообразием облика Китая. Исключительное многообразие и сложность картины современного Китая становятся все очевиднее, что абсолютно не совпадает с видением ученых первого поколения, которые склонялись к подчеркиванию однообразия в облике этой страны. Разнообразные темы и результаты исследований в большинстве своем вещь полезная, однако это чревато тем, что “за деревьями порою нельзя разглядеть леса”. Мы узнаем с каждым разом все больше о более мелком и незначительном, поэтому становится все труднее делать четкие обобщения относительно “Китая в целом”. Одним из последствий этого является то, что новое поколение американских китаеведов также не проявляет большого интереса к политическим проблемам или к тому, чтобы выступать в качестве “публичных представителей интеллектуальной элиты”. Это, с одной стороны, результат мелкотемья большинства их исследований, а с другой — давления академической среды, направленного на достижение должностного статуса и научных успехов.

Последние научные изыскания не только иллюстрируют многосложность самого Китая, но и обнаруживают наличие широкого круга источников, имеющих сегодня в распоряжении социологов и исследователей-гуманитариев: доступ к местным и провинциальным архивам, провинциальные и местные географические справочники, хронологические записи и документы некоторых центральных министерств, интервью с должностными лицами всех административ-

ных звеньев, интервью с представителями интеллигенции, творческих кругов и с обычными людьми, непрерывные антропологические и социологические исследования на местах — в городах и сельской местности, социологические обследования, а также громадный диапазон выходящих ныне публикаций. Сегодня в Китае ежегодно публикуется около 300 статистических ежегодников, более 6000 географических справочников, 2100 газет (10% — центральные, 40% — провинциальные, 30% — муниципальные и сельские и 20% — местные), 9000 периодических изданий и около 200 тыс. книг, не говоря уже о бурном росте ресурсов Интернета и других видов электронных СМИ. Проблема сегодняшних китаеведов в корне отличается от той, что стояла перед их предшественниками полвека назад — это лавина информации. Перед ними стоит задача систематизации библиографических данных.

Таким образом, на протяжении каждого из названных пяти периодов тематика исследований в области синологии представляла собой реакцию на появление новых источников и череду событий в Китае. И это вполне естественно и объяснимо, поскольку предмет исследований и имеющиеся данные должны в значительной степени определять их тематику. Однако события в Китае и имеющиеся материалы не могли выступать в роли единственного побудительного стимула для американского китаеведения.

Влияние научных дисциплин

Еще одним фактором воздействия на американскую синологию остается влияние различных общественных наук, что также естественно и объяснимо, поскольку именно это отличает академические исследования от журналистики или других форм профессиональной аналитики, связанной с Китаем. Журналистика и другие виды профессионального анализа (за исключением экономического), как правило, являются описаниями и не имеют теоретической базы. Таков характер этих профессий: потребители их продукции (читатели) стремятся получить информацию, на основе фактических данных, свободную от толкований или теоретических парадигм. С другой стороны, научный анализ по природе своей представляет попытку объяснения и толкования данных (фактов) в более широком контексте с использованием категорий. Данные вне контекста рассматриваются как простая “фактология”. Тенденция привлечения социологических теорий для анализа современного Китая гораздо более характерна для североамериканской, чем для европейской или азиатской школ.

Американские китаеведы зачастую привносят в свой анализ одну или несколько аналитических и толковательных парадигм. Иногда это дает “затейливый” результат, в силу которого распространенные сегодня модели, разработанные для исследования других обществ (не последнее место в ряду коих принадлежит Соединенным Штатам Америки) рассматривались в качестве общераспространенных и приемлемых для Китая. К примеру, когда в 1970-е гг. в американской политологии пользовался популярностью групповой анализ по интересам, считалось, что подобные группы обязательно существуют во всех обществах, включая коммунистическое. То же самое произошло в начале 1990-х гг. в период популярности концепции гражданского общества. В обоих случаях соответствие данной парадигмы китайскому обществу было весьма относительным. Речь шла больше о теории, чем о реальной ситуации. Несмотря на возникавшие время от времени пережесты с применением отраслевых парадигм, большая их часть помогала разъяснять и понимать Китай, который действительно оказался полезной “лабораторией” для применения моделей, теорий и парадигм. В этом отношении

китайские исследования определенно стали “сферой потребления”, не предлагавшей, а заимствовавшей модели и парадигмы из других областей для “апробирования” в условиях Китая.

Возьмем, к примеру, сферу китайской внутренней политики. На схеме 1 представлен обширный набор концепций, использовавшихся при изучении современного Китая, но впервые разработанных для других областей исследований или сфер политологии.

Схема 1

Области и парадигмы, влияющие на изучение политики Китая

Из этой схемы становится очевидным, что изучение китайской политики является весьма эклектичным. В значительной степени это здоровое явление. Однако одновременно обнаруживается, что Китай не является “вещью в себе”, и важно попытаться понять его через призму сопоставлений. К этому следует добавить, что теории и модели, разработанные вне китайской почвы, в своей основе

и сами по себе не являются достаточными для информативного или эмпирического понимания современного Китая. Ничто не может заменить языковых навыков, углубленной учебной практики в китаеязычной среде и продолжительного пребывания в стране. Те, кто сочетает эти навыки с широким видением относительной перспективы при условии правильного понимания китайской истории, наилучшим образом подготовлены для того, чтобы постигнуть Китай. Однако с учетом громадных сложностей, которые олицетворяет современный Китай, даже умелое овладение такими навыками еще не гарантирует его постижения.

Выводы

За прошедшие 60 лет американская синология прошла в своем развитии пять основных этапов. Как отрасль академической науки она по-прежнему сильна и имеет глубокие корни. Нигде в мире исследования Китая несопоставимы по их уровню с исследованиями в Соединенных Штатах. Хотя в этом коротком обзоре основное внимание было уделено общественным наукам, обильная литература имеется и по истории, и по гуманитарным дисциплинам. Все более значимой становится тенденция, в силу которой изучением Китая занимаются теперь не только китаеведы, поскольку большое число ученых, специализирующихся в других сферах, дисциплинах и областях науки используют Китай в процессе сравнительных исследований или работают с китайскими учеными над совместными проектами. Можно с уверенностью утверждать, что приток большого числа китайских ученых-эмигрантов в американские академические круги за последние три десятилетия пошел на пользу всей отрасли в целом.

Таким образом, современное китаеведение в Соединенных Штатах по-прежнему крепко стоит на ногах и уверенно смотрит в будущее. Несмотря на некоторые неблагоприятные побочные факторы (как, например, увлечение излишней детализацией и избыточное внимание во многих исследованиях к теоретическим аспектам) в целом синология в Америке живет и процветает.

Политические исследования Восточной Азии в современной Германии

© 2009

Л. Козлов

Страны Восточной Азии, несмотря на географическую удаленность от европейского континента, привлекают пристальное внимание немецкой науки. Актуальность подобных исследований для Германии обусловлена ее лидирующим положением в ряду ведущих мировых экспортеров. Непрерывающийся экономический рост Восточной Азии, особенно Китая, заключает в себе как вызов германскому бизнесу, так и потенциал кооперации в хозяйственной борьбе с третьими конкурентами на мировом рынке. В данных обстоятельствах традиционное востоковедение, которое и прежде не имело в Германии особого развития из-за кратковременности немецкого колониального присутствия в Азии, отходит на второй план. Зато исследования политики, экономики и социального развития стран Дальнего Востока становятся в Германии все более актуальными, позволяя ей претендовать на одну из ведущих ролей в этой области в рамках континентальной Европы.

Статья базируется на материалах и наблюдениях, собранных автором в процессе стажировки в конце 2007 г. в университете Дуйсбург-Эссен. В ходе стажировки велась работа с библиотечными фондами, состоялось ознакомление с учебным процессом в четырех немецких вузах, посещались конференции и доклады приглашенных специалистов, были проведены пять формализованных интервью с известными учеными. Часть информации была также почерпнута из дискуссий, которыми сопровождалась восемь докладов автора о российском Дальнем Востоке в немецких университетах.

На азиатском континенте первенство среди объектов немецких исследований принадлежит Китаю, в отношении которого изучается самый широкий круг вопросов: внешняя и оборонная политика, отношения с Европейским Союзом и США; государственное регулирование территориального развития, административные реформы, политический процесс на провинциальном, уездном и муниципальном уровнях; внешнеторговая политика, инвестиционная и инновационная политика; политическая конкуренция за природные ре-

Козлов Леонид Евгеньевич, кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (ВГУЭС). E-mail: rectorat@vvsu.ru.

Статья подготовлена на основе гранта Министерства образования и науки РФ и Германской службы академических обменов РНП.2.2.2.3.10225.

сурсу с другими азиатскими державами, экологическая политика, политические следствия экологических бедствий и другие проблемы.

Япония привлекает к себе значительно меньше внимания, чем Китай. Ее внешняя политика не представляет особого интереса, во-первых, ввиду стабильно развивающихся и дружественных отношений с европейскими державами, в том числе с Германией. Во-вторых, политические позиции Японии на мировой арене, несмотря на ее вес в глобальной экономике, остаются довольно слабыми, во всяком случае европейцы не рассматривают ее как одного из претендентов на мировое лидерство. Поэтому в отношении Японии исследуются, главным образом, внутривнутриполитические вопросы: партийная система, фракционная борьба в Либерально-демократической партии, лоббизм, экономическая и социальная политика и т.п.

Политическое изучение Кореи, как и корееведение в целом, в Германии развито слабо. Причинами этого являются, во-первых, меньший объем связей с державами Корейского полуострова, чем с Китаем и Японией, во-вторых, наличие в Германии крупной и хорошо адаптированной диаспоры корейцев, способной при необходимости удовлетворить запросы государства и экономики. Поэтому корееведение зачастую представляет собой побочный вид деятельности для японоведов или других смежных специалистов. Основными предметами изучения здесь являются ядерная программа Северной Кореи, переговоры в рамках "пекинской шестерки", экономическая политика Южной Кореи. Информация о том, что связи Российской Федерации с Южной Кореей развиваются заметно интенсивнее и дружественнее, чем с Северной Кореей, для немецких коллег была неожиданной.

Страны Юго-Восточной Азии остаются для немецкой политологии экзотическими объектами, прежде всего, вследствие скудного объема государственных и экономических контактов с Германией. Круг исследуемых региональных проблем включает политическое развитие АСЕАН, отношения стран ЮВА с европейскими партнерами (особенно в формате азиатско-европейского диалога ASEM), политические следствия экономических кризисов, сепаратистские движения, демократизацию и политические реформы. Политические исследования ЮВА в определенной мере дополняют немецкие географы, в частности, межуниверситетская рабочая группа по тихоокеанским исследованиям.

Господствующие в немецкой науке представления о международной роли Восточной Азии, по нашему мнению, можно свести к следующему. С одной стороны, регион имеет большой потенциал экономического и политического роста. С другой стороны, подобные оценки препятствуют осознанию серьезнейших внутренних проблем региона, способных в среднесрочной перспективе привести его к кризису и упадку, причем оба варианта не считаются благоприятными для Германии. Отсюда вытекают два основных прогноза развития международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе: либо глобальная конкуренция США и Китая, в которой Германия будет выступать на американской стороне, либо хаос мировой экономики и политики в результате хозяйственного коллапса того же Китая.

Возможное экономическое и политическое лидерство Китая воспринимается немецкими специалистами с настороженностью, поскольку КНР считается однозначно авторитарной страной. Как поясняли немецкие коллеги в частных беседах, претензии европейцев к качеству российской демократии означают, что Россия хотя бы частично представляется им демократическим государством. Ки-

тай же подобной оценки вообще не удаётся. Следует при этом подчеркнуть, что внешняя политика Германии на Дальнем Востоке немецкими востоковедами оценивается в основном критически из-за чрезмерного увлечения ее разработчиков риторикой в духе демократии и прав человека, которая сегодня навязывается Китаю и другим странам Восточной Азии.

Следует выделить несколько центров германского востоковедения, углубленно изучающих Восточную Азию, где политологи действуют совместно со специалистами из других научных отраслей. Наибольший объем подобных работ приходится на расположенный в Гамбурге Институт азиатских исследований (ИАИ) GIGA, схожий в организационном плане с регионоведческими институтами Российской академии наук. Его сотрудники концентрируются на научных исследованиях, а не на преподавании, политическом консультировании или публичных выступлениях. Основанный в 1956 г. ИАИ позднее вошел в состав Фонда «Немецкий заморский институт», финансируемого федеральным правительством совместно с городом Гамбургом. В 2006 г. фонд был реформирован и переименован в «German Institute of Global and Area Studies» (GIGA). Основной акцент в работе ИАИ традиционно приходится на Китай. Также в институте работают специалисты по Японии, Корее, странам Южной и Юго-Восточной Азии. Среди публикаций института преобладают политологические, социологические и экономические труды.

Немецкий институт международной политики и безопасности, подчиненный Фонду науки и политики, занимается научным консультированием федерального правительства и парламента. В период «холодной войны» он располагался в Баварии, и лишь в 2001 г. был переведен в Берлин для более оперативной связи с центральными органами власти. В число восьми региональных подразделений института (около восьми сотрудников в каждом) входит Азиатская группа под руководством китаеведа Гудрун Ваккер. Публичная деятельность не является основным направлением работы этого учреждения, получаемые им результаты в первую очередь адресованы политическому руководству страны.

Немецкое общество внешней политики, базирующееся в Берлине и поддерживающее тесные связи с министерством иностранных дел ФРГ, напротив, занимается преимущественно публичными мероприятиями, вроде организации выступлений в Германии с докладами ведущих мировых политиков. Общество издает научно-публицистический журнал «Международная политика», переводимый на русский язык и доступный на сайте посольства Германии в России. Ввиду малого числа постоянных сотрудников собственно исследовательская работа общества отходит на второй план, монографии его сотрудников представляют собой обзорные или научно-популярные труды. Дальневосточными делами занимается секция Китая в составе Научного института при данном обществе. Регионоведение Дальнего Востока в Берлине развивается также в стенах Свободного университета, где Восточноазиатский семинар в составе секций Китая, Японии и Кореи преподаёт и изучает, наряду с гуманитарными дисциплинами, политическое развитие этих стран. В 2006 г. при Свободном университете был основан первый в Германии Институт Конфуция.

Институт восточноазиатских исследований университета Дуйсбург-Эссен координирует в качестве межфакультетской структуры работу кафедр политологии, социологии, экономики, географии, биологии, социолингвистики. В составе Рурского университета Бохума действует факультет восточноазиатских исследований, где развиваются политология и экономическая наука, история, литература, языкознание, философия. Факультет включает в себя также центр переводов, лабораторию изучения тайваньской культуры, архив. Центр восточноазиат-

ских и тихоокеанских исследований университета Трира координирует в качестве межфакультетской структуры работу отделений этнологии, японоведения, китаеведения, политологии. Отделение политологии университета Трира располагает большим архивом материалов по китайской политике, начиная с 1994 г. В преимущественно гуманитарном Азиатско-Восточном институте университета Тюбингена в 2003 г. создана кафедра исследований “большого Китая”, изучающая политическое, социальное, экономическое и культурное развитие китайского общества, включая китайскую диаспору за пределами КНР. Отдельные немецкие специалисты работают также не в специализированных организациях, а в составе традиционных кафедр и факультетов политологии.

Крупнейшим национальным объединением востоковедов является Немецкое общество азиоведения, объединяющее исследователей Северо-Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии. Также существует разветвленная система специализированных объединений востоковедов, работающих в различных институтах. Ниже представлены наиболее известные немецкие ученые-востоковеды.

Патрик Кельнер (Dr. habil. Patrick Köllner), 1968 г.р., в качестве директора возглавляет Институт азиатских исследований GIGA. Обучался государственно-му управлению со специализацией по международным отношениям в Констанце, затем — японоведению в Эссексе. Долгое время работал научным референтом в Гамбурге, специализируясь на политике Японии, политике и экономике Корейского полуострова, вел курсы по политике и экономике Восточной Азии в германских вузах. В 1996—2006 гг. прочитал около 80 докладов в университетах, научных институтах, торгово-промышленных палатах и других учреждениях о политике и экономике Японии и Кореи, а также о европейско-азиатских отношениях. Научные интересы, среди прочего, охватывают партийную систему и электоральный процесс в Японии, политическое развитие Корейского полуострова. Соредактор ежегодного информационно-аналитического сборника по Корее, соиздатель серии книг “Восточная Азия в XXI веке”.

Юрген Рюланд (Prof. Dr. Jürgen Rüland), 1953 г.р., заведует кафедрой международной политики в университете Фрайбурга, где специальное востоковедческое подразделение отсутствует, но указанная кафедра фактически является одним из двух — наряду с GIGA — немецких центров исследования Юго-Восточной Азии. Обучался политологии, истории и германистике в университете Фрайбурга, где в дальнейшем с небольшими перерывами и развивалась его карьера. Преподавал и проводил исследования в университетах Филиппин, Таиланда, Малайзии, Индонезии, Новой Зеландии. С 2006 г. председательствует в научном совете фонда GIGA. Научные интересы охватывают международную политику в АТР, политические, социально-экономические и культурные изменения в странах Юго-Восточной Азии. Основные монографии за последние годы — “Парламенты и политические перемены в Азии: сравнительное исследование Индии, Индонезии, Филиппин, Южной Кореи и Таиланда (2005, в соавторстве), “Политика идентичности и межкультурные коммуникации в Азии” (2005, соредактор).

Томас Хеберер (Prof. Dr. Thomas Heberer), 1947 г.р., заведует кафедрой политологии со специализацией по политике стран Восточной Азии. Обучался политологии, синологии и этнологии в университетах Франкфурта-на-Майне, Геттингена и Хайдельберга, работал переводчиком-консультантом в Издательстве литературы на иностранных языках в Пекине, в суде и полиции. Член экспертного комитета Европейско-китайской академической сети (ECAN) при Евро-

комиссии. Научные интересы охватывают политические и социальные изменения в Китае, политическое представительство и выборы, национальную политику Китая, социальные отклонения и коррупцию в КНР. Проводит многочисленные полевые исследования в китайской глубинке, в основном, в сфере частного предпринимательства, урбанизации, местного самоуправления, экологической политики. Основные монографии за последние годы — “Политическое представительство и легитимность режима в КНР” (2008—2009, в соавторстве с Гюнтером Шубертом), “Сельский Китай: экономические и социальные перемены в конце XX века” (2006, в соавторстве), “Роль Китая в международной политике. Внутреннее и внешнеполитическое развитие и потенциал действия” (2006, в соавторстве).

Ханс Вернер Мауль (Prof. Dr. Hanns Werner Maull), 1947 г.р., заведует кафедрой международных отношений и внешней политики университета Трира. Обучался политологии, современной истории и массовым коммуникациям в Мюнхене и Лондоне, работал на телевидении. Один из основателей Европейского совета по сотрудничеству в сфере безопасности АТР и Совета по азиатско-европейскому сотрудничеству, представитель Японского центра международных обменов в Европе. Научные интересы, среди прочего, охватывают японскую внешнюю политику, региональные конфликты, структуры безопасности и сотрудничества в Восточной Азии, международные экономические отношения в АТР, европеизацию азиатские отношения. Основные монографии за последние годы — “В центре внимания — Корея. История, политика, экономика, культура” (2004, соавтор), “Глобальное управление: Германия и Япония в международной системе” (2004, соавтор).

Эберхард Зандшнайдер (Prof. Dr. Eberhard Sandschneider), 1955 г.р., директор Научного института Немецкого общества внешней политики. Обучался филологии и политологии в университете земли Саар, был профессором в различных немецких университетах, деканом Отделения политики и социологии Свободного университета. Научные интересы: внешняя политика Германии, международные отношения в АТР, политические системы Китая и Тайваня. Автор многочисленных научно-публицистических статей в зарубежных и немецких СМИ. Соиздатель немецкого “Журнала политической науки”. Основная монография за последние годы — “Глобальные соперники. Тревожающий подъем Китая и беспомощность Запада” (2007).

Гу Сюэ (Prof. Dr. Xuewu Gu), 1957 г.р., заведует кафедрой политики Восточной Азии университета Бохума. В 1990 г. защитил диссертацию по политологии в университете Бонна, впоследствии работал в Германии. Научные интересы, среди прочего, охватывают теорию международных отношений, международную политику в Восточной Азии, идейно-политическую историю Китая, внутреннюю, внешнюю и оборонную политику КНР. Участник, редактор и соавтор большого количества коллективных трудов, преимущественно на немецком языке. Основные монографии за последние годы — “Энергетический голод Китая: миф или реальность?” (2007, в соавторстве), “Энергетическая политика Восточной Азии. Потребности, ресурсы и конфликты в глобальной перспективе” (2006, соавтор).

Среди других, известных в Германии ученых, частично или полностью посвятивших себя изучению политики стран Восточной Азии: Гюнтер Шуберт, зав. кафедрой исследований “Большого Китая” университета Тюбингена; Себастьян Хайльман, зав. кафедрой политики и экономики Китая университета Трира; Томас Шарпинг, директор Восточноазиатского семинара университета Кельна. Следует обратить особое внимание на женских представительниц в политическом востоковедении Свободного университета, где профессорами являются декан отделения истории и культурологи Верена Блехингер-Толкот (политика и экономика Японии), Беттина Гранзов

(общество, экономика, политика КНР), Мехтхильд Лейтнер (государство, общество, культура, новейшая история КНР)*.

Число немецких научных изданий, посвященных странам Восточной Азии, ежегодно пополняется довольно существенно. Лидером внимания немецкой аудитории по объективным причинам является Китай. Это создает предпосылки для определенного перекоса в развитии национального востоковедения, поскольку авторы актуальных исследований по Китаю имеют гораздо больше шансов быть замеченными не только в научном мире, но и у более широкого круга читателей. Это влияет на качество изданий. Нередко в свет выходят публицистические и полемические работы, ориентированные на широкую публику, которые демонизируют Китай как потенциального агрессора и дестабилизатора международной обстановки. Вместе с тем, на немецком рынке научной литературы представлены научные труды, опирающиеся на серьезную источниковую базу. Ситуацию с исследованиями Кореи и Юго-Восточной Азии сами немецкие ученые оценивают скептически. Едва ли можно говорить о критической нехватке в Германии информации и публикаций по этим регионам, однако, такие труды, как правило, ограничиваются форматом специальной малотиражной литературы.

Чаще всего результаты актуальных исследований Восточной Азии публикуются в серии “Сообщения Института азиатских исследований” (старое название ИАИ GIGA). К 2008 г. таких “Сообщений” вышло более 400. Ведущие научные издательства Германии — “Nomos”, “Campus”, “Oldenbourg”, “Lit” и другие — регулярно публикуют монографии по восточноазиатским проблемам.

Немецкие журналы, посвященные актуальным проблемам Дальнего Востока, мало известны в мире и пользуются спросом, прежде всего, среди немецкоязычной аудитории (Германия, Австрия, Швейцария, отчасти Нидерланды). Почти все они издаются ИАИ в Гамбурге, в их числе: “Современный Китай” (“China aktuell”), “Современная Юго-Восточная Азия” (“Südostasien aktuell”) и журнал оперативной информации “GIGA Focus Asien”. Журнал “Современный Китай” является среди них старейшим и самым популярным у подписчиков. Немецкое общество азиетоведения, базирующееся в том же институте, издает свой журнал “АЗИЯ” (“ASIEN”).

В течение года выходит 6 номеров журналов GIGA форматом А5 и объемом около 150—160 стр. В журналах публикуются материалы на немецком и английском языках, причем с одного на другой язык статьи не переводятся. Каждый номер обычно содержит три-четыре развернутых научных статьи, а также рецензии, подборку новостей, документов и другую информацию. Тематика статей обычно включает внутреннюю политику, международные отношения, экономическое развитие и внешнеэкономические связи, социальные проблемы. В журналах GIGA, как правило, освещаются наиболее актуальные темы, поэтому статьи носят в более обзорный, нежели аналитический характер, что мешает им занять достойное место в ряду индексируемых международных журналов. Ситуацию с немецкой периодикой наглядно характеризует тот факт, что выпуск журнала “Современная Япония” (“Japan aktuell”) по завершении 2008 г. был прекращен.

* Профессор М. Лейтнер наряду с директором ИДВ РАН академиком М.Л. Титаренко являлась одним из руководителей работы по сбору, обработке и публикации пятитомной серии документов “ВКП(б), Коминтерн и Китай”, завершенной в 2007 г. 21 мая 2001 г. М. Лейтнер было присвоено звание Почетного доктора Института Дальнего Востока РАН.

В последние годы немецкая наука переходит на английский язык для преодоления изоляции национальной научной школы. Впрочем, активно расширяя число публикаций на английском языке в Германии, авторы не вполне достигают цели, поскольку американские и британские коллеги предпочитают читать журналы и монографии, издаваемые в их собственных странах, и оценивать зарубежных коллег по качеству и частоте публикаций именно в этих изданиях.

Переводной азиатской литературы в Германии практически не издается, поскольку большое количество работ азиатских авторов выходит на английском языке, в том числе в их собственных странах. Переводить же англоязычную литературу в Германии не имеет смысла, так как уже на уровне студентов считается обязательным свободно читать на английском языке (хотя, по личному наблюдению, это не встречает энтузиазма в студенческой аудитории). Кроме того, азиатские ученые, проходящие стажировку или работающие по контракту в Германии, нередко готовят публикации сразу на немецком языке.

Составить представление о немецких исследованиях Восточной Азии вполне можно по предварительным результатам, размещаемым в формате “рабочих записок” на сайтах университетов в сети Интернет — не только на немецком, но и на английском языке. Большое количество брошюр, обзоров зарубежных научных журналов (в том числе китайских), обзоров текущих событий международной политики и дискуссионных материалов находится в свободном доступе на веб-сайте Немецкого института международной политики и безопасности. Некоторые материалы в свободный доступ отправляет также фонд GIGA.

Согласно принципам функционирования библиотечной системы Германии, государственные библиотеки специализируются на определенных областях знаний. Центром хранения литературы об актуальных проблемах Восточной Азии выступает Государственная библиотека Берлина. Ее восточноазиатский отдел насчитывает более 500 тыс. томов на оригинальных языках Азии, а также выписывает порядка 4 тыс. журналов. Это единственная библиотека, которая сопоставима по масштабу с американскими коллекциями. Значение Берлина также дополняется наличием соответствующих фондов в библиотеках университета им. Гумбольдта и Свободного университета.

Библиотека ИАИ в Гамбурге собирает, в первую очередь, литературу политического, экономического и социологического характера, располагая на сегодня более чем 75 тыс. томов и выписывая около 280 журналов. Около 40% ее фондов составляет литература на китайском языке, около 30% — на японском языке. Эта библиотека выделяется значительным собранием малотиражных документов государственных органов и различных организаций стран Восточной Азии (т.н. “серой литературы”), а также источников на нетрадиционных носителях (например, микрофильмах), многие из которых в Германии доступны исключительно в ее стенах.

Основная масса интересующих нас университетских фондов сгруппирована в Рурской области и городах, расположенных в нижнем течении Рейна — Дюссельдорфе, Бохуме, Кельне, Дуйсбурге, Бонне. Самое крупное восточноазиатское собрание принадлежит библиотеке университета Бохума: порядка 200 тыс. томов. В Дуйсбурге специальный отдел университетской библиотеки насчитывает более 23 тыс. книг и 200 журналов. Университетские библиотеки предпочитают комплектоваться изданиями на германских языках, более доступными для студентов. Расширению коллекций восточноазиатской литературы также препятствуют трудности с ее каталогизацией: в вузовских библиотеках нередко отсутствует персонал, владеющий такими языками. Литература на английском

языке (американского, британского и австралийского происхождения) составляет основную часть университетских коллекций, в то время как доля немецкой литературы с течением времени сокращается. Из оригинальной литературы в основном приобретаются справочные труды и журналы, причем около 80% фондов на языках стран Восточной Азии составляют китайские и японские издания.

Источниковая база проводимых исследований характеризуется широтой, тщательностью и кропотливостью обработки, исторически присущей всей немецкой науке. Не является редкостью привлечение для написания монографии источников на трех-четырех языках. Особым спросом пользуются полевые исследования в азиатских странах. В целом, немецкие политологи стремятся отойти от высокой политики, глубже понять политические процессы на уровне провинций, уездов, муниципалитетов, которые до сих пор во многом скрыты от глаз стороннего наблюдателя.

Методической и методологической подготовке исследователей уделяется самое пристальное внимание. Обязательным условием научного роста и признания в национальном сообществе (соответственно, защиты докторской диссертации) является владение помимо английского каким-либо восточно-азиатским языком. Академическая мобильность между Германией и восточно-азиатскими странами развивается весьма интенсивно. Докторанты, как правило, проходят несколько стажировок в ведущих исследовательских центрах Японии, Южной Кореи, Китая, Сингапура, а также общаются с прибывающими на обучение в Германию иностранными коллегами. Относительно того, востребованы ли результаты исследований государством и бизнесом, мнения расходятся, но прецеденты взаимодействия органов государственной власти с ведущими специалистами имеют место, равно как и поддержка таких исследований со стороны крупнейших благотворительных фондов делового мира Германии ("Фольскваген", "Бош" и др.).

Нахождение немецкой школы в составе западного научного сообщества, разумеется, не может не влиять на ее теоретические подходы, однако авторов политических исследований Восточной Азии едва ли можно обвинить в перманентной предвзятости, в частности, в синофобии. Ведущие немецкие авторы регулярно приглашаются на конференции в страны Восточной Азии, работают в качестве приглашенных профессоров в азиатских университетах (в том числе, в Китае), входят в состав редколлегий местных научных журналов, проводят исследования совместно с азиатскими коллегами.

При этом немецкая школа испытывает неудовлетворенность своим международным реноме. С одной стороны, в Европе она уступает по развитию современного востоковедения, пожалуй, лишь Великобритании. В Германии создана сеть конкурирующих между собой научных центров, поддерживается хорошее качество исследований, отсутствует проблема знания английского как международного языка науки, востоковедение пользуется возрастающей популярностью среди студентов. С другой стороны, немецкая школа все-таки на порядок отстает в плане институционального развития и финансирования от США. Это, например, приводит к тому, что молодые немецкие аспиранты стремятся реализовать свою карьеру в Америке, особенно с учетом неразвитости на родине отдельных специальностей, вроде регионоведения Кореи или Юго-Восточной Азии. В настоящее время немецкая система науки и высшей школы постепенно реорганизуется на американский манер.

К большому сожалению, сотрудничество с российскими партнерами и изучение роли России в дальневосточных делах носит в Германии эпизодический характер. Имеющиеся научные контакты — например, у берлинского Свободного университета — ограничены Москвой и Санкт-Петербургом, из отечественных научных структур немецким политологам известен только Институт Дальнего Востока РАН (а из российских востоковедческих журналов — только “Проблемы Дальнего Востока”).

Главную роль в наличии некоторой информации о России играют личный опыт и субъективные обстоятельства. Несколько лет назад для подготовки аналитического доклада о развитии востоковедения в Восточной Европе немецким ученым потребовалось составить специальный проект, получить грант и лично посетить исследуемые страны. В Россию с данной целью отправился профессор Вернер Паша (университет Дуйсбург-Эссен) в сопровождении аспиранта, бывшего москвича, однако на российский Дальний Восток — ввиду неясности обстановки и денежных ограничений — они не поехали, составив краткое представление о дальневосточном востоковедении со слов московских коллег. Таким образом, о востоковедческих традициях Владивостока, Хабаровска, Благовещенска и других научных центров России европейским ученым почти ничего неизвестно. Основная причина состоит в том, что отечественные авторы из регионов мало публикуются в международных журналах и не поддерживают англоязычных веб-сайтов, на которых можно было бы узнать о результатах их деятельности.

Россия в немецких публикациях о Восточной Азии сегодня фигурирует крайне редко, хотя в годы “холодной войны” в Германии выходило немало работ по советско-китайским и советско-японским отношениям. Периодически российская тема всплывает в немецких изданиях в связи с поставками энергоресурсов в азиатские страны, кооперацией в рамках Шанхайской организации сотрудничества, переговорами “пекинской шестерки” по корейскому урегулированию. Примечательно, что немецкие карты Восточной Азии в северной их части останавливаются на российско-китайской границе, а южные Курилы закрашиваются в нейтральный цвет как спорные территории. Более того, немецкие специалисты мало осведомлены о жизни китайских регионов, пограничных с Россией (провинций Хэйлунцзян, Цзилинь и т.п.).

При этом следует заметить, что немецкие политологи-востоковеды, учитывая повышение роли нашей страны в обеспечении мировой энергетической безопасности, все чаще обращаются к российской теме. Доклады о российском Дальнем Востоке неизменно вызвали в аудитории живой интерес. В данных условиях представляется справедливым указать на большой, но до сих пор скрытый резерв сотрудничества российской и германской школ в изучении актуальных проблем и процессов в регионе Восточной Азии.

Станет ли Улан-Батор азиатским Хельсинки?

В первой декаде нового века диапазон внешней политики, проводимой Монголией в Северо-Восточной Азии, значительно расширился. Причинами послужили задачи и возможности активизировать свое участие в экономической интеграции этого региона, в обеспечении транспортом грузовых и пассажирских потоков между Россией и Китаем и другими странами АТР. С другой стороны, обострение проблем безопасности в СВА стало основанием для Монголии выдвинуть свою столицу — Улан-Батор на роль центра для ведения международных переговоров по аналогии со столицей Финляндии — городом Хельсинки, где происходят заседания Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе — ОБСЕ. Апробировать такую возможность на научно-практическом уровне была призвана международная конференция, прошедшая 19—21 апреля 2009 г. в Монголии под девизом — «Настоящее и будущее безопасности в Северо-Восточной и Центральной Азии: Улан-Батор — новый Хельсинки?» («Present and Future Security Environment in North-East and Central Asia: Ulaanbaatar — New Helsinki?»). Конференция была организована монгольским Институтом стратегических исследований при Совете безопасности Монголии совместно с Европейским центром исследований по вопросам безопасности им. Дж. Маршалла. Известно, что Центр ставит своей целью укрепление связей, взаимопонимания и сотрудничества стран Северной Америки и Европы, стремление решать все вопросы мирным путем, без использования оружия, на основе доверия. На конференции речь шла о повышении международного статуса Монголии в системе региональной безопасности, значения малых стран в стратегическом партнерстве азиатских государств. Столица Финляндии является местом встреч представителей Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе — ОБСЕ. «Хельсинкский процесс» за глобализацию и демократию», увенчавшийся созданием Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) и в дальнейшем — Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, напрямую ассоциируется с деятельностью Финляндии, направленной на ослабление напряженности в годы холодной войны и преодоление политического раскола в Европе. Опыт ОБСЕ и механизмы ее деятельности представляют для стран Северо-Восточной и Центральной Азии значительный интерес, поскольку в этом регионе не существует системы коллективной безопасности на институциональном уровне. Обеспокоенность новыми вызовами безопасности и неизжитыми старыми приводит к тому, что многие страны ищут пути сближения в решении общих задач в этой области. С новой инициативой выступила и Монголия, полагая, что Улан-Батор мог бы стать посредником на международных переговорах по региональной безопасности. Определенный опыт для реализации такой задачи у Монголии есть. Она объявила свою территорию зоной, свободной от ядерного оружия, является участником регионального компонента международной неправительственной орга-

низации “Глобальное партнерство по предотвращению вооруженных конфликтов”, одно из заседаний которой состоялось в Улан-Баторе в мае 2007 г. Монголия выступила с предложением провести в Улан-Баторе два из пяти заседаний рабочей группы, запланированных в ходе переговорного процесса — одно по вопросам мира и безопасности в Северо-Восточной Азии, а другое посвятить вопросам нормализации отношений между Японией и Северной Кореей. Монголия — азиатский партнер ОБСЕ, она принимает участие в совещаниях министров иностранных дел Совета ОБСЕ, развивает связи с Центром им. Дж. Маршалла, участвует в образовательных программах Центра, а также в миротворческих акциях ООН. О том, какое значение придавало монгольское правительство этому форуму, свидетельствовало участие в его работе спикера монгольского парламента Д. Дэмбэрэла, представителей руководства Министерства обороны, Генерального штаба вооруженных сил и Национального Совета Безопасности Монголии, ведущих монгольских ученых. Серьезный интерес к работе конференции проявили главы иностранных посольств в Улан-Баторе, участвовавшие в дискуссиях — послы Болгарии, Кубы, Франции, Германии, Великобритании, Казахстана, Кореи, Лаоса, Турции, Вьетнама, а также военные атташе и другие дипломаты, в том числе российские. В целом в конференции приняли участие около сорока ученых из 23 стран мира, в частности, из России, Китая, Японии, Южной Кореи, Канады, США, Казахстана, Узбекистана, Германии, Франции, Финляндии, Швейцарии, Швеции, Израиля, Турции. На конференции выступили с докладами ученые и специалисты-практики из России: Г.С. Яскина (“Сотрудничество между Россией и Монголией в урегулировании проблем безопасности в Северо-Восточной Азии”, Е.В. Бойкова (“Безопасность в Северо-Восточной и Центральной Азии через культурный диалог”), Китая, Японии, Германии, Казахстана, Финляндии, Швеции, США, Канады, а также представители ОБСЕ и ДКВС (Женевский центр по демократическому контролю над вооруженными силами — DCAF). На конференции состоялось обсуждение широкого спектра вопросов, касающихся нейтральной миролюбивой внешней политики Монголии и популяризации этой позиции в других странах, возможностей и создания условий для превращения Монголии в центр регионального сотрудничества, возможного реального вклада этой страны в стабилизацию мировой и региональной безопасности. Кроме этого, конференция преследовала цель изучить возникшие перед Центральной и Северо-Восточной Азией вызовы в плане безопасности и обсудить опыт Европы, создавшей механизм переговоров в этом направлении.

При этом ученые Монголии стремились теоретически определить возможность ее столицы стать новой ареной, или “Новым Хельсинки” для диалогов и сотрудничества в Центральной и Северо-Восточной Азии.

Основной довод, который приводили монгольские участники в пользу превращения Улан-Батора в новый Хельсинки, был нейтральный характер внешней политики Монголии, ее возможность выступать посредником в переговорах по вопросам безопасности в Северо-Восточной и Центральной Азии. Об этом, в частности, говорили: директор Института стратегических исследований при Национальном Совете Безопасности Монголии бригадный генерал Д. Даваадордж, президент Монгольской ассоциации выпускников Центра им. Маршалла полковник Ж. Энхбаяр, начальник управления Совета национальной безопасности полковник Д. Жаргалсайхан, полковник О. Машбат. Последний оценил нейтралитет малой страны как ее важное стратегическое преимущество, приведя в пример нейтралистскую политику Швейцарии. Он парировал высказывания отдельных участников конференции, считавших, что Монго-

лия для такой миссии не обладает необходимым экономическим потенциалом, и сослался на перспективы экономического роста своей страны, богатой запасами минерального сырья, тогда как у Швейцарии вообще “нет полезных ископаемых, кроме воды”. По мнению представителя Монголии при ОБСЕ посла Ж. Энхсайхана, признание политики нейтралитета в качестве официальной позиции Монголии в международных делах могло бы быть полезным для развития регионального сотрудничества в СВА и ЦА. В выступлениях монгольских участников конференции был дан анализ ситуации в области региональной безопасности, признавалась необходимость тщательного изучения европейского опыта учреждения многостороннего механизма безопасности и сотрудничества, критически рассматривалась перспектива адаптации европейской модели к азиатским реалиям и была предложена конструктивная оценка роли Монголии как посредника в диалогах по региональной безопасности. Известный германский монголовед Удо Баркман в своем докладе “О положении Монголии в сфере региональной безопасности” подробно охарактеризовал инициативы Улан-Батора, призванные способствовать созданию безопасной среды в регионе. Он сделал вывод о том, что за последние десять лет “Монголия более сильно определила свое положение в регионе”.

Исходя из содержания докладов, прозвучавших на конференции можно отметить следующее.

Итоги конференции в Улан-Баторе свидетельствуют о том, что Монголия активизирует свою политику в регионе с тем, чтобы занять особое место в системе международных отношений в Северо-Восточной и Центральной Азии, сохраняя и усиливая свой статус безъядерного государства, выполняя при этом миссию связующего звена между Азией и Европой.

В целом, хотя и с некоторыми оговорками, участники конференции одобрительно отнеслись к идее “Улан-Батор — новый Хельсинки”, но посчитали ее реализацию отдаленной перспективой ввиду слабости современной монгольской экономики. В то же время докладчики из Китая и Японии эту идею фактически обошли вниманием. Они стремились более заметно обозначить роль своих стран в организации системы безопасности в СВА и Центральной Азии. Однако никто из них не предложил свою столицу на роль “new Helsinki”.

На конференции неоднократно высказывалось одобрение по поводу идеи потенциального участия Монголии в шестисторонних переговорах по ядерной программе КНДР.

У представителей ОБСЕ и Центра им. Дж. Маршалла, а также участников конференции из США высок был интерес к вопросам российско-монгольского сотрудничества в области безопасности. Они стремились выяснить позицию России в отношении возможности создания в СВА системы коллективной безопасности и обеспечивающих ее механизмов.

К конференции было приурочено открытие Союза монгольских выпускников Центра, обучение в котором прошли около 80 ученых, военных и парламентариев, работающих в разных направлениях национальной безопасности Монголии.

Необходимо отметить высокий уровень организации и проведения конференции Институтом стратегических исследований Монголии, а также большой вклад в ее работу со стороны Центра имени Дж. Маршалла.

Актуальные вопросы современной истории Китая в оценках китайских и зарубежных исследователей

В преддверии 60-й годовщины образования КНР Институт современного Китая Академии общественных наук (АОН) Китая провел международную научную конференцию “Современный Китай и путь его развития” (16—18 сентября 2009 г., Пекин). На конференции было заслушано 54 доклада. Из них — 36 докладов китайских исследователей, представляющих ряд ведущих университетов КНР (Пекинский, Народный, Фуданьский), академий (институты АОН Китая, Военную и Дипломатическую академии), Центральную партийную школу ЦК КПК и Институт истории партии ЦК КПК, а также ученых из Сянган, Аомэня и Тайваня. Также было заслушано 18 докладов иностранных участников конференции из девяти стран (в том числе из США, Германии, Индии, Швеции, Австралии, Японии). Самое большое число зарубежных участников было из России — шесть человек (все от Института Дальнего Востока РАН).

Тематика конференции охватывала широкий спектр вопросов, касающихся выбора пути развития и особенностей процесса модернизации в КНР, обобщения опыта исторического развития КНР за 60 лет, роли Мао Цзэдуна в создании и становлении нового социалистического государства, влияния процесса глобализации на социально-экономическое развитие КНР, различных аспектов истории и современного этапа развития страны.

Открывая конференцию, вице-президент АОН Китая, директор Института современного Китая (ИСК) Чжу Цзяму поставил широко обсуждаемый в мире вопрос о том, что же такое “китайский путь”, отметив при этом, что для правильного понимания этого вопроса необходимо изучать не только 30-летний период проведения политики реформ и открытости, но и предшествовавший ему 30-летний период существования КНР. Причем не только в плане различий между ними, но прежде всего в плане сходства и преемственности между этими двумя периодами. Именно в этот предшествующий период, подчеркивает докладчик, были заложены политические предпосылки и мощная материальная база для будущего подъема Китая, чему способствовали также благоприятные международные условия и накопленный как положительный, так и отрицательный опыт. И именно в этот период, по сути, был принят курс на приоритетность экономического строительства и сложились в основных чертах “четыре основных принципа” и политика реформ и открытости, проведение которых в жизнь было прервано “левацкими” перегибами, и к которым Китай вновь вернулся на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва в 1978 г., обогатив их содержание и подняв на новый уровень познания закономерностей пути строительства “специфического китайского социализма”, не имеющего ничего общего ни с “реставрацией капитализма”, ни с “возвращением к новой демократии”, ни с “демократическим социализмом”, ни с “социал-демократией”.

Как отмечалось в докладе вице-президента АОН Китая Ван Вэйгуана, в мире постоянно задаются вопросом о том, что же такое “китайский путь”, “китайская модель”, “китайский опыт” и т.п. Отвечая на этот вопрос, докладчик отметил, что “китайский путь развития... имеет тесную связь с глобальным развитием и в то же время обладает собственной спецификой”. В нем воплощается “многостороннее институциональное преимущество” Китая. Во-первых, из многообразных факторов, обусловивших успешное экономическое развитие, на первое место надлежит поставить политический строй, благодаря которому цели развития страны определяются интересами народа и удается мобилизовать все необходимые ресурсы для их достижения. Во-вторых, экономический строй, основанный на общественной собственности при совместном развитии многообразных экономических укладов. Превосходство социалистического экономического строя Китая наглядно проявилось в нынешний мировой финансовый кризис, еще раз доказав, что сочетание социалистической системы с рыночной экономикой помогло в предотвращении экономического кризиса и в минимизации потерь от него. В-третьих, социальный строй, позволяющий концентрировать национальные ресурсы на возведении важнейших для страны объектов и обеспечивать “прорывное” и эффективное развитие. В-четвертых, положительную роль на всех этапах модернизации играют традиции и культура Китая, причем роль культурно-цивилизационного фактора в формировании успешно действующей “китайской модели” модернизации отмечается и на Западе, которому “следует” более всесторонне и глубоко смотреть на “китайскую модель”, избегая упрощенчества и признавая важное значение этой модели для всего мира, особенно для развивающихся стран. Китай, указывает докладчик, идет по пути “научного развития”, “гармоничного развития”, “мирного развития”. Научный путь развития предполагает, что “человек является основой всего”, развитие идет по единому комплексному плану и представляет собой процесс всестороннего, согласованного устойчивого развития экономической и социальной сфер. Гармоничное развитие нацелено на построение “гармоничного общества”, развитие демократии и законности, обеспечение порядка и справедливости и достижение гармоничного сосуществования человека и природы. Мирный путь развития подразумевает защиту мира Китаем ради интересов собственного развития, которое, в свою очередь, будет содействовать установлению мира во всем мире. В докладе подчеркивается, что в мире не существует модели развития, одинаково наилучшей для всех стран и для всех эпох, поэтому каждая страна должна при выборе модели своего развития исходить из собственных практических условий. Китай в своем развитии учитывает все различия внутри человечества и его цивилизационное многообразие, поэтому он не станет копировать чужой опыт развития и “ни под каким предлогом” не будет навязывать другим странам собственный опыт развития.

Международному значению опыта китайских реформ был посвящен доклад директора Института Дальнего Востока РАН академика М.Л. Титаренко, в котором развиваемая в КНР “модель организации общества и производства” представлена как “альтернатива традиционному западному либеральному пути развития”. Докладчик выделил следующие разработанные под руководством архитектора китайских реформ Дэн Сяопина и воплощенные в практику им и его преемниками новые теоретические и практические установки, составившие основу стратегии модернизации страны и представляющие интерес в плане опыта:

- теория этапности построения социализма, прежде всего концепция начальной стадии социализма, и теория социализма с китайской спецификой;
- преодоление абсолютизации классовой борьбы и антагонизма между трудом и капиталом;
- создание концепции многоукладности и открытости;
- выдвижение концепции комплексного развития материальной, духовной и политической культур;
- развитие учения об обеспечении социальной стабильности в условиях многоукладности экономики и временного наличия эксплуатации в рамках концепции построения гармоничного социалистического общества;
- постепенность и эволюционность проведения политики реформ, формирование и развитие новых негосударственных и частных форм собственности не вместо существующих государственных, а совместно с ними;
- вторичность политического реформирования перед экономическим;
- сохранение и максимальное использование созданного ранее производственного потенциала;
- увязывание темпов и мероприятий реформ с поддержанием политической стабильности и ростом благосостояния с тем, чтобы все слои населения получили выгоду от проводимых преобразований;
- реальная государственная поддержка малого и среднего бизнеса;
- создание благоприятного инвестиционного климата;
- разработка гибкого, разумного и стабильного финансово-экономического законодательства;
- умелое проведение политики открытости, позволившее провести успешную интеграцию в мировое экономическое пространство;
- разумное сочетание политики открытости с принципом опоры на собственные силы во избежание попадания в зависимость от внешних сил;
- постепенный переход к комплексной, сбалансированной и органичной стратегии развития, позволяющей в большей мере, чем прежде, опираться на внутренний рынок, преодолевать сложившиеся глубокие диспропорции в развитии экономической и социальной сфер, города и деревни, приморских и внутренних районов и др. и обеспечивающей переход на новую стадию развития — построение общества “экономики знаний” и социальной гармонии.

В нынешних условиях особую значимость приобретает опыт КНР по преодолению негативных последствий текущего мирового финансово-экономического кризиса, включающий в себя четыре главных компонента: крупномасштабная промышленная политика, стимулирование внутреннего спроса, усиленная поддержка науки и техники, значительное повышение уровня социального обеспечения.

Несмотря на достигнутые бесспорные успехи в своем социально-экономическом развитии за последние 30 лет Китай по-прежнему остается развивающейся страной, в которой присутствуют элементы социализма, но нет еще социализма в полном понимании этого слова в силу сохраняющейся бедности, эксплуатации, социального неравенства и несправедливости и т.д., поэтому социализм пока является для Китая целью развития. В этом смысле, по словам докладчика, прав был Дэн Сяопин, выдвинувший теорию начальной стадии социализма.

Несколько докладов китайских участников конференции были посвящены исторической оценке революции 1949 г. Подчеркивалось, что благодаря этой революции китайский народ выполнил три исторических задачи: достижение на-

ционального освобождения страны, достижение социального освобождения и объединение родины (за исключением Тайваня). Создание КНР стало водоразделом в истории Китая и знаменовало собой окончание прежнего периода истории и начало нового, связанного не только со сменой власти, но и с глубочайшей социальной трансформацией китайского общества (Цзинь Чунцзи). Выбор китайским народом социалистической перспективы развития под руководством КПК был обусловлен рядом факторов: нежеланием империализма допустить превращение Китая в независимое и сильное капиталистическое государство и в то же время слабостью национальной буржуазии; привлекательностью выдвинутого компартией лозунга создания народной республики не только для крестьянства, рабочего класса и мелкой буржуазии, но и для национальной буржуазии и ее политических представителей; дискредитацией в глазах общественности Гоминьдана из-за развязывания им гражданской войны против КПК; привлекательностью для самых широких слоев народа идеи социализма, созвучной традиционной конфуцианской идее “великого единения”, воплотившейся в учении Сунь Ятсена о “трех народных принципах” (представлявших собой капитализм, но без крупных капиталистов); примером первой пятилетки в СССР, успехи которой были достигнуты на фоне глубокого экономического кризиса в США и других западных странах, что повысило интерес к советской модели развития в глазах китайских интеллектуалов (Ша Цзяньсунь и Чжан Хайпэн).

Подробно осыщалась на конференции роль Мао Цзэдуна в созидании нового Китая. Были отмечены следующие заслуги Мао Цзэдуна: разработка программы переходного периода от новой демократии к социализму при отказе от прежних концепций “полного перехода” к социализму через проведение национализации; выдвигание положения о том, что единственным путем преобразования частнокапиталистической промышленности и торговли в социалистическую является государственный капитализм; успешное установление в Китае под его руководством “основного социалистического строя с китайской спецификой”. Мао Цзэдун сформулировал стратегические цели осуществления четырех модернизаций, под его руководством был выполнен первый пятилетний план социально-экономического развития КНР, заложивший основу для последующего создания целостной и сравнительно самостоятельной системы промышленности; им были сформулированы 10 основных взаимоотношений в осуществлении социалистической модернизации, и разработана теория разрешения противоречий внутри народа. Он добился утверждения компартии Китая в качестве правящей и превращения Китая в великую державу (Ли Цзе): выдвинул важную идею о “вторичном соединении марксизма-ленинизма” с практикой Китая и поиске “конкретного пути” построения социализма в КНР (Лян Чжу). Австралийский участник конференции Уоррен Сунь (Warren Sun) отметил в своем докладе, что при построении нового государства Мао Цзэдун отказался от древней конфуцианской традиции и воспринял советскую модель строительства, включающую коллективизацию, индустриализацию и пятилетние планы, а также концентрацию финансовых ресурсов в руках государства для превращения аграрной экономики в индустриальную. Несмотря на разрушительные результаты проводившейся им политики “большого скачка” и “культурной революции”, заложенная под его руководством прочная политическая и экономическая основа нового государства позволила его преемникам превратить Китай в сильную мировую державу.

В ряде докладов проанализирован 60-летний путь индустриализации Китая и проведения политики реформ и открытости. В докладе известного китайского экономиста, бывшего вице-президента АОН Китая Лю Гогуана отмечена диалектичность процесса перехода Китая от новодемократической экономики к социалистической плановой экономике, а затем — к социалистической рыночной экономике, подчеркнута значимость регуливающей роли плана и рынка в ее построении. Историческому опыту Китая в использовании плановых и рыночных методов при разработке и выполнении пятилетних планов социально-экономического развития КНР посвящен доклад У Ли, в котором отмечается, что плановое управление и рыночное регулирование являются необходимыми инструментами управления экономикой, без любого из которых ее нормальное развитие невозможно. При этом важными вопросами являются правильное определение соотношения в использовании этих двух инструментов и изменение экономических функций правительства. Как констатировалось в докладе Дун Чжикай, на первой половине этого 60-летнего пути — в 1949—1978 гг. — основой китайской экономики было сельское хозяйство, а приоритетными направлениями было развитие энергетики, производства сырья и машиностроение, а также создание инфраструктуры. В этот период была заложена первоначальная основа индустриализации, стратегия которой с упором на развитие тяжелой промышленности была заложена еще в “Совместной программе” НПКСК, принятой накануне провозглашения КНР в 1949 г. Осуществление программы индустриализации требовало огромных капиталовложений при медленной оборачиваемости вложенных средств. Эти средства не мог дать ни зарубежный, ни китайский капитал, поэтому в 1950—1980-е гг. для приоритетного создания тяжелой промышленности пришлось, используя социалистическую систему, концентрировать финансовые, материальные и людские ресурсы при опоре на административные методы стимулирования производства, следствием чего были недостаточная гибкость и жизнеспособность предприятий. В 1978—2009 гг. страна прошла следующий этап индустриализации, связанный с реформированием на уровне предприятий, правительства и отраслей и совершенствованием системы управления экономикой и переходом к экономике открытого типа. В итоге за 60 лет в стране была создана сравнительно целостная самостоятельная система промышленности, которая все время росла быстрыми темпами: ежегодный прирост валовой промышленной продукции в 1953—1985 гг. сохранялся на уровне 11%, а в 2007 г. объем промышленного производства в неизменных ценах составил 2401,7% от уровня 1978 г. Явно вырос технический уровень производства, получил развитие процесс урбанизации — с 10,6% в 1949 г. доля городского населения поднялась до 44,9% в 2007 г. Повысился международный вес Китая. Вместе с тем в научно-технологическом плане Китай все еще находится в слишком большой зависимости от зарубежных стран, обладая слабой инновационной базой, и испытывает нарастающее экологическое давление.

В докладе Мори Казуко (Япония) дана общая оценка 30-летней политики реформ и открытости в КНР. Отмечено, что этот период, наряду с феноменальными темпами экономического роста также породил растущий разрыв в уровне развития между приморским поясом и центральными и западными регионами, между богатыми и бедными, а многообразие интересов разных прослоек общества и усиление противоречий между ними ведут к напряженности и противостоянию между “победившими” и “проигравшими” от реформ, между властями и недовольными и т.д. В докладе поставлены следующие вопросы. 1. Что обуслови-

вает возможность поддерживать долговременный устойчивый и быстрый экономический рост в КНР? 2. Существует ли какой-либо поворотный момент в прогрессе Китая, если да, то когда он наступит? 3. Как оценивать роль правительства КНР в проведении политики реформ и открытости и что это означает для экономической и политической систем КНР? 4. До какой степени можно “институционализировать” политику реформ и открытости? 5. Как оценивать острую полемику, развернувшуюся в начале 2000-х гг. между китайскими учеными и политиками?

Часть докладов была посвящена отдельным аспектам экономической истории и современной экономической политики КНР: истории формирования финансовой системы в 1950-е гг. (У Цзинпин), процессу урбанизации в КНР в 1950—1960-е гг. (Сюе Фэнсюань, Сянган), развитию процесса коллективизации от формирования групп взаимопомощи до создания народных коммун (Син Лун), анализу понятий товарной экономики и рыночной экономики (Вэй Синхуа), анализу нынешней финансовой политики КНР (Миякава Акира, Япония), раскрепощению сознания как важнейшей предпосылке решения проблем и противоречий на пути построения социализма с китайской спецификой (Ван Бинлинь), накоплению компартией Китая опыта управления страной в условиях глубокой социальной трансформации (Лю Цзяньхуэй).

На конференции рассматривалось решение проблемы устойчивого развития Китая на основе концепции научного развития, нацеленной на переход к новой модели экономического роста, увязанного со стабилизацией роста численности населения и повышением качества населения и с усилением защиты окружающей среды и ресурсосбережения (Чэн Эньфу). Отмечалось, что быстрый прирост населения в КНР до вступления в эпоху реформ не только обострял ситуацию с ресурсами, занятостью и бедностью, но и способствовал тем самым консервации планового регулирования экономики. Напротив, принятие политики ограничения рождаемости в 1980 г. и ее строгое проведение в жизнь начиная с 1982 г. обеспечили устойчивую динамику процесса проведения и углубления реформ (Ли Вэнь). Также отмечалось важное значение фактора низкого по себестоимости, но при этом высокоэффективного человеческого капитала в обеспечении долговременного устойчивого роста экономики КНР, без учета которого невозможно объяснить “китайское экономическое чудо” (Ли Лин).

На конференции отмечалась роль Дэн Сяопина в разработке и проведении в жизнь политики реформ и открытости. В докладе Чэнь Чжунъюаня прослежена последовательность выдвижения Дэн Сяопином основных положений строительства социализма с китайской спецификой: на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва он поставил “новые задачи” и выдвинул “новые идеи” по поиску Китаем своего пути к социализму; в марте 1979 г. он обозначил цели и задачи движения по “пути модернизации китайского типа”; затем выдвинул положение о социалистической духовной культуре и поставил задачу производства ВВП в среднем в 1 тыс. долл. США на душу населения и достижения “малого благоденствия” (сяокан) в качестве цели осуществления модернизации китайского типа; в 1981 г. он впервые указал на то, что Китай находится на “начальной стадии” социализма и дал конкретное систематизированное объяснение тому, что представляет собой “правильный путь осуществления социалистической модернизации, соответствующий китайским условиям”, а на XII съезде КПК в 1982 г. выдвинул научное понятие “строительства социализма с китайской спецификой”. В ряде докладов отмечался также большой вклад Чэнь Юня в дело разработки пути социалистической модернизации в КНР. Вместе с Дэн Сяопином он сформировал еди-

ный “взаимодополняемый” “руководящий механизм”, который заложил основу успеха проведения политики реформ и открытости (Чэнь Дунлинь). В докладе В.Я. Портякова прослежена роль Чэнь Юня в разработке экономической политики КПК с самых первых лет существования КНР, показаны его заслуги в проведении урегулирования народного хозяйства в первой половине 1960-х гг. и в достижении нормализации важнейших народнохозяйственных пропорций на рубеже 1970—1980-х гг., позволивших затем начать комплексную реформу экономической системы КНР; раскрыты основные экономические идеи Чэнь Юня, сыгравшие большую роль в преодолении левацких настроений в среде кадровых работников и в мобилизации их на проведение политики реформ и открытости. По мнению австралийского исследователя Фредерика Тейвеса (Frederics Teiwes), основные положения политики реформ и открытости были разработаны не на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.), на котором в среде высшего руководства КПК произошел “поворот в идеологической сфере”, утвердился в качестве “вождя” Дэн Сяопин, и была закреплена ведущая роль Чэнь Юня, а ранее, под руководством Хуа Гофэна, вклад которого в разработку политики реформ и открытости “нельзя недооценивать”. Еще до пленума сложился консенсус в высшем китайском руководстве, прежде всего между Дэн Сяопином и Хуа Гофэном, относительно ключевых моментов проведения модернизации КНР.

Значительная часть докладов была посвящена политической системе КНР, обеспечившей проведение политики реформ и открытости. Китайские исследователи подчеркивают неизменность установленного в 1949 г. государственного строя КНР как “демократической диктатуры народа”, основанной на союзе рабочего класса и крестьянства под руководством рабочего класса (через компартию). Данное определение государственного строя КНР вошло в Устав КПК, в принятую в 1949 г. “Совместную программу НПКСК” и в принятую в 1954 г. Конституцию КНР. Сразу же после принятия на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва курса на проведение политики реформ и открытости Дэн Сяопин уже в марте 1979 г. связал реализацию этого курса с соблюдением “четырех основных принципов”: “придерживаться социалистического пути, диктатуры пролетариата, руководства со стороны коммунистической партии и марксизма-ленинизма — идей Мао Цзэдуна”, рассматривая эти принципы в качестве важнейшей политической гарантии успешного осуществления четырех модернизаций и противодействия буржуазному либерализму. Приверженность четырем основным принципам была подтверждена преемниками Дэн Сяопина Цзян Цзэмином и Ху Цзиньтао (Тянь Цзюцзянь). В докладе Н.Л. Мамаевой прослежены основные этапы и направления преобразований в партийно-политическом строительстве КПК и дан сравнительный анализ с КПСС. В докладе отмечено, что сложившаяся в КНР политическая система за 60 лет своего существования показала свою гибкость и возможность к совершенствованию, налицо поступательное развитие в политической сфере, выражающееся в “юридизации” управленческой функции партии, в последовательном проведении линии на разделение партийных и государственных функций, во внедрении демократических процедур в деятельность партийных органов. Главный же и конечный показатель политической составляющей процесса модернизации на сегодняшний день — усиление государственной мощи и рост материального благосостояния населения. В докладе Д.А. Смирнова раскрыто сочетание в процессе эволюции политической системы КНР общих закономерностей построения социалистического общества с национальными особенностями Китая и требованиями, продиктованными задачами построения

рыночной экономики. Отмечено, что особое внимание уделяется задаче повышения управленческого потенциала партии в условиях, когда КПК стоит перед необходимостью решения двух сложнейших проблем: регулирования интересов разных социальных слоев, не допуская их конфликта, и сочетания демократизации политической системы с сохранением руководящей роли КПК. Остается открытым вопрос о том, до каких пределов могут развиваться необщественные формы собственности без риска размывания существующего государственного строя в условиях быстрого роста удельного веса и расширения влияния новых социальных слоев. В докладе В.Ф. Бородича политическое развитие Китая рассматривается в качестве важного фактора его национальной конкурентоспособности. Анализируя сущность существующей в Китае политической власти и традиции политического управления, докладчик отметил, что главным источником власти в КНР выступает авторитет и связанная с ним модель “управления с опорой на человека”. Демонстрируемое же политически стремление власти к подтверждению своего авторитета (стимулирование социальной гармонии, жесткость в борьбе с коррупцией, осуществление социальных реформ) способствует дальнейшей настройке власти на потребности общественной системы, что повышает ее легитимность и эффективность политического управления в Китае.

В докладе Ли Чжэнхуа рассмотрены основные этапы формирования системы сельского самоуправления в КНР: В 1949—1958 гг., т.е. в период перехода от новой демократии к социалистическому строительству и проведения аграрной реформы существовала сложная и неодинаковая в разных местностях система управления деревней. В 1958 — начале 1980-х гг., т.е. в период после завершения социалистических преобразований и формирования социалистического строя, в деревне установилась единообразная система управления в виде народных коммун, которая, с одной стороны, оказывала серьезное влияние на производственную активность крестьянства, а с другой, сыграла определенную позитивную роль в осуществлении индустриализации и обеспечении стабильности в деревне. С начала 1980-х гг. по настоящее время — это период проведения политики реформ и открытости, во время которого была найдена адекватная преобразованиям в сельской экономике форма сельского самоуправления на основе внедрения подворного производственного подряда, заменившая прежнюю систему народных коммун, в которых были совмещены хозяйственное и административное управление. Новая система самоуправления отражает изменения в социальной структуре и общественных отношениях в деревне, произошедшие после роспуска народных коммун и представляет собой “первоначальный эксперимент” по реформированию политической системы КНР.

Один из докладов был посвящен экономическому и политическому развитию Аомэня за 10 лет после его воссоединения с КНР (У Чжилян, Аомэнь). В нем дан интересный анализ политической жизни Аомэня, в частности, выступлений в поддержку “борьбы за демократию” и “против коррупции и разложения”. Автор пришел к выводу о том, что важной предпосылкой развития представительной демократии является “повсеместное наличие у граждан высокого гражданского сознания, сравнительно высокой культуры и гражданских качеств”. В докладе Ли Нам Цзюнь (Республика Корея) рассмотрен процесс демократизации в КНР, его сущность и будущие перспективы. По мнению докладчицы, в КНР процесс демократизации происходит не в общепринятом в мире смысле как проведение полномасштабных демократических реформ, а в направлении создания современной системы управления и совершенствования управленческих механизмов

под жестким контролем КПК, которая до сих пор не представила какого-либо четкого проекта дальнейшего направления реформирования политической системы. Поэтому, подчеркнута в докладе, нельзя говорить о создании в КНР некой “третьей модели демократии”, несмотря на активное обсуждение вопроса о демократии в Китае, но в будущем, по мнению Ли, процесс развития демократии в КНР пойдет путем, не отличающимся в основных чертах от либеральной модели демократии.

В других докладах были рассмотрены вопросы политики в области культуры (Лю Госин, Ян Фэнчэн), религии (Чжо Синьпин), обороны (Ши Дэсюе, Чжан Синсин), отдельные аспекты истории КПК (Михаэль Шенхальс, Швеция), а также исследованиям российских (В.Н.Усов) и японских китаеведов (Хэ Пэйчжун) по проблемам истории КНР.

Большой блок докладов был посвящен внешнеполитической тематике. В докладе Юй Пэя, содержащим обзор внешней политики КНР за 60 лет, подчеркнута, что изначально в основу этой политики был заложен принцип защиты независимости и суверенитета. После образования КНР приоритетными были отношения с СССР и странами народной демократии. Во время “культурной революции” китайская дипломатия подверглась разрушительному влиянию левацких установок, но уже в конце 1960-х гг. Чжоу Эньлай при поддержке Мао Цзэдуна принял меры по нормализации дипломатической деятельности КНР. Новый период в истории китайской внешней политики был открыт решениями 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, после которого Дэн Сяопин обобщил опыт Китая и уроки распада СССР и сформулировал основные направления внешней политики: борьба с гегемонизмом и противодействие политике силы, установление нового мирового политического и экономического порядка, поддержание мира, уважение многообразия, развития дружественных связей с соседними странами на основе 5 принципов мирного сосуществования, усиление единства и сотрудничества с развивающимися странами, постоянное улучшение и развитие сотрудничества с развитыми странами, расширение торговли и многосторонней дипломатии на двустороннем и региональном уровнях на основе равенства и взаимной выгоды. На сегодня, было отмечено в докладе, 171 страна установила дипломатические отношения с Китаем, а Китай входит в 130 международных организаций. Важнейшей чертой политики Китая является приверженность миру и развитию, а также уважение и стремление к гармоничному сосуществованию всего многообразия мировых цивилизаций и путей развития разных стран. В докладе Дин Мина прослежена эволюция дипломатии КНР за 60 лет. Он выделяет в ней четыре периода. В 1950-е годы это была стратегия “склонения к одной стороне” (*и бянь дао*), отвечавшая интересам и целям КНР в то время. В 1960-е годы от приверженности “одной стороне” Китай перешел к “противостоянию двум сторонам” — США и СССР, сделав упор в своей дипломатии на развитие отношений со странами Азии, Африки и Латинской Америки, а также развитыми странами Европы и Америки: В 1970-е гг. стратегия Пекина заключалась в уменьшении бремени противостояния сразу двум сверхдержавам и в сосредоточении усилий на противодействии только так называемой “советской угрозе”. С 1980-х годов Китай перешел к “всесторонней дипломатии”, начало которой было положено решениями 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва. В основе “всесторонней дипломатии” лежит приоритет защиты национального суверенитета и выстраивание равноправных отношений со всеми странами мира. Эту политику, начатую Дэн Сяопином, унаследовало и продолжило третье и четвертое поколения китайского руково-

дства. Вопросам разработки, преемственности и развития внешней политики КНР также посвящены доклады Чжэн Цижуна, Гуан Ли, Хуан Пина и Дэвида Шамбо (США).

В докладе американского китаевода Э. Фогеля раскрыты детали переговоров Дэн Сяопина с представителями США о нормализации двусторонних отношений. Докладчик полагает, что не совсем правильно считать, что политика открытости и реформ началась в КНР с 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, поскольку политику открытости по отношению к Западу Китай начал проводить сразу после пограничного конфликта с СССР в 1969 г., и эту политику проводили и Мао Цзэдун, и Чжоу Эньлай, и Хуа Гофэн, и Дэн Сяопин, который добился прорыва в направлении нормализации отношений с США и Японией после своего возвращения во власть в 1977 г., еще до 3-го пленума. Известный индийский китаевед Маноранджан Моханти (Manoranjan Mohanty), акцентируя внимание на том, что Китай и Индия являются “поднимающимися экономиками” и активными участниками саммитов G-20, оказывающими все большее влияние на мировую экономику и политику, ставит вопрос о том, нужно ли миру продолжать оставаться под управлением нескольких ведущих держав, пусть и сменяющих друг друга, со смещением центра силы на Восток. По его мнению, холодная война и гегемонизм должны уступить место новой эпохе в мировой истории с новыми структурами глобального сотрудничества и демократического управления на основах равенства и справедливости как внутри всех стран, так и в системе международных отношений.

Доклад тайваньского исследователя Ци Цзялиня был посвящен соотношению внешнеполитической установки КНР “не стремиться к гегемонии” с ее курсом на решение тайваньской проблемы. В докладе отмечается, что в силу ряда причин, в том числе особенностей национального менталитета, культуры и традиций Китай никогда не будет стремиться к гегемонии, в том числе в Азии, в то время как США поддерживают сепаратистское движение на Тайване и вмешиваются в его дела. Но отказ от гегемонии не означает отказа от национального воссоединения, хотя Китай не будет стремиться решить тайваньскую проблему “любой ценой”, даже если ее решение потребует много лет.

В целом конференция отчетливо выявила доминирующее сегодня в Китае стремление трактовать шесть десятилетий существования Китайской Народной Республики как единый процесс.

Рецензии

Федоровский А.Н. Феномен чэболь. Государство и крупный бизнес в Республике Корея. М.: Изд. дом "Стратегия", 2008. 319 с.

Бурный неоиндустриальный прорыв искусственно отделенной от Севера постколониальной Южной Кореи — одна из малоизученных проблем в российском и мировом корееведении. Как это ни парадоксально, но до сих пор не было создано ни одного комплексного исследования, специально посвященного опыту уникального взаимодействия государства и крупного капитала в РК в процессах радикальной модернизации национального хозяйства. Рецензируемая монография А.Н. Федоровского во многом восполняет серьезный пробел по данному сюжету.

Генезис, становление и возвышение чэболь — своеобразных локомотивов южнокорейского "экономического чуда" (семейно-родовых конгломератов) нередко выводятся из исторического прошлого, когда японские дзайбацу проводили на полуострове курс на военно-колониальную индустриализацию. Как известно, побочным следствием этого курса был некоторый рост корейской предпринимательской буржуазии, часть которой стала играть весьма заметную роль после провозглашения на Юге Первой республики. Однако, как обоснованно полагает автор, чэболи — это уникальный, сугубо южнокорейский феномен. Их преобладающая часть выросла в условиях льготного передела колониального имущества и использования внешней, прежде всего американской помощи. Именно на этой волне стремительно возвысились такие могущественные конгломераты, как "Хендэ" (Hyundai Corporation), "Самсунг" (Samsung), "Лакки голдстар" (Lucky Goldstar), "Дэу" (Daewoo Motor), "Ссанъен" (Ssangyong) и др. История глобализации не лишена удивительных парадоксов. Основатель "Хендэ" Чон Чжу Ен, в молодости грузчик и автослесарь, только в 1947 г. соз-

дал небольшую строительную компанию. Выгодные подряды от государства, тесная уния с госбюрократией превратили ее в одного из крупнейших производителей цемента, алюминия, стали, бумаги, химических товаров, а позднее — океанских судов и автомобилей. Этот генезис свидетельствует о том, что чэболи, несмотря на ряд космополитических черт, — специфическое южнокорейское явление, базирующееся на весьма консервативных (во многом патриархальных) традициях. "На протяжении десятилетий они (традиции) определяли специфику развития корпоративных институтов, — отмечает автор книги. — Существенным их свойством является жесткая вертикальная иерархическая структура, чьи параметры не могут быть резко изменены, поскольку основываются на исторически длительных, апробированных опытом многовековых традиций общественных отношений и закрепленных в сознании людей нормах поведения" (С. 43).

Автор монографии убежден, что южнокорейская модель достаточно гибкого и маневренного взаимодействия государства и частного бизнеса составляет одну из движущих пружин "экономического чуда" страны, ее неоиндустриальной, а затем и постиндустриальной модернизации. Анализируя экономические показатели РК за 2005 г. (ВВП — 720 млрд долл., золотовалютные резервы — 210 млрд долл., экспорт — 283 млрд долл. и т.д.), А.Н. Федоровский с полным основанием полагает, что эти феноменальные достижения вчерашней японской колонии вряд ли стали бы возможны без масштабной чэболизации, а точнее формирования с помощью государства мощных финансово-промышленных групп, превращающихся в условиях глобализации в довольно сильную транснацио-

нальную конкурентную силу. Именно государство и чэболи-конгломераты играют определяющую роль в выработке стратегии внешнеэкономической экспансии РК на китайском, японском, АСЕАНовском, северо-корейском и российском направлениях.

Разумеется, довольно эффективная модель взаимодействия государства и чэблей в РК возникла не без влияния мирового хозяйственного опыта, включая наследие либеральной рыночной экономики Запада. Не однажды, особенно в периоды кризисов, стагнации и других неурядиц, на повестке дня вставал вопрос о том, чтобы “отрубить щупальца” всемогущим чэблём, пойти по пути радикального огосударствления и национализации крупного капитала. Однако каждый раз Республика Корея, как справедливо отмечено в монографии, находила иные конструктивные, прежде всего экономические пути выхода из тупика.

Особенно отчетливо эта тенденция проявилась в экономической стратегии президентов Ким Дэ Чжуна и Но Му Хена. Автор книги выделил такие узловые аспекты реформирования чэблей, как финансовая прозрачность предприятий-монополистов, запрет взаимных (нередко фиктивных) долговых гарантий между дочерними фирмами одной и той же чэболь, расширение их интеграции с малым и средним бизнесом, обеспечение реальных контролирующих функций деятельности конгломератов со стороны миноритарных акционеров и т.п. (С. 120).

В дальнейшем тесный деловой союз между государством и крупным капиталом также развертывался в целом в рамках классических доктрин либеральной рыночной экономики. С одной стороны, государство приняло на себя ключевые функции по санации банковской системы, реструктуризации финансовой задолженности чэблей, созданию специального фонда повышения занятости, стимулированию малого предпринимательства и снижению налогового бремени на операции с недвижимостью. В то же время сами конгломераты взяли на себя обязательства по сокращению нерентабельных фирм и, что чрезвычайно важно, структурной модернизации компаний, действующих в девяти стратегических отраслях народного хозяйства (космос, полупроводники, нефтехимия,

черная металлургия, электротехника, автомобилестроение и др.). Особое внимание государственно-корпоративный альянс стал уделять подготовке нового поколения управленческих кадров, обладающих высокопрофессиональными знаниями и безупречной служебной репутацией: “Приход такого рода людей в правительство. — подчеркивает А.Н. Федоровский. — вызывает поддержку в бизнесе, поскольку новая бюрократия лучше образована и меньше отягощена грузом прошлого (желанием командовать бизнесом, коррупционными связями, клановым обязательствами и т.д.)” (С. 110). Курс на радикальное обновление и оздоровление управленческо-бюрократической элиты принес в конечном итоге не только осязаемые экономические, но и политические результаты. И отнюдь не случайно в декабре 2007 г. на пост президента РК был избран один из бывших топ-менеджеров корпорации “Хендэ” Ли Мен Бак.

Один из важных сюжетов рецензируемой книги — коррупция в высших эшелонах южнокорейской власти и крупного бизнеса. Вся история неоиндустриального подъема РК неотделима от сенсационных коррупционных скандалов. Строгие нормы конфуцианской этики не стали преградой на пути разрастания коррупционной болезни. Как отмечено в монографии, одна из форм скрытой коррупции государственной бюрократии — добровольно-принудительные платежи в фонды правящих элит и политических партий. Так, “отступные” олигарха при президенте Чон Ду Хване составили 5 млрд вон, а при правлении Ро Дэ У — около 10 млрд вон (с. 56).

Метастаз коррупции не удалось избежать даже администрации Ким Дэ Чжуна, который считается одним из наиболее последовательных приверженцев либеральной демократии.

Одно из ключевых направлений нарастающего взаимодействия национального государства и крупных конгломератов в РК — инновационная сфера. Однако на пути форсированного перехода неоиндустриальной экономики к инновационной РК натолкнулась на комплекс труднейших проблем. За период с 1990 по 2003 г. ежегодный объем инвестиций в НИОКР в стране возрос: по государственной линии с 650 млрд вон до 4 трлн 663 млрд вон, а частные инве-

стиции с 2 трлн 698 млрд вон до 14 трлн 327 млрд вон. В переводе на долларовый курс суммарные капиталовложения в НИОКР в 2003 г. достигли 19 млрд долл., что составило 2,6% ВВП (С. 139). Этот сдвиг не устранил значительного отставания РК от США, Японии, Германии и других высокоразвитых стран по размерам инвестиций в инновации. Отсюда весьма скромные показатели научного экспорта РК (около 100 млн долл. в 2005 г.). Южнокорейская НИОКР, как отмечено в рецензируемой монографии, явно страдает от сверхчэболлизации. Лишь на 20 крупнейших конгломератов приходится около 40% ученых и 55% капиталовложений в НИОКР.

Южнокорейское государство и чэболь не раз провозглашали крупные стратегические программы интенсификации научно-технической политики. В январе 2000 г. в РК была обнародована стратегия прорыва от индустриальной экономики к постиндустриальной. При этом были четко определены приоритетные направления дальнейшего упрочения унии между государством и бизнесом: а) эффективное стимулирование экономики новейших знаний; б) резкий подъем индустрии информационных технологий, вхождение РК в первую десятку инновационных экономик мира; в) совершенствование образовательной системы, модернизация НИОКР до уровня стран, входящих в G7 и т.д.

Однако реализация этого амбициозного замысла оказалась намного сложнее, чем представлялось ранее. Само по себе увеличение государственно-частных ассигнований на науку и даже различного рода льготы НИОКР не всегда оправдывают завышенные ожидания. Согласно весьма аргументированному суждению А.Н. Федоровского, "острой проблемой становятся институциональные преобразования, по-

скольку иерархичная и сложная структура крупного бизнеса, его концентрация на решении тактических задач в ущерб достижению стратегических целей препятствует нововведениям" (С. 141). Отсюда настоятельная необходимость дальнейших институциональных преобразований НИОКР, поиски оптимальных путей достижения мировой научно-технологической конкурентоспособности национального хозяйства.

Представляют интерес суждения автора монографии "относительно возможной чэболлизации России". А.Н. Федоровский с полным основанием считает их явно гиперболизированными. Архитектоника и уникальный предпринимательский опыт чэболь вряд ли возможно реализовать в совершенно иных социальных условиях, иных деловых и культурных традициях. Разумеется, это не уменьшает огромный потенциал российско-южнокорейского сотрудничества в условиях глобализации. Крупные российские государственно-частные корпорации и южнокорейские чэболи в состоянии наладить тесное взаимодействие на долгосрочной, стратегической основе, хотя для этого потребуются сделать ощутимый крен в сторону инвестиционного и инновационного взаимодействия. "Необходим паритетный ответ России в построении двустороннего сотрудничества, концепцию которого необходимо наработать при участии государственных органов, бизнеса и его организаций, академического сообщества", — подчеркивает автор монографии (С. 365).

Российское корееведение пополнилось весьма содержательным, вдумчивым и глубоким исследованием, созданным в лучших традициях отечественной гуманитарной науки. Монографию, вне всякого сомнения, следовало бы рекомендовать в качестве университетского учебного пособия по специальностям "Международные экономические отношения" и "Регионоведение".

Юбилей ученого

Юбилей Людмилы Александровны Волковой

16 октября отметила юбилей известный российский китаевед Людмила Александровна Волкова.

Л.А. Волкова родилась в Москве. В 1952 г. с золотой медалью окончила среднюю школу. В том же году была принята на восточное отделение экономического факультета Московского Государственного Университета им. М.В. Ломоносова со специализацией по экономике КНР. Уже во время обучения в университете выявились незаурядные способности Л.А. Волковой, ее редкое трудолюбие, аналитический ум и необычайная скромность. Л.А. Волкова удостоивалась Сталинской стипендии и стипендии имени Н.Г. Чернышевского.

Закончив в 1957 г. экономический факультет МГУ, Л.А. Волкова несколько месяцев проработала во Всесоюзном институте научно-технической информации. В последующие годы научная деятельность Л.А. Волковой связана с Институтом китаеведения АН СССР и Институтом Дальнего Востока РАН. Еще в студенческие годы она стала заниматься аграрной тематикой КНР. В 1958 г. ею совместно с В.А. Жаминим была опубликована монография "Сельское хозяйство КНР".

В 1971 г. Л.А. Волкова защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук.

В 1972 г. была издана авторская монография "Изменение социально-экономической структуры китайской деревни (1949—1969 гг.)", переведенная вскоре на польский язык и получившая широкое признание в кругах китаеведов и специалистов широкого профиля. Научные труды Л.А. Волковой, посвященные социально-экономическим проблемам современного Китая, являются ценным вкладом в отечественное китаеведение. Автор нескольких монографий и многочисленных статей общим объемом свыше 100 п.л., Л.А. Волкова являет пример беззаветного служения науке и научного подвижничества. М.И. Сладковский, будучи научным руководителем Л.А. Волковой в аспирантуре, называл ее "трудолюбивой пчелкой". Выступления Л.А. Волковой на научных конференциях неизменно вызывают всеобщий интерес и высоко оцениваются руководством Института.

Личное обаяние, доброжелательность, стремление прийти на помощь, поделиться знаниями и опытом были и остаются отличительными качествами Л.А. Волковой.

В день юбилея дирекция ИДВ РАН, коллеги и редакция журнала "Проблемы Дальнего Востока" поздравляют Людмилу Александровну и желают ей доброго здоровья на многие годы и творческих успехов на ниве отечественного китаеведения.

Contents

POLITICS

- V. Portyakov.* China's Emergence as a Responsible Global Power
S. Ponamarev. PRC Nuclear Non-Proliferation Policy: Doctrine, Theory and Practice
L. Zabrovskaya. China and the DPRK: to Keep up the Regional Status-quo Policy
V. Ganshin. The Strength of Chinese "Soft Power"

ECONOMICS

- A. Ostrovskiy.* Some Aspects of the PRC Economic Development During 60 Years (1949—2009)
M. Alexandrova. 25 years of Trade and Economic Relations Between Russia and China Based on Heilongjiang Province

SOCIETY

- A. Ershov.* The Formation of the State Organs in the PRC and the Application of New Technologies
E. Stepanova. Women's Status and Gender Problem in Modern Taiwan

HISTORY

- A. Sizova.* Russian Consulates in Mongolia in Russian — Chinese — Mongolian Political Interaction of the Early XXth Century

CULTURE

- N. Lebedeva.* "The May Fourth Movement" Specific Characters in the North-Eastern China and the Development of New Regional Literature.
N. Martynenko. On the Problem of Xia Dynasty and Agricultural Circle's Symbolical Meaning
A. Khohlov. The Flourishing of Russian Language Study after Foundation of the PRC

INFORMATION

- D. Shambaugh.* Reflections on the American Study of Contemporary China
L. Kozlov. Political Studies of East Asia in Germany
G. Yaskina. Can Ulan-Bator Become Asian Helsinki?
D. Smirnov. Actual Problem of China's Contemporary History in Evaluation of Chinese and Foreign Scientists

BOOK REVIEWS

- V. Li.* A. Fedorovskiy. Chaebol Phenomenon. State and Large Business in the Republic of Korea

SCHOLAR'S JUBILEE

Jubilee of L.A. Volkova

Contents
Summary

Summary

V. Portyakov. China's Emergence As a Responsible Global Power

The author made an analysis of a category "Responsible Global Power", which is new with regard to the People's Republic of China. The article traces the origin and base for China's self-identification as a responsible global power. The evaluation of Western impact on this process has been attached. Some specific features of Chinese approach to a status of "responsible global power" and major spheres for practical realization of this concept at present stage have been described.

Key words: China, responsible global power, emergence process, Western impact, objective base, concept, realization spheres, prospect

S. Ponamarev. PRC Nuclear Non-Proliferation Policy: Doctrine, Theory and Practice

The article contains the official definition of Chinese military political doctrine in the sphere of nuclear non-proliferation. PRC political measures concerning nuclear problem of the Korean Peninsula are analyzed.

Key words: nuclear weapons proliferation, foreign policy doctrine, Central Military Council of the PRC, intercontinental missiles, nuclear terrorism

L. Zabrovskaya. China and the DPRK: to Keep up the Regional Status-quo Policy

The recent Chinese official statements indicate China's desire to seek peace and stability on Korean Peninsula, guarantee North Korean security and clearly avoid any chaotic transition period in its periphery. PRC supports a nuclear-free zone in the region while opposing any plans for regime changes in the DPRK. China's efforts mainly are to keep the North Korea situation under control and oppose any outside intervention.

Key words: the DPRK, Korean Peninsula, Kim Jong Il, son'gun policy, strategy of security, status quo.

V. Ganshin. The Strength of Chinese "Soft Power"

The success of Chinese economic reform and real increase in the standard of living of the PRC population forces its leaders to pay more attention to a place and a role of the country in global policy, search for new possibilities to improve the image of the Peoples Republic of China abroad. By means of so-called "soft power" China tries to reach perceived and specific goals. However, these steps encounter certain obstacles, which China still is to bypass.

Key words: "soft power", cultural diplomacy, "Beijing consensus", "the Chinese threat", harmony and responsibility.

A. Ostrovskiy. Some Aspects of the PRC Economic Development During 60 Years (1949—2009)

We can divide 60 years of the PRC history of social and economic development into two even parts: 1949—1978 — a period of administrative and command planned economy; 1978—2008 — a period of economic reforms and transition from planned to market economy. By the end of 1970's it became clear, that planned economy was not able to provide the fulfillment of basic social and economic tasks for the

Chinese society — to reach social and economic level of developed countries and to promote satisfactory living standards for the population. As a result of economic reform today China is one of the world leaders by gross domestic product (GDP); living standards of the population increased, and the country is successfully solving the task of building the “*xiaokang*” (small welfare) society.

Key words: social and economic development, PRC, economic reform, planned economy, market economy, ownership theory, inflation, “two-tiered” price system, market demand, a strategy of comparative advantages.

M. Alexandrova. 25 years of Trade and Economic Relations Between Russia and China Based on Heilongjiang Province

The province of Heilongjiang, bordering with the Russian Far East and Siberia, is the key counterpart in the Russian-Chinese trade. Exactly the trade and economic intercourse with Heilongjiang was a source of the so called “grey custom outlay” and other uncivilized forms and methods of cooperation in outcross border trade.

Key words: barter trade, shuttle trade, cross-border retail trade, counterfeit products, Notice and Order of the PRC State Council, trade deficit, “grey custom outlay”, economic restructuring, Russian Federation Government Regulation, structure of trade.

A. Ershov. The Formation of the State Organs in the PRC and the Application of New Technologies

The article analyses the application of new technologies in the process of reforming state machinery in the PRC. Along with the appearance and spreading out e-technologies on the planet so-called “e-governance” conception had been created. The PRC leaders consider “e-governance” as a very important tool and means which can smooth the process of Chinese administrative reforms. The article describes the realization of “e-government” strategy. Specific examples of Chinese “e-governance” achievements are observed.

Key words: administrative reform, state machinery, internet, web-site, e-government, information, technologies, legislation, bureaucracy.

E. Stepanova. Women’s Status and Gender Problem in Modern Taiwan

Most changes in the relationship between men and women are caused by the increased economic independence of the women, supported by the new situation at the labor market. In recent years, some feminine organizations were established to help women to solve their own problems. The start has been given to a complex process of woman socialization through a family, education, mass media, social groups, political parties, foreign culture, which is the result of social and political changes, accompanied by the economic success of Taiwan in the recent years.

Key words: Taiwan, feminism, gender equality, financial independence, education, women rights protection.

A. Sizova. Russian Consulates in Mongolia in Russian — Chinese — Mongolian Political Interaction of the Early XXth Century

The article is devoted to the political dimension of activity of Russian consulates in Mongolia in 1861—1917 and their role in implementation of Russia’s “Far Eastern strategy”. The imperial consular institute made a considerable contribution to resolving the “Mongol problem”, playing a role of an effective mechanism for

Russia's international mediation during Mongolia's struggle for the autonomy, as well as to solution of the "Kobdo" and "Altai" problems of the early XXth century. The author is analyzing the consulates' efforts to strengthen Russia's position in Mongolia and preserve the "balance of power" in the regional international competition of this period.

Key words: Russian consulates, Russian diplomacy, Russia and China, Russia and Mongolia, "Mongol question", international relations in Asia Pacific.

N. Lebedeva. "The May Fourth Movement" Specific Characters in the North-Eastern China and the Development of New Regional Literature

Article analyses the "May Fourth Movement" special features in the North-Eastern China in context of the regional historical development. Forms and methods for realization of this Movement included demonstrations, creation of literary associations with their own periodical press, theoretical discussions etc. The first literary works of new regional literature are described.

Key words: May Fourth Movement, North-Eastern China, Chinese literature, literary associations.

N. Martynenko. On the Problem of Xia Dynasty and Agricultural Circle's Symbolical Meaning

The article dwells on some research projects carried out in China to define more precisely the chronology of ancient dynasties, names of which in Western world are used to be associated with the "mythological" period of Chinese history. The author reconstructed the evolution of senses of the character *xia*, which is semantically connected with agriculture and calendar.

Key words: Chinese calendar, historical chronology, Xia dynasty, agricultural circle, symbolical meaning

A. Khohlov. The Flourishing of Russian Language Study after Foundation of the PRC

The article is devoted to the study of Russian language during the first years after the foundation of the People's Republic of China. It mainly focuses on the attempt to publish the Russian-Chinese dictionary edited by V. Rogov.

Key words: study of Russian in the PRC, Society of Russian-Chinese friendship, V. Rogov, Russian-Chinese dictionary.

Содержание журнала "Проблемы Дальнего Востока" за 2009 год

От главного редактора.....№ № 1, 5

ДОКУМЕНТЫ

Заявление лидеров АТЭС по глобальной экономике № 1
Совместное российско-китайское заявление об итогах встречи на
высшем уровне в Москве,..... № 4
Екатеринбургская декларация глав государств—членов Шанхай-
ской организации сотрудничества..... № 4

РФ—КНР: 60 ЛЕТ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Интервью министра иностранных дел Российской Федерации
С.В.Лаврова журналу "Проблемы Дальнего Востока" № 5
А. Бородавкин. Россия и Китай: по пути добрососедства и сотруд-
ничества..... № 5
С. Разов. Шестьдесят лет российско-китайских отношений: неко-
торые уроки..... № 5

К 60-Й ГОДОВЩИНЕ ОБРАЗОВАНИЯ КНР

С. Тихвинский. Как это было. Из воспоминаний о провозглашении
КНР 1 октября 1949 г. № 5
М. Титаренко. Китай на марше: о достижениях и перспективах
развития страны в XXI веке... .. № 5
Н. Мамаева. Китайская Народная Республика: 60 лет партийно-
политических преобразований. КПК и КПСС — некоторые на-
правления сравнительного анализа № 5
В. Трифонов. Внешняя политика КНР (1949—2009 гг.)..... № 5
А. Верченко. Советские специалисты в экономическом, научно-
техническом и гуманитарном строительстве КНР (1949—1960 гг.)..... № 5

КРУГЛЫЙ СТОЛ В ПДВ

60 лет Китайской Народной Республике: итоги и перспективы..... № 5

К 75-ЛЕТИЮ АКАДЕМИКА М.Л. ТИТАРЕНКО

А. Лукьянов, А. Ломанов. Почитающий мудрость и возвышающий
единство..... № 2
С. Лузянин. Теплые поздравления юбиляру..... № 3

ПОЛИТИКА

<i>В. Ганшин.</i> Прочность китайской “мягкой силы”,	№ 6
<i>Ю. Горяина.</i> Специфика “внутреннего” и “внешнего” образа Китая в начале XXI в.	№ 2
<i>Л. Забровская.</i> Китай и КНДР: курс на сохранение регионального статус-кво	№ 6
<i>Д. Кузнецов.</i> Северо-коре́йская проблема в зеркале общественного мнения	№ 2
<i>А. Мардашев.</i> Китайская Народная Республика и Европейский Союз: процесс становления всестороннего стратегического партнерства и перспективы его дальнейшего развития	№ 3
<i>А. Нагиев.</i> Влияние фактора энергетической безопасности на формирование и перспективу сотрудничества КНР со странами Африки	№ 4
Об итогах 8-й трехсторонней встречи ученых России, Индии и Китая	№ 2
<i>С. Понамарев.</i> Некоторые аспекты политики КНР в области нераспространения ядерного оружия	№ 6
<i>В. Портяков.</i> Российско-китайские отношения в 2008 году	№ 1
<i>В. Портяков.</i> Становление Китая как ответственной глобальной державы	№ 6
<i>А. Сенаторов.</i> Япония: от “бюрократического” руководства к “политическому”: концепции и практика	№ 4
<i>О. Тимофеев.</i> США: поиски новой стратегии в Азиатско-Тихоокеанском регионе	№ 3
<i>В. Трифонов.</i> Тайваньский вопрос на современном этапе	№ 3
<i>С. Уянаев.</i> Китай—Индия: отношения в начале нового столетия	№ 1

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

<i>А. Жук.</i> Состояние и перспективы рыбной отрасли российского Дальнего Востока	№ 1
<i>О. Залесская.</i> Организация хозяйственной деятельности китайских мигрантов на Дальнем Востоке России (1920—1930-е гг.)	№ 3
<i>Н. Козыкина, Л. Сизикова.</i> Миграционная ситуация в Забайкальском крае	№ 4
<i>М. Николаев.</i> Инновационная Россия на дальневосточном направлении	№ 1
<i>Т. Орнацкая, М. Чепик.</i> Деятельность спецслужб Дальневосточной Республики по информационному обеспечению внешнеполитической деятельности буферного государства в 1920—1922 гг.	№ 1
<i>Н. Платонова.</i> Дальний Восток и Байкало-Амурская магистраль (1974—1984 гг.)	№ 4
<i>А. Попенко.</i> Борьба с контрабандой на Дальнем Востоке России в первые годы советской власти и в период ДВР	№ 3
<i>С. Просвирнов.</i> Миграционные связи Амурской области и Китайской Народной Республики на рубеже XX—XXI веков	№ 1

ЭКОНОМИКА

- М. Александрова.* Четверть века торгово-экономического сотрудничества РФ и КНР (на примере провинции Хэйлунцзян).....№ 6
- В. Балакин.* Тяньцзинь—Биньхай: новый международный инвестиционный район КНР.....№ 3
- Я. Бергер.* Китай в условиях глобального экономического кризиса.....№ 1
- С. Грибова, Д. Кривошеев.* Логистическая специализация как новая стратегия приграничных регионов№ 2
- В. Кистанов.* Экономика Японии: сильнейший кризис в послевоенное время.....№ 4
- Н. Коледенкова.* Черная металлургия КНР№ 1
- В. Мазырин.* Проявления мирового экономического кризиса и меры по борьбе с ними в СРВ.....№ 3
- А. Мостовая.* Прямые иностранные инвестиции Японии на рубеже 2000-х гг. (1996—2007).....№ 3
- А. Островский.* Некоторые особенности экономического развития КНР за 60 лет (1949—2009).....№ 6
- И. Петухов.* О развитии промышленности микроэлектроники и создании суперкомпьютеров в КНР.....№ 2
- А. Пиковер.* Интернет и развитие электронной торговли в КНР.....№ 1
- М. Потапов.* АТЭС в условиях мирового финансового кризиса (экономические итоги саммита АТЭС в Лиме).....№ 2
- Н. Рыжова.* Роль приграничного сотрудничества в развитии окраинных городов Китая и России.....№ 4
- С. Суслина, В. Самсонова.* Южнокорейская проекция мирового финансового кризиса.....№ 4
- В. Чуванкова.* Частное предпринимательство в экономике КНР в условиях глобального кризиса№ 3

ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

- Е. Бирюлин.* 11-й пятилетний план охраны окружающей среды и тенденции энергопотребления в Китае.....№ 4
- А. Коржубаев.* Комплексное освоение ресурсов газа на Востоке России.....№ 3
- Н. Приходько, В. Черная, Чан Янь.* Экологические проблемы КНР и международное сотрудничество в области охраны окружающей среды№ 1

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

- Е. Баженова.* Население Китая в эпоху модернизации и экономических реформ.....№ 5
- А. Ершов.* Процесс формирования госаппарата КНР: использование новых технологий.....№ 6
- А. Ларин.* Китайские студенты в России.....№ 4
- О. Почагина.* Суррогатное материнство в Китае.....№ 3

ИСТОРИЯ

- Н. Егоров.* Дальневосточный отдел диверсионно-террористической организации "Братство Русской Правды" № 4
- Г. Каретина.* Бэйянские милитаристы в китайской историографии 1980—1990-х годов № 2
- А. Коваленко.* Роль казачества в укреплении границы России с Монголией и Китаем в XVIII — первой половине XIX вв. № 3
- А. Кошкин.* От союза до интервенции. Российско-японские отношения в начале XX века № 1
- С. Кузнецов.* Русские на Хоккайдо № 4
- А. Кузьминова.* "Белый террор" на Тайване (реконструкция событий 50-х гг. XX в.) № 4
- Г. Романова.* Взаимоотношения Советской России с Китаем и проблема КВЖД (1917—1920-е гг.) № 1
- Н. Самойлов.* Малоизвестные страницы российско-китайских отношений. Визит посольства Цинской империи в Санкт-Петербург в 1870 г. № 1
- А. Сидоров.* Проблема заключения пакта о ненападении в советско-китайских отношениях (1932—1937 гг.) № 1
- А. Сизова.* Русские консульства в Монголии в российско-китайско-монгольском политическом взаимодействии начала XX в. № 6
- Син Се Ра.* Политическая борьба в руководстве КНДР в 1953—1956 гг.: причины и динамика № 3
- Е. Таскина, И. Мухин.* Русские из Китая. Судьбы репатриантов 40—50-х годов XX века № 2
- В. Усов.* Изучение истории КНР в России за последние десять лет (1999—2009 гг.) № 5
- И. Усов.* Возникновение вьетнамского троцкизма: поиски путей политического и социального освобождения родины № 2
- Е. Фролова.* Деятельность русских представителей в период работы Вашингтонской конференции (1921—1922 гг.) № 2
- Чэнь Чжихуа.* Три десятилетия изучения истории СССР в КНР (1978—2008 гг.) № 5
- А. Юркевич.* Финансовая поддержка Москвой "партийной армии" Гоминьдана: проблема интерпретации источников № 2

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

- Ли Син.* О связи между научным развитием и гармоничным миром № 3
- Э. Пивоварова.* Что нового внес XVII съезд КПК в теорию "социализма с китайской спецификой?" № 2

КУЛЬТУРА

- Д. Капустин.* Гонконг — первый порт заграничного путешествия Чехова № 3
- А. Коробова.* Анализ психологии предательства в прозе Фэн Цзичая о "культурной революции" № 2

<i>Н. Лебедева.</i> Особенности "движения 4 мая 1919 года" на Северо-Востоке Китая и развитие новой литературы региона	№ 6
<i>Н. Мартыненко.</i> Загадка династии "Ся" и символика сельскохозяйственного цикла	№ 6
<i>Мао Цзэдун.</i> "Зимние облака": избранные стихи (перевод с китайского и предисловие А. Панцова).....	№ 5
<i>А. Федорин.</i> Ксилография на Дальнем Востоке: вьетнамский вариант	№ 1
<i>А. Федорин.</i> Лунно-солнечный календарь на Дальнем Востоке: вьетнамский вариант	№ 4
<i>А. Холлов.</i> Активизация изучения русского языка в Китае после образования КНР	№ 6

В ОБЩЕСТВЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ

<i>А. Картунова.</i> К 90-й годовщине "движения 4 мая"	№ 4
<i>Г. Куликова.</i> Во имя добрососедства, дружбы и сотрудничества.....	№ 5

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>А. Алексанян, С. Горбунова.</i> 300 лет российского китаеведения глазами китайского ученого.....	№ 5
<i>О. Борох, С. Горбунова, А. Ломанов.</i> XVII конференция Европейской ассоциации китаеведения	№ 2
<i>Т. Лазарева, Т. Герасимова.</i> XXXIII ежегодная научная конференция Центра политических исследований Китая ИДВ РАН	№ 4
<i>Г. Локшин.</i> АСЕАН сегодня: взгляд из России и Вьетнама.....	№ 1
<i>Ю. Морозов.</i> Мировой кризис и геополитическая ситуация в Центральноазиатском регионе: актуальные вопросы стратегии развития ШОС в XXI веке	№ 3
<i>А. Козлов.</i> Политические исследования Восточной Азии в современной Германии.....	№ 6
<i>В. Портяков.</i> О конференции в Японии по актуальным проблемам Восточной Азии	№ 2
<i>Д. Шамбо.</i> Заметки о современном американском китаеведении	№ 6
<i>Г. Яскина.</i> Станет ли Улан-Батор азиатским Хельсинки?	№ 6
<i>Г. Яскина.</i> Монголия, Россия, Китай: вместе к развитию в XXI веке.....	№ 1
<i>Л. Янгутов, Д. Аюшеева.</i> Буддизм и вызовы третьего тысячелетия.....	№ 1

РЕЦЕНЗИИ

<i>Я. Бергер.</i> Кузык Б.Н. Россия в цивилизационном измерении: фундаментальные основы стратегии инновационного развития.....	№ 2
<i>А. Волохова.</i> Китай в мировой и региональной политике. История и современность.....	№ 4
<i>В. Гринюк.</i> От моста Марко Поло до Пирл-Харбора: кто несет ответственность?.....	№ 4
<i>М. Демченко.</i> Разговор со временем. Презентация книги В. Шабалина "Жизнь прожить"	№ 2
<i>Л. Забровская.</i> Корейское урегулирование и интересы России.....	№ 4

<i>Е. Кобелев.</i> Мазырин В.М. Реформы переходного периода во Вьетнаме (1986—2006 гг.): направления, динамика развития	№ 3
<i>В. Ли.</i> Федоровский А.Н. Феномен Чэболь. Государство и крупный бизнес в Республике Корея.....	№ 6
<i>С. Лузянин.</i> Титаренко М.Л. Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии.....	№ 2
<i>А. Фоминых.</i> Курланчик Дж. Наступление с улыбкой: как "мягкое влияние" Китая преобразует мир	№ 3
<i>Ф. Хамраев.</i> ШОС в поисках нового понимания безопасности: материалы международной конференции в Алма-Ате.....	№ 3

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Виктору Николаевичу Барышникову — 80 лет	№ 4
Якову Михайловичу Бергеру — 80 лет.....	№ 5
Юбилей Людмилы Александровны Волковой,	№ 6
Юбилей Светланы Алексеевны Горбуновой.....	№ 3
Юбилей Зои Андреевны Муромцевой.....	№ 5
К 80-летию Леонарда Сергеевича Переломова	№ 1
Contents.....	№ № 2—6
Summary.....	№ № 2—6

Сухов Максим Вячеславович
17.05.1983 — 17.09.2009

Дирекция и общественные организации Института Дальнего Востока РАН с прискорбием извещают, что 17 сентября 2009 г. в г. Чунцин (КНР) трагически погиб младший научный сотрудник ИДВ РАН Сухов Максим Вячеславович. Он находился в Китае на языковой стажировке.

Максим Вячеславович Сухов родился 17 мая 1983 г. в городе Калининград (ныне Королев) Московской области. В 2000 г. окончил Учебный центр “Российская школа” с серебряной медалью, как один из лучших учеников по английскому языку выезжал на краткосрочную практику в США. В 2000 г. поступил в Московский университет потребительской кооперации, который окончил в 2005 г., получив квалификацию “информатик-экономист” по специальности “прикладная информатика (в экономике)”. В 2003 г. поступил на курсы китайского языка при ИДВ РАН, которые с отличием окончил в 2005 г. В 2005—2006 гг. был слушателем курсов китайского языка на межвузовском факультете китайского языка при ИСАА МГУ. С 2005 по 2008 гг. обучался в аспирантуре ИДВ РАН. Начал учить кхмерский язык.

В 2005 г. Максим Вячеславович был принят на работу в Институт Дальнего Востока РАН на должность младшего научного сотрудника в Центр сравнительного изучения цивилизаций Юго-Восточной Азии, затем — в Центр изучения новейшей истории Китая. Он принимал активное участие в проекте много-томной энциклопедии “Духовная культура Китая”, являлся автором статей в 4-м томе, техническим редактором и составителем указателей 3—5 томов. В 2006—2007 гг. проходил стажировку по китайскому языку КНР (г. Хэфэй) в Аньхуэйском университете и добился больших успехов в изучении китайского языка. Он преподавал его на курсах китайского языка при Институте практического востоковедения.

Максима Вячеславовича уважали и любили все те, кому посчастливилось работать с ним. Общеизвестны его поразительное трудолюбие, преданность делу, скрупулезный подход к работе с материалами, искренность в общении с людьми и готовность всегда придти на помощь.

Друзья и коллеги Максима Вячеславовича Сухова скорбят по поводу его трагической и безвременной кончины и выражают глубокие соболезнования его родным и близким.

Светлая память о Максиме Вячеславовиче Сухове навсегда сохранится в наших сердцах.

*Дирекция, общественные организации, коллектив ИДВ РАН,
редколлегия и редакция журнала “Проблемы Дальнего Востока”*

Марков Андрей Перфильевич
22.09.1915 — 30.09.2009

Дирекция и общественные организации Института Дальнего Востока РАН с прискорбием извещают, что 30 сентября 2009 г. ушел из жизни видный ученый-востоковед, доктор исторических наук, старейший из ветеранов отечественного японоведения Андрей Перфильевич Марков.

Андрей Перфильевич прошел трудовой путь дипломата, журналиста, исследователя. Он родился в с. Марково Усть-Кутского района Иркутской области в 1915 г. С 1936 по 1941 гг. учился на факультете русского языка и литературы Иркутского педагогического института.

В 1943 г. он был направлен на учебу в Высшую дипломатическую школу Министерства иностранных дел СССР, которую окончил в 1946 г., и был принят на работу во Второй Дальневосточный отдел МИД. В 1950—1952 гг. работал в Японии в качестве помощника Политсоветника при члене Союзного Совета для Японии от СССР. По возвращении на Родину продолжил работу в центральном аппарате МИД СССР. В 1956—1958 гг. А.П. Марков в качестве первого секретаря служил в Посольстве СССР в Пакистане.

После окончания заграникомандировки перешел на журналистскую работу. В 1959—1963 гг. он был обозревателем на Всесоюзном радио, в 1963—1968 гг. — ответственным редактором и редактором-консультантом Главной редакции стран Азии Агентства печати “Новости”. Находясь на практической работе, он занимался и наукой.

В 1968 г. А.П. Марков пришел на работу в Институт Дальнего Востока. В ИДВ он проявил себя как талантливый, трудолюбивый исследователь, специалист по вопросам международных отношений. Он сосредоточился на изучении проблем отношений Японии с Китаем и другими странами Азиатско-Тихоокеанского региона. В 1980 г. защитил докторскую диссертацию, являлся автором ряда монографий, многих статей и докладов на научных конференциях, получивших широкую известность. Некоторые его труды были переведены на иностранные языки и изданы за рубежом. А.П. Марков достойно представлял отечественную школу японоведов на международных научных форумах.

Андрей Перфильевич также вел научно-просветительскую работу, занимался общественной деятельностью, являясь членом Советского комитета солидарности с народами Азии, Африки и Латинской Америки, вице-президентом советско-пакистанского общества культурных связей. Он щедро делился своими глубокими знаниями и опытом с молодым поколением. Его книга “Как это было. Воспоминания сибиряка” выдержала несколько изданий в конце 1990-х гг.

Вызывала уважение гражданская позиция Андрея Перфильевича, неизменно преданного идеалам верного служения своему народу, глубокого патриотизма, высокой гражданской ответственности и профессионализма.

Друзья и коллеги Андрея Перфильевича скорбят по поводу его кончины и приносят глубокие соболезнования его семье.

Светлая память об Андрее Перфильевиче Маркове навсегда останется в наших сердцах.

*Дирекция, общественные организации, сотрудники ИДВ РАН,
редколлегия и редакция журнала “Проблемы Дальнего Востока”*

Уважаемые авторы журнала "Проблемы Дальнего Востока"!

Доводим до Вашего сведения, что в соответствии с требованиями Академиздатцентра "Наука" РАН с января 2006 г. Вы должны присылать в редакцию вместе с текстом статьи заполненный бланк договора. Бланк договора Вы можете найти на сайте нашего журнала www.ifes-ras.ru или на сайте Академиздатцентра "Наука" www.naukaran.ru.

Обращаем Ваше внимание на то, что договор вступает в силу только после принятия редколлегией журнала решения о публикации статьи.

Для оформления авторского гонорара необходимо представить в редакцию следующие сведения:

- дата рождения (число, месяц, год);
- домашний адрес с индексом;
- паспортные данные;
- номер страхового свидетельства Пенсионного фонда РФ;
- номер лицевого счета и реквизиты банка.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Интересующие вас вопросы вы можете задать зав. редакцией журнала Елене Александровне Лапшиной по телефону 8 (499) 124-02-15.

Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.

При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, ссылка на журнал "Проблемы Дальнего Востока" обязательна.

Сдано в набор 20.10.2009 г. Подписано к печати 18.11.2009 г. Формат бумаги 70x100 ¹/₈
Цифровая печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отт. 10,4 тыс. Уч.-изд. л. 14,6 Бум. л. 6,0
Тираж 657 экз. Зак. 792

Издатель: Академиздатцентр "Наука",
117997, Москва, Профсоюзная, 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. 8 (499) 124-09-02; e-mail: rdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2009 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типографии "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала «Проблемы Дальнего Востока» принимают к публикации рукописи статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

- Объем публикации, как правило, не должен превышать 1 а.л. (40 000 знаков).
- Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее основных положений (около 600 знаков) и перечнем ключевых слов, отражающих ее содержание, на русском и английском языках.
- К статьям, присылаемым в редакцию, должны быть приложены сведения об авторах (ФИО, место работы, должность, ученая степень и звание, контактный телефон, e-mail). Все текстовые материалы представляются в электронном виде на дискете 3,5" с распечатками через 2 интервала
- Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF с разрешением не менее 300 dpi
- Китайские имена и названия приводятся в русской транскрипции, основанной на системе Pinyin
- Все сноски и библиографические ссылки приводятся в конце статьи. Описания китайских, японских и вьетнамских изданий приводятся в транслитерации с последующим переводом на русский язык заглавия в квадратных скобках. Остальные печатные издания описываются на языке оригинала.

Правила оформления сносок:

Книги: Автор. Заглавие. Место издания. Год издания. С....

Публикации в периодических изданиях: Автор. Заглавие // Название издания. Место издания, год. Том, № (для газет – дата). С....

Составные части сборников и монографий: Автор. Заглавие. Место издания, год. С. ...

Материалы из WEB-сайтов описываются по тем же правилам, отделяясь от адреса сайта знаком (. –)

Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале можно получить по тел.: (499) 124 09 02.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы.